

Вестник БарГУ

Научно-практический журнал

Издаётся с марта 2013 года

№ 1 (19), июнь, 2026

Серия «Исторические науки
и археология. Экономические
науки. Юридические науки»

Учредитель: учреждение образования
«Барановичский государственный университет».

Адрес редакции:
ул. Войкова, 21, 225404 г. Барановичи.
Телефон: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Подписные индексы: 00996 — для индивидуальных
подписчиков; 009962 — для организаций.
Свидетельство о регистрации средств массовой
информации № 1533 от 30.07.2012, выданное
Министерством информации Республики Беларусь.

В соответствии с приказом Высшей
аттестационной комиссии Республики Беларусь
от 21 января 2015 г. № 16 научно-практический
журнал «Вестник БарГУ» серия «Исторические
науки и археология. Экономические науки.
Юридические науки» включён в Перечень
научных изданий Республики Беларусь для
опубликования результатов диссертационных
исследований по историческим наукам
и археологии, экономическим наукам,
юридическим наукам.

Научно-практический журнал «Вестник БарГУ»
включен в РИНЦ (Российский индекс научного
цитирования), лицензионный договор
№ 06-01/2016.

Выходит на русском, белорусском языках.
Распространяется на территории
Республики Беларусь.

Заведующий редакционно-издательской
группой А. Ю. Сидоренко
Технический редактор Ю. А. Киселева
Компьютерная вёрстка С. М. Глушак
Корректор Н. Н. Колодко

Подписано в печать 08.06.2026. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага ксероксная. Печать цифровая.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,70. Уч.-изд. л. 12,80.
Тираж 27 экз. Заказ . Цена свободная.

Полиграфическое исполнение: республиканское
унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов
Республики Беларусь». Специальное
разрешение (лицензия) на право осуществления
полиграфической деятельности № 02330/89
от 3 марта 2014 года. Адрес: ул. Кальварийская,
17, 220004 г. Минск.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кочурко В. И. (гл. ред. журн.), доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик
Белорусской инженерной академии, академик Международной академии технического
образования, академик Международной академии наук педагогического образования,
заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры технического
обеспечения сельскохозяйственного производства и агрономии (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Климук В. В. (зам. гл. ред. журн.), кандидат экономических наук, доцент, первый
проректор учреждения образования «Барановичский государственный университет»
(Барановичи, Республика Беларусь).

Шарова К. И. (гл. ред. сер.), кандидат экономических наук, доцент (учреждение
образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика
Беларусь); **Прудникова А. Н.** (отв. секретарь сер.) (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Гребень Т. М. (ред. текстов на англ. яз.) (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь).

Ермакович Л. И. (отв. за направление «Исторические науки и археология»), кандидат
исторических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лизакова Р. А.** (отв. за направление
«Экономические науки»), кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь);
Рутман Е. Я. (отв. за направление «Юридические науки»), магистр экономических наук,
(учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи,
Республика Беларусь).

Безуглая В. А., кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь);

Быков А. А., доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе
(учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Республика Беларусь); **Василевич Г. А.**, доктор юридических наук, профессор, член-
корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заслуженный юрист Республики
Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь);

Гальцов В. С., кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Академия
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Минск, Республика Беларусь),

Гурский В. Л., доктор экономических наук, доцент (Национальная академия наук
Беларуси, Минск, Республика Беларусь); **Житкевич Г. Я.**, кандидат экономических наук,
доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь); **Захарченко Л. А.**, кандидат экономических наук,
доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет»,
Брест, Республика Беларусь); **Колядко И. Н.**, кандидат юридических наук, профессор
(Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Короб А. Н.**,

кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский
государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Кручковский Т. Т.**,
доктор исторических наук (учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Куган С. Ф.**, доктор
экономических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный
университет информатики и радиоэлектроники», Минск, Республика Беларусь);

Лабейко О. А., кандидат экономических наук, доцент (Научно-исследовательский институт
теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте
Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Литвинский А. В.**, кандидат
исторических наук (учреждение образования «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Лосев В. В.**, кандидат юридических
наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический
университет», Минск, Республика Беларусь); **Лученок А. И.**, доктор экономических наук,

профессор (государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь); **Людвигевич О. Н.**, кандидат юридических наук, доцент (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Манкевич И. П.**, кандидат юридических наук, доцент (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Мартыненко И. Э.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Медведева Г. Б.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Недашковская Н. С.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Нечухрин А. Н.**, доктор исторических наук, профессор (учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь); **Омельянюк А. М.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный технический университет», Брест, Республика Беларусь); **Познякевич В. Н.**, кандидат экономических наук, доцент (учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь); **Посохина Г. И.**, кандидат исторических наук, доцент (учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь); **Солодовников С. Ю.**, доктор экономических наук, профессор (Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь); **Сокол А. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Таранова Т. С.**, доктор юридических наук, профессор (учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск, Республика Беларусь); **Функ Я. И.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Халецкая Т. М.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь); **Шабанов В. Б.**, доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь); **Яковчик Н. С.**, доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, заслуженный работник сельского хозяйства Республики Беларусь (Институт повышения квалификации и переподготовки кадров агропромышленного комплекса учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск, Республика Беларусь).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ

Андреева О. В., доктор экономических наук, доцент (Центр стратегических исследований социально-экономического развития Юга России Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **Астратова Г. В.**, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Российская Федерация); **Белянская О. В.**, кандидат юридических наук, доцент (Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Держинского», Тамбов, Российская Федерация); **Закирова Э. Р.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Российская Федерация); **Кузнецова Ю. А.**, доктор экономических наук, доцент (филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Российская Федерация); **Парушина Н. В.**, доктор экономических наук, профессор (Среднерусский институт управления — филиал федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Российская Федерация); **Шалаев В. П.**, доктор философских наук, профессор (федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Поволжский государственный технологический университет», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Российская Федерация); **Шаркова А. В.**, доктор экономических наук, профессор (федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация).

BarSU Herald

A scientific and practical journal

Published since March 2013

No. 1 (19), June, 2026

Series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law"

Promoter: Institution of Education
"Baranavichy State University".

Editorial address:
21 Voykova Str., 225404 Baranavichy.
Phone: +375 (163) 64 34 77.
E-mail: rig@barsu.by.

Subscription indices: 00996 — for individual subscribers;
009962 — for companies.
The certificate of the registration of mass media № 1533
of 30.07.2012 issued by the Ministry of Information
of Belarus.

In accordance with the order of the board of the Higher
Attestation Commission of the Republic of Belarus on
January 21, 2015 № 16 the scientific-and-practical journal
"BarSU Herald", the series "Historical Sciences and
Archaeology. Economics. Law" was included on the list of
the scientific publications of the Republic of Belarus for
publishing the results of dissertation research History of
science and archaeology, Economics, Laws.

Scientific-and-practical journal "BarSU Herald"
is included into RSCI (Russian Science Citation Index),
license agreement № 06-01/2016.

Issued in Russian, Belorussian. The journal is distributed
on the territory of the Republic of Belarus.

Managing editor A. Y. Sidorenko
Technical editor Y. A. Kiseleva
Desktop Publishing S. M. Glushak
Proofreader: N. N. Kolodko

Signed print 08.06.2026. Format 60 × 84 1/8. Paper xerox.
Digital printing. Headset Times. Conv. pr. s. l. 16,70.
Acc.-pub. s. l. 12,80. Circulation of 27 copies.
Order . Free price.

Printing performance: Republican Unitary Enterprise
"Information and Computing Center of the Ministry of
Finance of the Republic of Belarus". Special permission
(license) for the right to carry out printing activities
No. 02330/89, March 3, 2014.
Address: 17 Kalvaryiskaya, 220004 Minsk.

EDITORIAL BOARD

Kochurko V. I. (*editor-in-chief*), DSc in Agriculture, Professor, Academician of the Belarusian Academy of Engineering, Academician of the International Academy of Technical Education, academician of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, Professor of Department of Technical Support of Agricultural Production Processes and Agronomic Sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Klimuk V. V. (*deputy editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor, first vice-rector (Institution of Educational "Baranavichy State University", Baranavichi, the Republic of Belarus).

Sharova K. I. (*the series editor-in-chief*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Prudnikova A. N. (*executive secretary of the series*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Greben T. M. (*ed. of texts in English*) (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Ermakovich L. I. (*responsible for the area "Historical Sciences and Archaeology"*), PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Lizakova R. A.** (*responsible for the area "Economics"*), PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Rutman E. Ya.**, (*responsible for the area "Law"*), Master of Economic sciences (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus).

Bezuglaya V. A., PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Belarus State Economic University", Minsk, the Republic of Belarus); **Bykov A. A.**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Science (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Vasilevich G. A.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Honored Lawyer of the Republic of Belarus (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Galtsov V. S., PhD in Law, Associate Professor (Institution of Education "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus);

Gurskiy V. L., Doctor of Economics, Associate Professor (State scientific institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Zhitkevich G. Ya.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Zaharchenko L. A.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus);

Kolyadko I. N., PhD in Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Korob A. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Kruczkowski T. T., Doctor of Historical Sciences (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Kugan S. F.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Institution of Education "Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics", Minsk, the Republic of Belarus);

Labeyko O. A., PhD in Economics, Associate Professor (Research Institute of Theory and Practice of Public Administration of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Litvinskiy A. V.**, PhD in History (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus);

Losev V. V., PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Luchenok A. I.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (State Scientific Institution "The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, the Republic of Belarus); **Lyudvikevich V. N.**, PhD in Law,

Associate Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Mankevich I. P.**, PhD in Law, Associate Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Martynenko I. E.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Medvedeva G. B.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Nedashkovskaya N. S.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Nechuhrin A. N.**, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institution of Education "Yanka Kupala State University of Grodno", Grodno, the Republic of Belarus); **Omelyanyuk A. M.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Brest State Technical University", Brest, the Republic of Belarus); **Poznyakevich V. N.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Posohina G. I.**, PhD in History, Associate Professor (Institution of Education "Brest State A. S. Pushkin University", Brest, the Republic of Belarus); **Solodovnikov S. Yu.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Institution of Education "Belarusian National Technical University", Minsk, the Republic of Belarus); **Sokol A. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Taranova T. S.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarus State Economic University, Minsk, the Republic of Belarus); **Funk Ya. I.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Khaletskaya T. M.**, PhD in Law, Associate Professor (The Institute of Managerial Personnel of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, the Republic of Belarus); **Shabanov V. B.**, Doctor of Legal Sciences, Professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus); **Sharova K. I.**, PhD in Economics, Associate Professor (Institution of Education "Baranavichy State University", Baranavichy, the Republic of Belarus); **Yakovchik N. S.**, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Honored Worker of Agriculture of the Republic of Belarus (Professional Development and Retraining Institute of Agribusiness Specialists of Educational institution "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk, the Republic of Belarus).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Andreeva O. V., Doctor of Economics, Associate Professor (the Center for Strategic Studies of Socio-Economic Development of the South of Russia of Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-don, the Russian Federation); **Astratova G. V.**, Doctor of Economic Sciences, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, the Russian Federation); **Belyanskaya O. V.**, PhD in Law, Associate Professor (Institute of Law and National Security of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University", Tambov, the Russian Federation); **Zakirova E. R.**, PhD in Economics, Associate Professor (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Economic University", Yekaterinburg, the Russian Federation); **Kuznetsova Yu. A.**, Doctor of Economics, Associate Professor (the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University" in Novokuznetsk, Novokuznetsk, the Russian Federation); **Parushina N. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (Central Russian Institute of Management (branch), Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Moscow, the Russian Federation); **Shalaev V. P.**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Volga State University of Technology", Yoshkar-Ola, the Mari El Republic, the Russian Federation); **Sharkova A. V.**, Doctor of Economic Sciences, Professor (the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Moscow, the Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Кручковский Т. Т.** Социальная структура и экономическое развитие польско-литовской государственности в оценке русской либеральной историографии
- Фёдорова К. А.** Документы и материалы личного происхождения ученых АН БССР как источник по истории науки (на примере личного фонда академика К. В. Горева)
- Хроленок Е. В.** Формирование локальной элиты в Стародубском пограничном регионе (XV — начало XVII века)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Карчевская Е. Н., Ильющиз К. В.** Инструментарий интегрированного анализа внешней и внутренней среды предприятия
- Костюкевич Е. А., Громова И. В.** Классификация типов потребительского поведения белорусских потребителей: методология и эмпирическая типологизация
- Куган С. Ф.** Влияние цифровизации логистики на экономическую безопасность страны
- Лизакова Р. А.** Сопряженность диверсификации парадигмы рисков покупателя процессу трансформации и усложнения общества потребления
- Морозова Н. Н., Пилецкий К. В.** Дистанционная и платформенная занятость в Беларуси: дискуссионный аспект и особенности правового регулирования
- Мостовская О. С.** Рынок жилой недвижимости Республики Беларусь: устойчивость, регулирование и новые тренды
- Пилуй В. Н.** Некоторые аспекты деятельности Белкоопсоюза

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ачинович Д. М.** Административно-правовое регулирование дополнительной педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава
- Богустов А. А.** О возможных механизмах охраны права гражданина на голос в национальном законодательстве Республики Беларусь
- Воробьев С. Ю., Губич М. В.** Совершенствование правовых мер защиты информации, являющейся коммерческой тайной
- Кишкевич Е. А.** Разработки в области биотехнологий в праве интеллектуальной собственности Республики Беларусь
- Малишевский С. Т.** Влияние неустойки на стоимость заемных средств (эффект неустойки)
- Манкевич И. П.** Правовое соотношение понятий «информация» и «данные» в условиях формирования экономики данных
- Сокол А. В.** Автоматически генерируемые произведения и авторское право: особенности правового режима в Республике Беларусь
- Черник А. В.** Роль аналитических центров в развитии парадигм государственного управления
- Ярмоц Е. Н.** Теоретические основы легитимности судебной деятельности

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- Kruczkowski T. T.** The social structure and economic development of the polish-lithuanian statehood in the assessment of russian liberal historiography
- Fiodorova K. A.** Documents and materials of personal origin of the scientists of the BSSR Academy of Sciences as a source for the history of science (based on the example of the personal fund of academician K. V. Gorev)
- Khrolenok E. V.** Formation of a local elite in the Starodub border region (15th — early 17th centuries)

ECONOMICS

- Karchevskaya E. N., Ilyuschits K. V.** Tools for integrated analysis of the external and internal environment of an enterprise
- Kostyukevich E. A., Gromova I. V.** Classification of types of consumer behavior of belarusian consumers: methodology and empirical typologization
- Kuhan S. F.** The impact of logistics digitalization on the economic security of the country
- Lizakova R. A.** The connection of the diversification of the buyer risk paradigm to the process of transformation and complexification of consumer society
- Morozova N. N., Piletsky K. V.** Remote and platform employment in Belarus: the controversial aspect and features of legal regulation
- Mostovskaya O. S.** Residential real estate market of the Republic of Belarus: stability, regulation and new trends
- Pilui V. N.** Some aspects of the Belkoopsoyuz activity

LAW

- Achinovich D. M.** Administrative and legal regulation of additional pedagogical activities of the academic staff
- Bogustov A. A.** On possible mechanisms for protecting a citizen's right to a voice in the national legislation of the Republic of Belarus
- Vorobyov S. Yu., Gubich M. V.** Improvement of legal measures to protect information constituting a commercial secret
- Kishkevich E. A.** Developments in the field of biotechnology in intellectual property law of the Republic of Belarus
- Malisheuski S. T.** The impact of penalties on the cost of borrowed funds (penalty effect)
- Mankevich I. P.** Legal relationship between the concepts of "information" and "data" in the context of the development of the data economy
- Sokol A. V.** Automatically generated works and copyright: features of the legal regime in the Republic of Belarus
- Chernik A. V.** The role of analytical centers in the development of public administration paradigms
- Yarmats E. N.** Theoretical basis of the legitimacy of judicial activity

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский, доктор исторических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 230023 Гродно, Республика Беларусь, tkruczkowski@yahoo.com

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ОЦЕНКЕ
РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Важной проблемой позитивистской теории в русской либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века была экономическая сфера. Такое положение привело к рассмотрению социально-экономической тематики и в русской исторической полонистике либеральной направленности. В данной статье социально-экономическая тематика рассматривается преимущественно на примере исторической полонистики В. О. Ключевского, Н. И. Кареева и А. Л. Погодина. Их оценочные подходы к заявленной тематике рассматриваются на общем фоне российской историографии. Проблематика социально-экономического устройства польско-литовской государственности рассматривается в русской науке исходя из ряда ее ключевых проблем этого государства: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта, показа зависимости социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Ключевые слова: русская либеральная полонистика; цивилизационный выбор; феодализм; социальная структура; экономическое развитие; Н. И. Кареев; В. О. Ключевский; А. Л. Погодин; Польша; ВКЛ.

Библиогр.: 52 назв.

T. T. Kruczkowski, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, tkruczkowski@yahoo.com

**THE SOCIAL STRUCTURE AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE POLISH-LITHUANIAN STATEHOOD IN THE ASSESSMENT
OF RUSSIAN LIBERAL HISTORIOGRAPHY**

An important issue of positivist theory in Russian liberal historiography of the second half of the 19th and early 20th centuries was the economic sphere. This situation led to the consideration of socio-economic themes in Russian historical Polish studies of a liberal nature. This article examines socio-economic topics using the historical Polish studies of V. O. Klyuchevsky, N. I. Kareev, and A. L. Pogodin as examples. Their evaluative approaches to this topic are considered against the general background of Russian historiography. The problem of the socio-economic structure of the Polish-Lithuanian statehood is considered in Russian science based on a number of its key problems of this state: the civilizational choice of Poland and the Grand Duchy of Lithuania, the characteristics of feudalism as a pan-European phenomenon in general and its Eastern European variant, demonstrating the dependence of the socio-economic structure on the noble social and state system.

Key words: Russian liberal Polish studies; civilizational choice; feudalism; social structure; economic development; N. I. Kareev; V. O. Klyuchevsky; A. L. Pogodin; Poland; Grand Duchy of Lithuania.

Ref.: 52 titles.

Введение. Новой тематикой русской исторической полонистики позитивистской историографии либеральной направленности второй половины XIX — начала XX века стала экономическая сфера, проблематика социально-экономического развития. В данной статье социально-экономическая тематика рассматривается в основном на примере исторической полонистики В. О. Ключевского [1—3], Н. И. Кареева [4—9] и А. Л. Погодина [10; 11].

Социально-экономическая сторона исторического процесса стала объектом изучения для целого ряда медиевистов (П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский и др.), историков нового времени (Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле и др.) [12, с. 27]. Они выступали против доминанции «экономического материализма» [12—14] и др. Так, В. И. Герье отмечал, что марксизм — «наиболее модное заблуждение в области исторической науки нашего времени» [14, с. 265].

Одной из тем исторической полонистики в русской либеральной историографии второй половины XIX — начала XX века была проблематика социально-экономического устройства польско-литовской государственности (Польша и ВКЛ, а затем Речь Посполитая) и его влияния на западнорусские земли, согласно тогдашней терминологии (т. е. на территории современных Беларуси и Украины). Показательно, что влияние социально-экономического фактора на ход исторического развития Польши, ВКЛ и их православных территорий признавалось и в русской исторической полонистике консервативной направленности (Д. И. Иловайский, М. О. Коялович) [15; 16].

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи исходят из основополагающих, выработанных историософской мыслью принципов и методов научного исследования. Отмечается, что будущее состояние историографии как науки будет определяться множеством методологических подходов и исторических концепций, которые не могут быть универсальными [12, с. 41]. Это состояние историографии, как проявление историософского осмысления прошлого, и объясняет, по нашему мнению, то положение, что в настоящее время не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [17, с. 48].

В исследовании этих поставленных задач автор опирался на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Воплощением этих принципов в процессе подготовки этой статьи было использование общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хотя и применяются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику. Наиболее используемыми специально-историческими методами в нашей статье являлись: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, метод ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в русскоязычной историографии, не говоря уже о западной, прежде всего польской исторической науке. Отдельные упоминания о некоторых аспектах заявленной тематики имеются у современных российских историков [18—25]. Определенные аспекты этой проблематики отмечались также автором этой статьи [17; 26—37]. Однако они проходили фоном для другой тематики исследований и не акцентировали внимания на заявленную проблематику.

Наивысшего расцвета либеральная историография достигла в лице русской исторической школы всеобщей истории или, как она еще называлась, социально-экономического направления [12; 38; 39]. С ней связано мировое признание достижений русской исторической науки. Теоретико-методологической основой концепции этой школы (Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. И. Лучицкий и др.) был позитивизм, именно основой, так как они испытали определенное влияние марксизма, народнических идей.

Проблематика становления основ социально-экономического устройства польско-литовской государственности рассматривалась в русской науке исходя из фокуса ряда ключевых проблем: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта (Польша, ВКЛ, Киевская Русь), зависимость социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Одной из важнейших тем польской истории, поднятой либеральными историками (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. Л. Погодин и др.), была проблема цивилизационного выбора Польши [17; 26; 27]. Несмотря на ряд оговорок об ограниченности западного влияния на Польшу, о неготовности поляков полностью принять его плоды, в целом либеральная историография признавала положительность этого явления не только в области культурно-политической, но и социально-экономической. Общей для нее была благоприятная оценка западного воздействия на Польшу, приведенная А. Л. Погодиным, который писал, что «благодаря западному влиянию Польша ко II половине XV века стала одним из образцовых и сильных государств католической Европы» [10, с. 22].

В либеральной историографии были также и сторонники негативной оценки западного влияния на Польшу (В. И. Герье, А. С. Трачевский, ряд таких оценок высказывали С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.). Так, В. М. Владимирский-Буданов, говоря о негативном влиянии немецкого права на польскую историю в целом и на формирование и функционирование польского общественно-государственного механизма, социально-экономической сферы в частности, утверждал, что «немецкое право, ослабив княжескую власть, лишив крестьянскую общину самостоятельности, понизив права городского сословия, содействовало образованию идеи шляхетства» [40, с. 360].

Вина за печальный исход польской истории определяется, вместе с тем отмечалось повсеместно в русской исторической науке, что Польша слишком рано, еще на заре своей истории, столкнулась с западной цивилизацией. Так, М. К. Любавский прямо писал, что «полякам не удалось образование политического объединения всех западных славян, так как они поздно вступили на историческую арену и в церковном отношении приросли к Германии» [41, с. 8]. Эта точка зрения была популярной в русской историографии как славянофильской, так и либерально-западнической направленности (С. М. Соловьев, Н. И. Кареев, А. Л. Погодин и др.) [17; 26; 27; 32].

Польша, как отмечал Н. И. Кареев, приняв католичество, формально вошла в западный мир. По его мнению, это случилось по причине географической близости Германии и Рима. Определяющими факторами для Польши в ее становлении в этом направлении были католичество и влияние Германии, причем первое историк считал более важным. Специфику начальной польской истории он также выводил из двух основных факторов: общей молодости славянской (в том числе польской) цивилизации по сравнению с западноевропейской, а также ее связью с западнорусскими землями. «Польша, — утверждал он, — по географическому положению и историческим связям должна была стать более близкой к Востоку, но в силу культурных, политических связей примкнула к Западу» [4, с. 127]. Н. И. Кареев из этих факторов как результата воздействия западной цивилизации на молодое славянское государство, ее связей с Русью и рассматривал особенности модели польского варианта западного пути, а также его составных частей — польского феодализма, а впоследствии и своеобразного польского общественно-государственного устройства и его социально-экономической модели.

В. О. Ключевский также признавал принадлежность католической Польши к западной цивилизации. Ученый писал: «Церковное родство и географическое соседство связали ее с романо-германской Европой» [2, с. 259].

Весьма своеобразно в русской историографии понимался феодализм, его восточно-европейский вариант в общем и польский в частности. Так, Н. И. Кареев западноевропейский феодализм разделял на политический и социальный [6, с. 158—164]. Одновременно он считал, что западноевропейский феодализм отличался от феодализма в Польше, Венгрии, Чехии. Позже под влиянием работ К. Мауера, К. Лампрехта им были внесены коррективы в представление о феодализме в странах Восточной Европы. Был сделан вывод о феодализме как общем этапе развития для всей Европы в рамках широкой умственной конструкции [8, с. 142]. В. О. Ключевский, принимая положение о существовании феодализма в Польше, одновременно оговаривал, что Польша, Венгрия и Западная Русь (Галицко-Волынское княжество) не имели западноевропейской формы феодализма [2, с. 260].

Таким образом, в отношении феодализма как одного из важнейших аспектов западноевропейского средневековья, по мнению Н. И. Кареева (как и у В. О. Ключевского), Польша не относилась к Западной Европе, а имела больше схожих черт с переходной центрально-европейской моделью. В Польше, по мнению Н. И. Кареева, имел место только социальный феодализм, политический феодализм отсутствовал в ней, как и в Англии [5, с. 44]. Феодализм в Польше, как и в других странах Восточной Европы (ВКЛ и Россия), делал вывод ученый, имел общие черты, отличные от западноевропейского [8, с. 38].

Как видим, в либеральной историографии сильна тенденция сближения роли России и Польши как промежуточного звена между Западом и Востоком. Вместе с тем положение об общности исторического пути на начальном периоде становления европейской цивилизации русская либеральная историография обосновывала также мнением о существовании общих черт феодализма в Западной и Восточной Европе (Т. Н. Грановский, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев).

В. О. Ключевский, А. Л. Погодин и Н. И. Кареев, как и большинство либеральных историков, подчеркивали неоднозначность немецкого влияния на Польшу, которое, с одной стороны, способствовало экономическому, правовому прогрессу, с другой — деградации политического строя Польского Королевства. Так, Н. И. Кареев обращал особое внимание не только на военно-политическое противостояние Польши и германского мира, но и на преобладание в польских городах немецкого элемента, который способствовал во многом изоляции в социально-экономической области городов и в результате от политической жизни страны, в итоге шляхта заняла исключительное место в общественной и хозяйственной жизни польского общества [42, с. 27].

Наиболее положительную оценку значения немецкой колонизации в истории Польши дал М. К. Любавский, который отмечал, что только благодаря немецкой колонизации стал возможен подъем польского сельского хозяйства в XII—XVI веках, но одновременно с этим часть польских территорий была онемечена и потеряна для Польши [43, с. 447]. В отношении польских сюжетов П. Г. Виноградова можно отметить, что им были посвящены три статьи: «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше», «Польский король Казимир Великий» и «Нешавские статуты Казимира Ягеллончика» [44].

Влияние польского фактора в истории русских земель характеризовалось В. О. Ключевским в ряде принципиальных моментов еще истории Киевской Руси. Так, описывая общественно-политическое и социальное устройство Киевской Руси, историк сравнивал его не только с западноевропейским, но и польским. Он считал, что в Польше, как и в Западной Европе, в отличие от Руси, сложилась система феодальных отношений: «Старшие дружинники, княжи мужи, бояре, занимавшие высшие правительственные должности, не могли занимать их долгое время в одних и тех же волостях и чрез это приобретать прочное местное политическое значение в известной области, тем не менее, могли превращать свои должности в наследственные, как это было на феодальном Западе и в соседней Польше» [45, с. 205].

Далее В. О. Ключевский, как и ряд историков, его современников (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, В. А. Бильбасов, Ф. М. Уманец и др.), а впоследствии и такие его ученики, как М. К. Любавский, П. Н. Милуков, признавал успешность и значительность польского цивилизационного влияния на западнорусские земли. Так, В. О. Ключевский признавал, что «со времени соединения Литвы с Польшей русское влияние в Литовском княжестве начало вытесняться польским» [2, с. 88]. Это влияние, считал историк, шло различными путями. Он выделял проблему государственного устройства: «Сеймы, на которых решались общие дела обоих союзных государств: литовско-русские вельможи, встречаясь здесь с польскими паннами, знакомились с их политическими понятиями и с порядками, господствовавшими в Польше» [2, с. 88]. С другой стороны, историк писал о польском варианте социально-общественного строя: «Польское влияние проводилось в Литву-Русь жалованными грамотами великих князей литовских, которые назывались привилеями и устанавливали в Литве такой же порядок управления, такие же права и отношения сословий, какие господствовали

в Польше» [2, с. 88]. Исходя из этого, ученый делал нетрадиционный для русской историографии вывод: «Проникая этими путями, польское влияние глубоко изменило как устройство управления, так и склад общества в русских областях, вошедших в состав Литовского княжества» [2, с. 88].

В связи с первостепенной ролью Польши и ВКЛ во внешнеполитической программе Москвы, а также нахождением в составе польско-литовского государства православных земель вполне логично было бы сравнение общественно-политического и социально-экономического устройства этих государств, их цивилизационной модели и возможного взаимовлияния. Такое сравнение было бы вполне обоснованно для представления объективных причин и обстоятельств необходимости вхождения этих земель в состав России. В. О. Ключевский таких прямых сравнений не давал, ограничиваясь их косвенным сравнением и не высказывая прямо свои оценки [2].

Ученый не высказывал никаких оценок этого процесса, в том числе в отношении России. Однако он показывал их влияние посредством привилеев, изданных в XVI веке, на западнорусские земли: «По этим привилеям литовско-русские землевладельцы уравнивались с польскими в правах владения вотчинами и жалованными имениями и освобождались от налогов и повинностей, за исключением некоторых маловажных, имевших не столько финансовое, сколько символическое значение» [2, с. 90]. В результате, по мнению историка, «русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской и даже более влиятельную» [2, с. 89].

Как продолжение этого процесса историк рассматривал образование в ВКЛ под влиянием Польши сословия шляхты: «Привилеями, как общими или земскими, данными всему княжеству, так и местными или областными, в Литовской Руси устанавливались сословные права и отношения, подобные тем, какие существовали в Польше» [2, с. 89]. Как этапы этого пути он рассматривал Городельский сейм, «подтвердивший соединение Литвы с Польшей, издание привилея, по которому литовские бояре, принявшие католицизм, получили права и привилегии польской шляхты, а также привилей Казимира, который «распространил эти права и на православную знать» [2, с. 90]. В первой половине XVI века, считал ученый, русская шляхта ВКЛ добилась политических прав вслед за экономическими: «Русско-литовская шляхта ведет шумную борьбу со своей знатью и добивается призыва на вальные сеймы. Статут 1566 г. устроил сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польского шляхетского сейма» [2, с. 91].

Таким образом, ученый, в отличие от большинства его современников, считал возможным создание сословия польско-литовской шляхты с одинаковыми сословными правами независимо от этнической и конфессиональной принадлежности и положения, а также создание шляхетского общественно-политического и социально-экономического строя, в котором так отличалось положение шляхты от прав их сословных собратьев в Москве. Дальнейшая разработка данной проблематики в русской науке была осуществлена учеником В. О. Ключевского — известным историком М. К. Любавским.

Однако В. О. Ключевский показывал влияние польских образцов на социально-экономическую сферу западнорусских земель: «Русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской» [2, с. 89].

Согласно мнению В. О. Ключевского, усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов Западной Руси, считая, что в Киевской Руси области со своими волостными городами подчинялись решениям веча старших городов [2, с. 91]. «Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, — писал он, — место веча заступил назначаемый великим князем воевода с подручными... Служилые землевладельцы, бояре и земяне, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособились от

мещан... Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, и обессиленный вечевой город оставался одиноким среди этих чуждых и часто враждебных ему владельцев... Великокняжеские урядники, воеводы, кастеляны и старосты притесняли горожан» [2, с. 91]. Вместе с тем он считал, что польско-литовские государи «чтобы вывести города Западной Руси из упадка, давали им немецкое городовое самоуправление, магдебургское право, которое в XIII и XIV вв. проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами... в XIV в. это самоуправление введено было в городах Галицкой земли... с половины XV в. магдебургское право распространилось и в других городах Западной Руси» [2, с. 91]. Историк признавал, что «мещане получали некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводами другим правительственным урядникам» [2, с. 92].

Однако эти права города по магдебургскому устройству В. О. Ключевский считал меньшими, чем в период Киевской Руси, причем, говоря о таком «ухудшенном» положении города в ВКЛ, историк не сравнивал их с положением в Московской России. Таким образом, В. О. Ключевский занимал позицию, более близкую к славянофильским оценочным подходам. Эта позиция была также ближе к оценкам С. М. Соловьева, чем Н. И. Кареева или М. К. Любавского. В то время как П. О. Бобровский, сторонник школы западноруссизма, сумел увидеть на конкретном историческом материале Гродненской губернии пользу введения магдебургского права для социально-экономического развития края [46, с. 77].

Важной проблемой социально-экономической тематики русской исторической полоники стала история польского крестьянства. Она поднималась в трудах по истории России С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Этому вопросу посвящено специальное исследование В. А. Мякотина [47]. Показательно, что либералы трактовали эту проблему во многом с близких консерватизму позиций, таких как у М. О. Кояловича [16] или А. И. Горемыкина [48].

Другая точка зрения на проблему положения польского крестьянства в XVIII веке в сравнении с положением русского крестьянства появилась позже в работах В. О. Ключевского и А. А. Корнилова [49]. Выводы А. А. Корнилова о состоянии польского крестьянства были основаны на русской и польской литературе. Он главным образом опирался на исследования Т. Любомирского [50] и В. В. Мякотина [47]. Вслед за предшественниками А. А. Корнилов делал акцент на раннем возникновении крепостничества в Польше и его близости к рабскому состоянию. В России нередко заметно преувеличивалась тяжесть крепостнического гнета в польском государстве [18, с. 49]. В итоге у А. А. Корнилова появлялись утверждения, взятые у Т. Любомирского, что «торговля крепостными душами в Польше велась порознь или вместе с семьею». Как позже было доказано, «такой торговли никогда не было, продавали землю вместе с крестьянами» [18, с. 50].

Еще негативнее В. О. Ключевский оценивал положение крестьянства в польско-литовском государстве [2, с. 90]. В этом вопросе он оказался в плену стереотипов российской историографии, заявлявшей о значительно более суровом крепостном праве в Польше и ВКЛ, чем в Москве, и о приходе крепостничества из Запада на русские земли посредством Польши. Так, В. О. Ключевский писал: «Привилей Казимира воспретил переход крестьян с земель частных владельцев на великокняжеские и обратно; эти постановления положили начало закрепощению крестьян в Литовском княжестве по примеру Польши, где крепостное право установлено было еще в XIV в.» [2, с. 90].

Однако в отношении XVII—XVIII веков точка зрения В. О. Ключевского на положение крестьян была иной: «Порядки самодержавно-дворянского русского правления так тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее» [51, с. 51]. По его мнению, постоянные войны привели к значительному усилению крепостничества: «Законодательство Петра... отбрасывало общество далеко назад, к знакомой на Руси исстари греко-римской норме» [3, с. 96]. Исходя из этого следовало заключение историка: «Крепостное русское село превращалось в негритянскую североамериканскую плантацию времен дяди Тома» [51, с. 174].

Отдельно В. О. Ключевский рассматривал социально-классовые отношения в Речи Посполитой и роль в них России. Историк признавал, что в «безнарядной Польше» крестьянам жилось лучше и русское крестьянство сбегало в Польшу. Это отразилось на отношении русского правительства к крестьянскому вопросу в этой стране: «Панин потому особенно считал вредным наделение православных в Речи Посполитой слишком широкими правами, что тогда побег из России еще более усилится. <...> Тем [же] барским взглядом русская политика смотрела и на православное простонародье Речи Посполитой: в нем, как в единоверцах, видели предлог ко вмешательству в польские дела, но не хотели пользоваться им... сами находясь в положении такого же класса» [51, с. 51]. Это положение разделялось рядом других либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин и др.).

Социально-экономическая проблематика видна также в оценках русских историков причин и обстоятельств падения Речи Посполитой. Так, Н. И. Кареев главными причинами падения Польши, вполне в духе существующей русской историографической традиции, считал внутренние политические и социально-экономические причины, шляхетское общественно-государственное и социальное устройство, которое сложилось как результат ряда исторических обстоятельств: отсутствие европейской формы феодализма, чрезмерная роль шляхты, оторванность города от политической жизни страны и т. д. [31].

Даже Д. И. Иловайский, рассматривая падение Речи Посполитой, в числе ее причин называл и социально-экономические. По его мнению, евреи, «нашедшие радушный и гуманный прием в Польше», организовались в экономически могущественный слой городского населения, заблокировав развитие среднего сословия польской нации. «Когда же наступило время отстаивать национальную самобытность, — утверждал он, — шляхта оказалась без поддержки со стороны крестьянства». «Поляки, — писал далее историк, — до сих пор не поняли, какую роль сыграли евреи в разложении польского государства, заключающуюся в подрыве торговли, городов и тем самым среднего сословия, углубляя пропасть между высшими и низшими классами» [15, с. XII].

Как существенный элемент польско-русских отношений рассматривал евреев и М. О. Коялович. «Евреи, — утверждал М. О. Коялович, — сыграли негативную роль для русского народа как во времена Речи Посполитой, так и после ее разделов» [16, с. 55]. Он соглашался с мнением наиболее консервативной части русского общества, которая утверждала, что только Восточная Россия способна ассимилировать в себя «жидовство» [16, с. 54].

Политическое устройство Польши, считал Н. И. Кареев, довело народ до состояния полного безразличия и апатии в отношении дел государства. «Это в немалой степени, — продолжал он, — способствовало падению Польши, так как особенно активность масс была нужна в решающие моменты преобразований» [52, с. 141]. Анархическое состояние устройства Польши, писал он, нашло даже соответствующее название в польском языке — „Polska nie rządem stoi”. Разложение общества выразилось в росте угнетения холопов, религиозном фанатизме, в результате «народные массы были доведены до полного безразличия» [52, с. 146]. Это особенно проявилось во времена Т. Костюшко: «Это была борьба не народа, а части его, которая считалась в Польше за нацию, горожане остались равнодушными и еще меньшую охоту имели взяться за мечи крестьяне» [52, с. 142]. Эта точка зрения была характерной как для русских предшественников Н. И. Кареева, так и для русской историографии в будущем [31; 32].

Заключение. Социально-экономическое устройство польско-литовской государственности рассматривалось в русской науке как результат ряда ключевых проблем: цивилизационного выбора Польши и ВКЛ, характеристики феодализма как общеевропейского явления в общем и его восточноевропейского варианта (Польша, ВКЛ, Киевская Русь), зависимости социально-экономического устройства от шляхетского общественно-государственного строя.

Список цитируемых источников

1. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1988. — Т. 2. — 447 с.
2. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 3. — 415 с.
3. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 4. — 400 с.
4. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. — Т. II.
5. Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. — Т. III.
6. Кареев, Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н. И. Кареев. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1903. — 382 с.
7. Кареев, Н. И. Главные обобщения всемирной истории / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. — 348 с.
8. Кареев, Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. По поводу теории Павлова-Сильванского / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. Шредера, 1910. — 145 с.
9. Кареев, Н. И. Учебная книга. История средних веков / Н. И. Кареев. — СПб., 1910. — 224 с.
10. Погодин, А. Л. Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : Тип. К. Л. Меньшова, 1909. — 132 с.
11. Погодин, А. Л. Краткий очерк истории славян / А. Л. Погодин. — М. : Изд. Г. А. Лемана, 1915. — 126 с.
12. Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-ые гг. XIX — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : ГрГУ, 2003.
13. Цамутали, А. Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки / А. Н. Цамутали. — Л. : Наука, 1985. — 331 с.
14. Герье, В. И. Философия истории от Августина до Гегеля / В. И. Герье. — М., 1915.
15. Иловайский, Д. И. Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой / Д. И. Иловайский. — М. : Унив. тип. Катков и Ко., 1870. — 274 с.
16. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.
17. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский : дис. ... д-ра ист. наук по специальности 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования. — Мн., 2017. — 338 л.
18. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // Славяноведение. — 2010. — № 1. — С. 44—53.
19. Аржакова, Л. М. Н. И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой / Л. М. Аржакова // Вестник СПбГУ. Серия 2 : История. — 2010. — № 3. — С. 36—45.
20. Горизонтов, Л. Е. Споры по польскому вопросу в России в 40-80-х гг. XIX в. / Л. Е. Горизонтов // Вопросы истории. — 1987. — № 7. — С. 158—160.
21. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л. Е. Горизонтов. — М. : Индрик, 1999. — 272 с.
22. Демидович, А. В. Аграрная политика правительства Великого княжества Литовского XVI века в освещении российской и белорусской историографии второй половины XIX — начала XX вв. / А. В. Демидович // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 1 : Гісторыя. Філасофія. Культуралогія. Псіхалогія. Правазнаўства. — 2006. — № 1 (36). — С. 9—15.
23. Долбилов, М. Д. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае как объект историко-антропологического анализа / М. Д. Долбилов // Actio nova. — 2000. — С. 338—408.
24. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2005. — 848 с.
25. Лаптева, Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. — М. : Индрик, 2012. — 840 с.
26. Кручковский, Т. Т. Цивилизационный выбор Польши в оценке русской исторической мысли конца XVIII — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2006. — № 3 (39). — С. 24—31.
27. Кручковский, Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2010. — № 1. — С. 78—86.
28. Кручковский, Т. Т. Причины образования польского шляхетского государственного устройства в оценке русской историографии XIX — начала XX веков / Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2013. — Вып. 1. — С. 33—39.
29. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. — 2014. — № 3. — С. 53—66.

30. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции С. М. Соловьева / Т. Т. Кручковский // Веснік ГрДУ. — 2015. — № 3. — С. 67—85.
31. Кручковский, Т. Т. История Польши в исторической концепции Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2015. — Вып. 2. — С. 30—45.
32. Кручковский, Т. Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX — начала XX века / Т. Т. Кручковский. — Гродно : ГрГУ, 2016. — 384 с.
33. Кручковский Т. Т. Проблема западного цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке М. О. Кояловича / Т.Т. Кручковский // История. — 2023. — Т. 14, вып. 1 (123). — URL: <https://history.jes.su/s207987840024402-1-1/> (дата обращения: 11.05.2026).
34. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2023. — Вып. 82, ч. 1. — С. 78—93.
35. Кручковский, Т. Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В. О. Ключевского / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2023. — Вып. 83, ч. 2. — С. 82—99.
36. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос в России XIX — начала XX века в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2024. — Вып. 89, ч. 1. — С. 94—107.
37. Кручковский, Т. Т. Польский вопрос в России XIX — начала XX века в оценке Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский // Диалог со временем. — 2025. — Вып. 90, ч. 2. — С. 47—62.
38. Могильницкий, Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. — 408 с.
39. Мягков, Г. П. Русская историческая школа. Методические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во Каз.ун-та, 1988. — 218 с.
40. Владимирский-Буданов, М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф. Владимирский-Буданов. — СПб, 1868. — 302 с.
41. Любавский, М. К. Исторические судьбы славянства / М. К. Любавский. — М., 1915.
42. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1888. — 169 с.
43. Любавский, М. К. Книга для чтения по истории средних веков / М. К. Любавский. — М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. — 587 с.
44. Книга для чтения по истории средних веков / под ред. П. Г. Виноградова. — М., 1899.
45. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987. — Т. 1. — 432 с.
46. Бобровский, П. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния / П. О. Бобровский. — СПб., 1863.
47. Мякотин, В. А. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов / В. А. Мякотин. — СПб., 1889.
48. Горемыкин, А. И. Очерки истории крестьян в Польше / А. И. Горемыкин. — СПб., 1869.
49. Корнилов, А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А. А. Корнилов. — СПб., 1905.
50. Lubomirski, T. Rolnicza ludność w Polsce / T. Lubomirski. — Warszawa, 1862.
51. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Курс русской истории / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1989. — Т. 5. — 478 с.
52. Кареев, Н. И. «Падения Польши» в исторической литературе / Н. И. Кареев. — М. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1888. — 413 с.

Поступила в редакцию 20.05.2025.

УДК 669(476)(092)Горев:930.2

К. А. Фёдорова

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси»,
ул. Академическая, 1, 220072 Минск, Республика Беларусь, fiodarawakaryna@gmail.com

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ УЧЕНЫХ АН БССР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОГО ФОНДА АКАДЕМИКА К. В. ГОРЕВА)

В статье представлены результаты источниковедческого анализа документов и материалов личного фонда президента АН БССР академика К. В. Горева (1904—1988). Фонд Горева обработан и поставлен на учет в конце 2024 года, что и обусловило необходимость его комплексного анализа в контексте изучения истории науки в Беларуси.

Автором проведена всесторонняя оценка научной ценности и информационного потенциала названного фонда, выявлены ключевые особенности исторических источников, определены наиболее информативные из них. На примере фонда К. В. Горева определены перспективные направления дальнейших исследований фондов личного происхождения ученых АН БССР, включая анализ включенности деятелей науки в развитие научных институтов в республике, взаимодействия ученых и административных структур, а также оценку со стороны создателей документов личного происхождения научной политики в Беларуси в советский период.

Доказано, что материалы личного происхождения академика К. В. Горева содержат ценную информацию о научной и служебной деятельности, о личном вкладе в подготовку научных кадров, значительно дополняющую документы государственных органов и научных учреждений. Подчеркнута высокая информационная ценность исторических источников периода эвакуации Академии наук БССР в г. Ташкент в 1941—1944 годах.

Ключевые слова: фонды личного происхождения; исторический источник; история науки; АН БССР; Великая Отечественная война; К. В. Горев.

Библиогр.: 53 назв.

К. А. Fiodorova

State Scientific Institution “Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus”,
1 Akademicheskaya Str., 220072 Minsk, the Republic of Belarus, fiodarawakaryna@gmail.com

DOCUMENTS AND MATERIALS OF PERSONAL ORIGIN OF THE SCIENTISTS OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF SCIENCE (BASED ON THE EXAMPLE OF ACADEMICIAN K. V. GOREV'S PERSONAL FUND)

The article presents the results of a source analysis of documents and materials from the personal fund of the President of the Academy of Sciences of the BSSR, Academician K. V. Gorev (1904—1988). The fund was processed and registered at the end of 2024, which necessitated its comprehensive analysis in the context of studying the history of science in Belarus.

The author has carried out a comprehensive assessment of the scientific value and information potential of the named fund, identified the key features of historical sources, identified the most informative of them. Using the example of the K. V. Gorev Foundation, promising areas for further research of funds of personal origin of scientists of the Academy of Sciences of the BSSR are identified, including an analysis of the involvement of scientists in the development of scientific institutions in the republic, the interaction of scientists and administrative structures, as well as an assessment by the creators of documents of personal origin of scientific policy in Belarus during the Soviet period.

It is proved that the materials of personal origin of Academician K. V. Gorev contain valuable information about scientific and professional activities, about his personal contribution to the training of scientific personnel, which significantly complement the documents of government agencies and scientific institutions. The high informational value of historical sources from the period of evacuation of the Academy of Sciences of the BSSR to Tashkent in 1941—1944 is emphasized.

Key words: funds of personal origin; historical source; history of science; Academy of Sciences of the BSSR; The Great Patriotic War; K. V. Gorev.

Ref.: 53 titles.

Введение. История науки и техники как самостоятельная узкоспециальная дисциплина получила дополнительный стимул к развитию в связи с актуализацией в научно-исследовательском поле вопросов, связанных с исторической памятью в Республике Беларусь. Концепция исторической памяти, направленная на обращение к чувству гордости граждан за свое прошлое, в том числе включает изучение научно-технического прогресса в стране, а также выделение особых научных достижений отдельных ученых.

В этой связи отмечается рост интереса к документам и материалам, отражающим деятельность отдельных представителей научно-технического сообщества в условиях социально-политических трансформаций XX века. В данном контексте практики использования документов и материалов личного происхождения ученых АН БССР как источников по истории науки до сих пор используются в недостаточной мере, в том числе по причине «распыленности» фондов и недоступности их до недавнего времени для свободного использования.

В свете современных подходов, вписывающихся в рамки социального конструктивизма и направленных на углубленное понимание механизмов функционирования научных институтов и роли каждой отдельной личности, работавшей в них, анализ личных архивов приобретает особую важность. Такие подходы способствуют развитию исследований по истории науки, расширяют источниковую базу и углубляют понимание личностных факторов, влияющих на научно-технический прогресс в республике.

Целью данной статьи является определение научной ценности и информационного потенциала совокупности документов и материалов личного происхождения конкретного персонального архивного фонда АН БССР как источника по истории науки на примере собрания К. В. Горева.

Материалы и методы исследования. Предметом исследования выступили материалы и документы личного происхождения академика К. В. Горева (1904—1988), находящиеся на хранении в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). В качестве методов исследования были использованы метод типизации объекта и предмета, метод моделирования организации и деятельности объекта, источниковедческий анализ и синтез.

Результаты исследования и их обсуждение. Сведения о жизни и деятельности президента АН БССР академика К. В. Горева ранее являлись предметом исследования ряда авторов, например В. Н. Токарева, который подготовил сборник документов и материалов из различных государственных архивов [1], а также Л. П. Ходариной, подготовившей брошюру к 100-летию ученого [2].

Приведенные издания позволяют проследить биографию академика в соответствии с официальными историческими источниками. Однако они не вобрали в себя документы личного фонда, долгое время считавшегося утерянным. Данный фонд был передан ЦНБ НАН Беларуси неким А. С. Шиляевым в 2002 году. Материалы академика, первоначально находившиеся в состоянии разрозненной россыпи, некоторое время лежали необработанными, прошли научно-техническую обработку и были введены в научный оборот только в 2024 году. Был сформирован фонд № 57, включающий 209 единиц хранения за 1925—1990 годы. Введение в научный оборот названных исторических источников позволяет по-новому взглянуть на отдельные моменты научной, организационной и личной жизни Константина Васильевича через призму документов личного происхождения (в том числе эгодокументов), что ранее было не доступно.

Сведения о документах и материалах фонда академика К. В. Горева ранее были кратко рассмотрены автором в тезисах «Научное наследие Константина Васильевича Горева (по фондам ЦНБ НАН Беларуси)» [3]. Помимо этого, некоторую часть исторических источников использовал в своей статье Д. А. Крент [4]. Однако личный фонд все еще требует детального

обозрения содержания и раскрытия его информационной ценности как источника по истории науки, в том числе по истории отдельной личности, являвшейся организатором научно-технических исследований в стране на протяжении пяти десятилетий.

В массиве сохранившихся материалов К. В. Горева значительный объем занимают исторические источники, отложившиеся в результате научной и творческой деятельности академика. Документный комплекс творческих материалов охватывает период с 1944 по 1989 год и систематизирован в следующие группы, согласно формально-содержательному признаку: статьи; доклады, выступления, научные сообщения, воспоминания и др.; отзывы на научные работы других лиц; конспекты; другие материалы, которые отложились в результате научной и творческой деятельности.

Основной научный интерес К. В. Горева лежал в сфере изучения процессов термической и химико-термической обработки сталей [5—7], совершенствования технологических методов улучшения их механических свойств [8], исследования влияния различных добавок на структуру и свойства литых быстрорежущих сталей [9; 10], изучения процесса сульфидирования железоуглеродистых сплавов в жидких ваннах [11]. В последнее десятилетие основной темой научных работ ученого являлось изучение состояния металлических сплавов в зависимости от скорости кристаллизации [12; 13], а также от скорости охлаждения и нагрева [14; 15]. Материалы по этим вопросам составляют значительный массив документов, в том числе многочисленные черновики статей, заметки на полях оттисков своих же работ. Как видно из собственноручных пометок Константина Васильевича, который постоянно находился в творческом поиске, он достаточно критично относился к собственным работам и неоднократно их перерабатывал и переосмысливал.

Данный материал дополняется ксерокопиями научных статей различных авторов на иностранных языках, некоторые из которых также дополнены переводом [16]. Рассмотрение данной группы источников позволяет проанализировать в том числе включенность академика Горева в международное научное сообщество, а также его внимание к результатам чужих наработок.

Документы свидетельствуют о том, что К. В. Горевым много сделано в области подготовки высококвалифицированных специалистов-металловедов. Под его руководством защищены 3 докторские и 14 кандидатских диссертаций [17, с. 5]. Среди источников личного происхождения, составляющих архив академика, сохранилось значительное количество материалов по подготовке им специалистов, черновиков и беловых экземпляров отзывов и рецензий на научные работы его учеников, таких как С. В. Авакян [18], Е. П. Пуховский [19], Р. Л. Тофпенец [20], его замечаний к научным работам и т. д. Отдельной коллекцией в рамках фонда выделены документы В. М. Орефьевой, представленные черновыми набросками и промежуточными вариантами частей диссертационного исследования, содержащими маргиналии и пометки на полях, сделанные рукой Горева [21—23].

Комплекс документов, отложившихся в результате многолетней служебной деятельности Константина Васильевича, представляет ценный источник информации по организации науки АН БССР, в частности, Физико-технического института, основные направления работы которого раскрываются через единственные экземпляры сохранившихся отчетов, а также через постановления Президиума АН БССР [24; 25]. Материалы представлены с акцентом на деятельность лаборатории металловедения института, организованной под руководством Горева в 1949 году [17, с. 4].

Одним из наиболее ценных комплексов документов фонда являются материалы периода Великой Отечественной войны, отражающие работу Академии наук в эвакуации в Москве, Уфе и Ташкенте. Так, в сохранившемся тексте выступления академика, касающегося деятельности АН БССР в 1941—1945 годах, содержатся сведения о сотрудниках академии, мобилизованных в ряды Красной армии, участниках подпольной борьбы. Названные исторические источники являются доказательством того, что сотрудники академических институтов, которые не смогли эвакуироваться, активно включились в распространение

подпольной печати в тылу немецко-фашистских захватчиков. Наиболее активными распространителями подпольной прессы среди ученых можно назвать членов-корреспондентов АН БССР М. Т. Лынькова, К. К. Атраховича (К. Крапиву) и др. [26, л. 2].

В числе документов, относящихся к военному периоду, сохранились воспоминания Константина Васильевича об эвакуации академических учреждений из страны, в которых он отмечал: «Нормальная эвакуация Академии наук БССР стала невозможной... Предполагавшееся ранее место эвакуации Академии гор. Горки стало нереальным. Новое место не было установлено, связь с правительством была нарушена. В этих условиях каждый желающий эвакуироваться самостоятельно решал этот вопрос [27, с. 556—557].

Налаживанию процесса эвакуации академии препятствовало отсутствие регулярного сообщения с вышестоящими органами: «Место пребывания его [руководства республики], в связи с изменяющимися событиями на фронте, часто менялось, но все-же, примерно в первой половине июля месяца мне удалось в Гомеле встретиться с секретарем ЦК Компартии Белоруссии товарищем Туром» [27, с. 557]. Получив разрешение выехать в Москву, К. В. Горев смог встретиться с вице-президентами АН БССР К. М. Мицкевичем (Я. Колосом) и С. М. Липатовым, что помогло ускорить решение вопроса о возобновлении деятельности академии.

Наиболее информативными в контексте истории науки в 1941—1944 годах являются документы вице-президента Академии наук БССР академика Сергея Михайловича Липатова, попавшие в состав личного фонда К. В. Горева благодаря вдове Липатова. Все без исключения материалы коллекции относятся к периоду эвакуации Академии наук БССР в Ташкент во время Великой Отечественной войны, а именно к периоду, когда С. М. Липатов в качестве вице-президента АН БССР был направлен для организации деятельности учреждения в эвакуации.

Среди входящей корреспонденции сохранилось письмо И. Липатовой от 01.04.1972, в котором она пишет о том, что при разборе документов покойного академика ею были обнаружены документы, относящиеся к деятельности АН БССР в период эвакуации в г. Ташкент, и, поскольку они представляют интерес для истории АН БССР, она направляет материалы непосредственно К. В. Гореву, с которым Сергей Михайлович поддерживал дружеские отношения [28, л. 1].

В свою очередь Константин Васильевич решил, что для опубликования переданных ему источников не пришло время, поэтому хранил их в личном архивном собрании. Комплекс полученных документов составили материалы, отложившиеся в результате служебной деятельности С. М. Липатова (справки, свидетельства, выписки, вызовы, телеграммы и др.) [29], письма и докладные записки академика О. К. Кедрова-Зихмана [30; 31], В. А. Леонова [32], К. В. Горева [33; 34], А. Жебрака [35] и ряд служебных писем, например, письмо в ЦК КП(б)Уз и СНК УзССР с информацией о направлениях работы АН БССР в эвакуации [36].

Наиболее ценным материалом среди указанного комплекса является переписка. Эпистолярный жанр в контексте истории науки — богатый источник информации как об организации науки, так и о жизни ученых и их семей. Так, в письме, адресованном С. М. Липатову, академик О. К. Кедров-Зихман в числе ряда вопросов писал и о судьбе ряда сотрудников АН БССР. Например: «...В. И. Шемпель телеграфировал (вчера получил телеграмму), что семья его погибла, а сам он болен, находится сейчас в Мичуринске...» [30, л. 1]. Учитывая практически полное отсутствие информации и нарушение научных связей, которые существовали в годы оккупации (например, академик В. И. Переход считал в 1944 году, что академик В. В. Шкатулов всё ещё жив, и пытался с ним связаться всеми доступными способами) [37, л. 151], подобные фрагментарные свидетельства позволяют реконструировать личную жизнь ученого сквозь призму трагедии военного периода.

Личностная составляющая писем позволяет рассмотреть события периода эвакуации АН БССР не только с точки зрения организации научно-исследовательской работы в Москве, Ташкенте и Уфе, но и обратить внимание на невероятную сложность поставленной перед

научным сообществом задачи в связи с обрушившимися тяжестями войны. Ведь именно в такие трудные времена особое значение приобретают личные отношения и эмоциональный фон общения, отражающие не только профессиональные, но и человеческие переживания.

Немаловажной являлась задача сохранять доверие и поддержку в коллективе в условиях внешних и внутренних испытаний. Так, в письме С. М. Липатову К. В. Горев, получивший сведения о переживаниях Сергея Михайловича по поводу критики в его адрес со стороны ряда сотрудников, пишет следующее: «Почему у Вас создалось впечатление, что кто-то недоволен Вами как вице-президентом. Это просто результат большого воображения... Вице-президентом Вы остаетесь и как вице-президент работайте в Ташкенте» [38, л. 2].

Документный комплекс также содержит ряд материалов, касающихся организации рабочего процесса АН БССР в г. Ташкенте (протоколы заседаний [39], программы сессий [40], сметы и штатные расписания [41] и др.). Представлены отчеты о работе как самого С. М. Липатова [42], так и других ученых, таких как В. И. Пичета [43] и М. Р. Чижевский [44]. В качестве примера, отражающего активную работу ученых АН БССР в эвакуации, следует привести письма и отчеты о научно-исследовательской работе академика А. Р. Жебрака [45; 46], продолжавшего плодотворную исследовательскую деятельность согласно утвержденным плановым темам, чему способствовали условия климата Самаркандской области: «А. Р. Жебрак продолжает работу с амфиполиплоидами... В значительном наборе они высеяны на поливном участке зимой и весной 1942 г. (на территории Узб[екского] с[ельско-]хоз[яйственного] института и в условиях неорошаемого поля на Милютинской с[ельско-]х[озяйственной] опытной станции)» [27, с. 462].

Помимо указанного выше, среди входящей корреспонденции в фонде Горева сохранилось письмо директора Литературного музея Янки Купалы А. Кулаковского и заведующей научно-методическим отделом музея Н. Цвирки, содержащее просьбу составить воспоминания о Я. Купале: «Мы звяртаемся да Вас з просьбай напісаць пра яго ўсё, што падкажа Вам памяць і сэрца, успомніць як мага падрабязней пра кожную Вашу сустрэчу з паэтам, пра тых ўражанні, якія асталіся ў Вашай памяці ад гэтых сустрэч» [47, л. 1].

Запрошенного материала среди документов фонда обнаружено не было, однако в архиве сохранился текст воспоминаний К. В. Горева о Я. Коласе [48], в котором личность Константина Михайловича Мицкевича (Я. Коласа) раскрывается не только в роли народного писателя, но и руководителя, стоящего у истоков организации и развития АН БССР, в том числе в период немецко-фашистской оккупации. «Советское правительство определило местом работы Академии город Ташкент и Самарканд и здесь под руководством Константина Михайловича стали собираться научные сотрудники Академии, успевшие эвакуироваться из Белоруссии. Работая там, они готовились к выполнению задач, связанных с ликвидацией последствий гитлеровской оккупации на территории Белоруссии» [48, л. 3]. В своих воспоминаниях К. В. Горев не один раз подчеркивает положительные личностные качества К. М. Мицкевича, акцентируя внимание на его профессионализме и самоотдаче: «...Константин Михайлович, не жалея сил, отдает всего себя этому делу (восстановлению АН БССР)...» [48, л. 3].

Ряд документов персонифицированного характера, находящихся в составе фонда Горева, представляет интерес в контексте изучения истории жизни ученых. Необходимо выделить сохранившееся в фонде свидетельство рабочего факультета Нижегородского государственного университета об окончании К. В. Горевым курса технического отделения в 1925 году [49], уведомление ВАК СССР о разрешении К. В. Гореву представить сборник печатных трудов к защите вместо докторской диссертации [50]. В контексте изучения личности интерес представляют также поздравительные адреса, копии указов о присуждении трудовых наград и почетный званий. Данные источники в рассматриваемом личном архиве представлены копией выписки из дела квалификационной комиссии Наркомата промышленности СССР об утверждении К. В. Горева в должности доцента Московского института цветных металлов и золота в 1950 году [51], поздравительным адресом Президиума и Партийного комитета Академии наук БССР К. В. Гореву по случаю награждения орденом Трудового Красного

Знамени в 1971 году [52], копией Указа Президиума Верховного Совета СССР «О награждении академика Академии наук Белорусской ССР К. В. Горева орденом Дружбы народов» в 1974 году [53] и т. д.

Заключение. Материалы личного фонда академика К. В. Горева содержат ценную информацию о его научной и служебной деятельности, участии в подготовке научных кадров. Особую информационную ценность представляют документы, отражающие деятельность Академии наук БССР в годы Великой Отечественной войны, в частности, переписка и отчеты, касающиеся работы академии в эвакуации в г. Ташкенте.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что материалы и документы личного происхождения президентов АН БССР представляют ценный комплекс источников для изучения истории белорусской науки, реконструкции механизмов управления научной деятельностью, а также позволяют проследить влияние административных решений на развитие науки в советский период. Анализ исторических источников предоставляет возможность определения особенностей организации научной деятельности, направлений исследований, а также вклада отдельных ученых в развитие различных областей знания. Значительно дополняют исследовательское поле личные материалы, среди которых — воспоминания и переписка, позволяющие анализировать развитие науки в контексте личности и личностных связей.

Дальнейшее исследование документов и материалов личных фондов сотрудников АН БССР позволит значительно дополнить картину развития науки Беларуси в советский период, выявить ее закономерности и тенденции, а также определить роль белорусских ученых в общесоюзном научном пространстве. Использование данных источников способствует формированию объективного представления об историческом пути белорусской науки и ее вкладе в мировую науку в контексте истории личности.

Список цитируемых источников

1. Академик К. В. Горев: документы и материалы / сост. Н. В. Токарев. — Мн. : Белорусская наука, 2013. — 290 с.
2. Академик Горев Константин Васильевич: 100 лет со дня рождения / сост. Л. П. Ходарина. — Мн. : ГНУ «Физико-технический институт НАН Беларуси», 2004. — 39 с.
3. *Фёдорова, К. А.* Научное наследие Константина Васильевича Горева (по фондам ЦНБ НАН Беларуси) / К. А. Фёдорова // XVIII Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 25 окт. 2024 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2024. — Т. 1. — С. 169—171.
4. *Крент, Д. А.* Матэрыялы Цэнтра даследаванняў старадрукаў і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі як крыніца па гісторыі акадэмічнай навукі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / Д. А. Крент // Библиотека в XXI веке: деятельность, инициативы и результаты : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных и специалистов, Минск, 20 февр. 2024 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа ; редкол.: Ю. А. Переверзева (отв. ред.) [и др.]. — Мн. : ИВЦ Минфина, 2024. — С. 167—172.
5. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 31.
6. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 33.
7. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 76.
8. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 2.
9. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 3.
10. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 13.
11. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 16.

12. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 24.
13. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 28.
14. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 30.
15. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 33.
16. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 97.
17. Академик Горев Константин Васильевич: 100 лет со дня рождения / сост. Л. П. Ходарина. — Мн. : ГНУ «Физико-технический институт НАН Беларуси», 2004. — 39 с.
18. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 41.
19. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 42.
20. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 44.
21. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 195.
22. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 197.
23. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 199.
24. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 120.
25. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 123.
26. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 39.
27. Академия наук в годы становления и военных испытаний: 1929—1944 / Национальная академия наук Беларуси ; Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа ; Институт истории ; редкол.: В. Г. Гусаков [и др.] ; сост.: М. В. Глеб [и др.]. — Мн. : Бел. навука, 2025. — 574 с.
28. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 140.
29. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 174.
30. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 176.
31. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 178.
32. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 177.
33. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 179.
34. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 180.
35. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 185.
36. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 194.
37. Центральный научный архив НАН Беларуси. — Ф. 2. Оп. 1. Д. 710. Т. 2.
38. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 189.
39. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 181.
40. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 184.
41. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 193.

42. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 188.
43. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 190.
44. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 191.
45. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 185.
46. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 186.
47. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 142.
48. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 38.
49. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 145.
50. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 148.
51. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 147.
52. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 152.
53. Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. — Ф. 57. Оп. 1. Д. 153.

Поступила в редакцию 17.05.2026.

УДК 94(470+476)«14/17»

Е. В. Хроленок, кандидат исторических наук
Белорусский государственный университет, пр-т Независимости, 4, 220030 Минск,
Республика Беларусь, evgeny00@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В СТАРОДУБСКОМ ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (XV — НАЧАЛО XVII ВЕКА)

В статье впервые рассматривается вопрос генезиса и эволюции привилегированного сословия на Стародубщине в периоды вхождения ее территории в состав Великого княжества Литовского, а затем Русского государства. Особое внимание уделяется пограничному положению региона, в связи с которым соседствующие государства поочередно доминировали в крае. При этом установление новых рубежей не исключало влияния на регион противоположной стороны, несмотря на утрату ей территории. Данное обстоятельство специфическим образом сказывалось и на настроении элит. У представителей привилегированного сословия вопрос о государственной принадлежности разрешался в зависимости от конкретных обстоятельств, в то время как сами локальные элиты представляли собой внушительную военную силу регионального масштаба, игнорировать которую центральная власть не могла.

Ключевые слова: Стародуб; шляхта; дети боярские; локальная история; служилые люди; пограничье.
Библиогр.: 13 назв.

E. V. Khrolenok, PhD in History
Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Av., 220030 Minsk, the Republic of Belarus, evgeny00@mail.ru

FORMATION OF A LOCAL ELITE IN THE STARODUB BORDER REGION (15TH — EARLY 17TH CENTURIES)

This article for the first time examines the question of genesis and evolution of the privileged class in the Starodub region during the periods when its territory became part of the Grand Duchy of Lithuania and then the Russian state. Particular attention is paid to the region's border location, in connection with which neighboring states alternately dominated the area. At the same time, the establishment of new borders did not exclude the opposing side's influence on the region, despite the loss of its territory. This circumstance also had a specific impact on the elites' mood. For members of the privileged class, the question of national affiliation was resolved on a case-by-case basis. While, the local elites themselves constituted a formidable military force on a regional scale, which the central government could not ignore.

Key words: Starodub; gentry; boyar children; local history; service class people; borderland.
Ref.: 13 titles.

Введение. Стародубщина — регион, располагающийся в междуречье Десны и Сожа. При этом на различных исторических этапах границы края, находившегося в административном подчинении г. Стародубу, претерпевали значительные изменения. Последний, возвысившись от небольшой крепости в конце XIV, к началу XVI века являлся центром крупнейшего в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) удельного княжества. В то же время пограничное положение региона постоянно превращало его в арену боевых действий первоначально между войсками ВКЛ и России, а затем и Гетманской Украины. Однако в отечественной историографии Стародубщина крайне редко становится объектом отдельных исследований, а история зарождения региональных элит и вовсе не рассматривается подробно.

Методология и методы исследования. Современная историография уделяет значительное внимание региональным исследованиям. Локальная история становится важной частью истории национальной. При этом она не противопоставляется ей, а, наоборот, развивает и дополняет ее. В целом же построение регионального исследования наиболее целесообразно проводить через систему «центр-периферийных» отношений, где край выступает в качестве

периферии, а центром является столица государства. Впрочем, на различных исторических этапах центр может меняться по результатам военных конфликтов или международных соглашений. Особенностью же пограничных регионов зачастую является наличие нескольких таких центров притяжения одновременно, которые оказывают влияние на край, а сама его территория становится контактной зоной, где происходит смешение языков, культур, социальных и экономических укладов. Необходимо учитывать, что тот или иной крупный город, являющийся для метрополии периферией, в то же время становится центром для своего региона и начинает оказывать значительное влияние на всю контактную зону, причем по обе стороны от государственной границы.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1370-е годы силами великого князя Литовского Ольгерда Стародубщина была включена в состав ВКЛ. Сам город был возобновлен и стал центром небольшого удельного княжества, управляемого собственной династией. По результатам междоусобной войны 1432—1438 годов Стародубский удел оказался включенным в великокняжеский домен и уже в 1440 году перешел к новому правителю ВКЛ — Казимиру Ягайловичу. Власть в таком регионе осуществлялась через наместников, которые в сравнении с широкой автономией удельных северских князей имели довольно скромные полномочия. В их функции входил сбор налогов и таможенных пошлин, введение во владение лиц, пожалованных землями, обеспечение порядка, контроль за доходами с государственных имений. В своей деятельности наместник опирался на «урядников» (конюшего, ловчего, скарбника, сокольничего), которые избирались из местной аристократии.

Именно к правлению Казимира Ягайловича относятся и первые сохранившиеся сведения о пожалованиях на Стародубщине. Так, в Стародубе и Чернигове Мишка Сачкович получил два данника. А за Яцком Ильиничем было подтверждено право на отчину в Стародубе, которой владел еще его дед, а кроме того и село Гримяч, половина села Знобвы и в Радогощи Долгин. Интересно, что в феврале 1452 года Казимир Ягайлович позволил вдове упомянутого Яцка Ильинича выйти замуж за Янку Даниловича и утвердил за ним имение Яцково «по тому ж как Яцко держал со всем тым» [1, с. 30]. В том же феврале 1452 года великий князь произвел еще несколько пожалований бортных земель: Ивашку Ортюшковичу была передана Коренщина, Сеньку Миколаевичу Стародубцу — Глазницкая, Ганусу Стародубцу — Ондрияновщина [1, с. 41].

Также существует ряд записей, относящихся к правлению Казимира Ягайловича, датировать которые крайне затруднительно. Так, Ворохобе было передано село Барчаково и отчина в Стародубе Трухановичи и Боловичи, Еремичу — «у Стародубе, што Куршин держал» [1, с. 51]. Без сомнения, этот перечень не является исчерпывающим, значительное количество записей не сохранилось. Так, уже великий князь Александр в 1498 году подтверждал лист, данный еще его отцом князю Ивану Глинскому на четырех человек в Стародубском повете: двух братьев Внуковичей, Холеевича и Кондратовича, которых «первей того держал Васка Брык» [2, с. 106].

Данные документы свидетельствуют о формировании значительного боярского землевладения в Стародубском княжестве уже в конце XIV — начале XV века. А к середине XV века в регионе уже закрепились свои шляхетские рода. При этом они были в полной мере интегрированы в административную систему государства и находились в тесной связи с другими регионами ВКЛ. Так, владевший отчиной в Стародубе Ходотович получил имение в Городне, а Еско Стародубец — бортную землю Саковщина в Городенской волости [1, с. 51, 65]. Кроме того, стародубец Митько в 1481 году и вовсе был назначен могилевским наместником [3, с. 90].

В то же время сам стародубский удел недолго пребывал в составе великокняжеского домена. В 1454 году он был передан прибывшему из Москвы Ивану Андреевичу Можайскому. Тот вместе со Стародубом получил также Гомель, а затем и Брянск. Впрочем, последний при сыновьях Ивана Можайского был возвращен под управление наместников. Однако новый стародубский князь Семен Иванович Можайский смог все же расширить свои

владения за счет присоединения к своему уделу Чернигова, Карачева и Хотимля. Выданная великим князем Александром в 1499 году подтвердительная грамота на все эти обширные владения зафиксировала и ограничения, накладываемые на стародубского правителя в отношении региональных элит. В соответствии с данным документом «нижли которым князем и бояром в тых поветех подавал будет именья и земли, и люди отец наш, король его милость, або мы, и на што они будут мети права, листы отца нашего и нашы, в то ся князю Семену и его наследком ненадобе ся вступати» [2, с. 125—126].

В 1500 году Семен Иванович Можайский со всеми принадлежащими к его уделу землями перешел на службу к великому князю Московскому Ивану III. Однако уже в 1518 году бездетным умер сын Семена Ивановича Василий. После этого стародубский удел был упразднен, а его территория вошла в домен теперь уже великого князя Московского.

Недостаток источников не позволяет проследить судьбы стародубских элит в период данной глубокой трансформации региона. Вероятно, часть из них не поддержала переход князя Семена Ивановича на сторону Московского государя и утратила вместе с тем свои владения в регионе. После упразднения Стародубского удела и образования на его месте одноименного повета едва ли новая администрация была заинтересована в сохранении прежних порядков. Регион перешел под управление московских наместников, воевод и голов. На Стародубщину распространилась характерная для всей России поместная система, а вместе с ней начало формироваться и сословие служилых людей. Они, получив земельные наделы, принимали на себя обязанность несения воинской службы. Таким образом, наиболее зажиточные из них — дети боярские, составлявшие городскую конницу, для которых военная служба являлась наследственной обязанностью, заменили собой старые элиты Стародубского княжества и образовали новое локальное привилегированное сословие.

Вероятно, процесс распространения на территорию региона поместного землевладения шел достаточно быстрыми темпами. При этом, несмотря на разделение края на Стародубский и Гомельский уезды, столица бывшего княжества по-прежнему оставалась региональным центром. Поэтому стародубские дети боярские получали имения не только в одноименном, но и в Гомельском уезде. В результате к началу 1530-х годов они уже представляли собой значительную силу, способную противостоять вторжению неприятеля. Последнее обстоятельство видится особенно важным, учитывая пограничную специфику региона.

На данном этапе именно охрана границы с ВКЛ оставалась основной повинностью стародубских детей боярских. Вероятно, для этого из них формировались отряды сторожей. Так, уже в 1533 году при назначении в Стародуб наместником князя Федора Васильевича Овчины-Оболенского при нем были два воеводы: князь Иван Андреевич Прозоровский и князь Александр Васильевич Кашин. Из них только последнему надлежало быть в городе, а наместник и князь Иван Прозоровский должны были быть за городом [4, с. 85]. Представляется, что на них и была возложена обязанность по организации сторожевой и дозорной службы.

В 1534 году ВКЛ предприняло попытку вернуть потерянные северские и смоленские земли. Его войска смогли вступить на территорию Стародубщины и полностью уничтожить г. Радогощ. В 1535 году сначала пал Гомель, а затем и сам Стародуб. Позже, отступая, русские войска сожгли крепость Почеп, а ее жителей перевели в Брянск. При взятии Стародуба погибло немало количество как жителей города, так и его защитников, в том числе стародубских детей боярских, а многие были взяты в плен. Опубликованные М. М. Кромом списки пленников, отправленных в ВКЛ сразу после взятия города и находящихся в острогах к 1538 году, дают представление о системе управления Стародубом и его уездом, а также о численности привилегированной части его населения.

Так, в плен был взят стародубский воевода князь Федор Васильевич Овчина-Оболенский, городничий Фома Григорьев Чаплин, «справца над людьми в Стародубе» князь Семен Сицкий. При упоминании детей боярских в списках не всегда фигурирует географическая привязка, поэтому однозначно к стародубцам можно отнести лишь следующих пленников: Семен Семенов Замыцкий, Григорий Корба, Лев Павлович Горбатый, Василий

Дворянинцов, Василий Иванович Суходольский, Уколо Васильев Варсоби́на, Сенко Иванович Хомина (из Почепа), Лобан Иванович Поповкин, Кузьяй Захарьин Трщов (из Почепа), Семен Левонтьев Болобанов, Веревка Семенов Цвилленев, Андрей Смердов Маслов [5, с. 116—123; 6, с. 178—181]. Таким образом, несмотря на всю сложность идентификации, данный список позволяет утверждать, что к началу Стародубской войны 1534—1537 годов в регионе уже полностью сложилась служилая корпорация детей боярских и эффективно функционировал порядок несения военной службы, основанный на поместной системе.

Впрочем, охрана рубежей не была единственной обязанностью детей боярских. Например, в 1563 году стародубцы участвовали в осаде Полоцка во время Ливонской войны 1558—1583 годов. Так, в передовой полк под командование Алексея Даниловича Басманова были зачислены 35 почепских детей боярских, а в подчинении князя Василия Михайловича Глинского находилось 35 стародубцев. А после взятия Полоцка 24 февраля 1563 года часть из них была отправлена в Россию для конвоирования пленных [7, с. 121, 149].

В то же время несмотря на, казалось бы, полное доминирование на Стародубщине в качестве центра притяжения Москвы, влияние ВКЛ по-прежнему оставалось значительным. Признавало это и само русское правительство. Одним из наиболее ярких примеров проявления такого влияния следует признать так называемое «стародубское изменное дело». Прибыв из Полоцка в Великие Луки, царь Иван IV 5 марта 1563 года получил письмо от смоленского боярина Михаила Яковлевича Морозова. Тот в нем сообщал, что казачий атаман Алексей Тухачевский смог захватить в плен литвина Курьянка Сазонова, которой показал, что к Стародубу движется войско ВКЛ, а наместник готов сдать город без боя [7, с. 150].

В тот же день царь Иван IV послал указ в Брянск. В нем он сообщал наместнику Афанасию Колычеву, что ему с Инаем Ордынцевым следует немедленно идти в Стародуб. Там им надлежало арестовать наместника князя Василия Семеновича Фуникова и воеводу Ивана Федоровича Шишкина с женами и «отослати к Москве з Замятнею Левонтьевым, а животы их, переписав, запечатати, а список переписной прислати ко царю и великому князю» [7, с. 150].

Вероятно, царь Иван IV считал угрозу Стародубу очень серьезной, поэтому уже на следующий день (6 марта 1563 года) послал в город еще Дмитрия Григорьева Плещеева и Григория Злобина Петрова на подводах, а с ними 83 человека брянчан детей боярских и стрельцов. При этом велел им двигаться «наспех». Уже 7 марта в Стародуб был отпущен Семен Александров Аксаков. По распоряжению государя Григорий Петров, Инай Ордынцев и Семен Аксаков должны были оставаться в городе для осадного дела, а Дмитрий Плещеев «на вылазке за городом» [7, с. 151].

Иван Шишкин и Василий Фуников были отосланы в Москву. Вероятно, для первого роковым стало родство с Алексеем Федоровичем Адашевым, который со своим братом уже был в царской немилости. По результатам сыска Иван Шишкин был казнен, а следом за ним и другие родственники Адашевых. Тот факт, что князь Василий Фуников сохранил себе жизнь и, вероятно, был прощен, в то время как сообщение смоленских бояр было направлено как раз против него, говорит о том, что если он и имел «сношения» с представителями ВКЛ, то они едва ли предполагали сдачу Стародуба противнику.

Необходимо отметить, что регион оставался пограничным не только с Речью Посполитой. Близость к украинским степям не раз сталкивала местных жителей с татарами, которые успешно совершали рейды на Северщину. Оборонительная линия Русского государства, противостоящая Крымскому ханству и Ногайской орде, проходила южнее Стародуба. Однако в 1570-е годы началось упорядочение сторожевой и станичной службы, возложенной на детей боярских и казаков. В 1574 году начальником над ней был назначен боярин Никита Романович Юрьев. При нем оборонительная линия не только выдвинулась вперед в степь, но были модернизированы и приспособлены к пограничной службе многие северские крепости. В результате в 1575 году в новую оборонительную систему были включены Стародуб, Брянск и Почеп. Уже в 1576 году дети боярские из этих городов несли службу по

р. Северский Донец, переменяясь каждые два месяца. Сборным пунктом для них назначался г. Рыльск, а командирами были поочередно брянчане Игнатий Андреев Тютчев, Иван Семичев и Афанасий Панютин [8, с. 22, 28].

С началом Смутного времени в России 1598—1613 годов пограничная служба детей боярских, видимо, отошла на второй план. Северщина стала очагом народных восстаний. А в 1607 году стародубцы и вовсе составили костяк армии Лжедмитрия II. При этом существует версия, будто и сам самозванец происходил из рода стародубских детей боярских Веревкиных. Однако неудачи Лжедмитрия II подтолкнули многих из его сторонников к переходу на сторону короля Речи Посполитой Сигизмунда III и его сына Владислава, избранного новым царем. Источники сохранили для нас подтвердительные грамоты, данные монархом, которые свидетельствуют о степени их участия в боевых действиях на стороне Речи Посполитой, а кроме того и о масштабах служилого землевладения в регионе к началу XVII века. Так, в грамоте, данной в июне 1610 года стародубским детям боярским Ивану, Семену, Путиле, Горностаю и Полунину Гавриловым Веревкиным, указывается, что отца их «на службе королевской под Осифовым убило». За это король подтверждал за ними отчину: села Дареевичи и Халеевичи, деревни Кропивна, Остроглядово, Невзорово, а также поместье их отца — деревню Пятовская. Кроме того, в 1610 году подтверждение своих владений на Стародубщине получили Петр и Алексей Безобразовы, Алексей и Кирилл Шелыгины, Фока и Иван Васильевы Щеголевы, вдова Юрьевская жена Пологейца, Григорий Веревкин, Василий Иванов Бакшеев, подъячий Ивашка Петров Изъединов, стрелецкий голова Иван Васильевич Козлов [9, с. 323, 330, 331, 335, 336, 341, 352, 400].

С избранием на российский престол в 1613 году Михаила Федоровича стародубцы признали его власть. Уже в 1614 году в город был назначен воеводой князь Петр Андреевич Волконский. Он в короткие сроки смог организовать службу служилых людей. В том же году отряд стародубцев под командованием сына боярского Григория Веревкина осуществил удачный рейд в предместья Гомеля.

Интересно, что до 1614 года стародубский кабак и таможенные пошлины были «в откуп» у детей боярских, стрельцов и казаков. Однако новый воевода упразднил такую привилегию и определил на «кабак верных целовальников» [10, л. 570].

Начиная с 1617 года мы имеем сведения о получении стародубскими детьми боярскими жалования за свою службу, которое было передано им через Григория Гладкого в апреле того же года и составляло 15 и 7 с полтиною рублей на человека. Кроме того, некоторые из них получили дополнительные средства: Иван Саврасов Урывков, Григорий Калинников Гладкий, Гаврила Михайлов с Иваном, Путилой и Семеном Гавриловыми Веревкиными, Иван и Павел Семеновы Бороздны, Василий Дмитриев Афросимов, Гаврила Денисов Александров и Иван Федоров Жуковец [11, стб. 574—575].

Говоря же о численности стародубских детей боярских на государственной службе, то необходимо отметить, что в 1616 году в составе городского гарнизона их насчитывалось 170 человек, а в 1617 году оставалось 116 [12, с. 47, 130]. Вероятно, снижение числа детей боярских, охранявших город, связано с поручением царя Михаила Федоровича, согласно которому им надлежало «ходить и промышлять над литовскими людьми». Тогда стародубский воевода получил приказ посылать «голов с сотнями» к Брянскому и Путивльскому воеводам [12, с. 28—29].

Впрочем, влияние ВКЛ по-прежнему было сильно на Стародубщине. Так, в 1617 году новый воевода Михаил Остафьевич Пушкин проводил расследование по обвинению своего предшественника Александра Михайловича Нагова в «ссылках грамотками с литовскими людьми». В рамках данного расследования были допрошены многие стародубцы, в том числе дворяне и дети боярские [13, с. 92—93].

В 1618 году между Россией и Речью Посполитой было заключено Деулинское перемирие. По его условиям Стародуб возвратился в состав ВКЛ. Большинство детей боярских были выведены в Рыльск, а затем поселены в Карачеве, Алатыре и Брянске. При этом

некоторая часть служилых людей все же осталась на Стародубщине, где получила от новой администрации подтвердительные грамоты на свои владения и со временем влилась в число формируемой стародубской шляхты.

Заключение. Как видим, процесс формирования локальных элит в пограничном регионе имел свои особенности. Стародубщина, находящаяся на рубеже Московского государства и ВКЛ, испытывала влияние каждого из центров притяжения. Представители привилегированной части общества региона в своих симпатиях склонялись то к одному, то к другому из них. Впрочем, Стародуб, являясь центром контактной зоны, и сам зачастую проводил самостоятельную политику в регионе. При этом служилое сословие края, привыкшее к несению военной службы в условиях пограничья, представляло собой грозную силу, за привлечение которой на свою сторону во время вооруженных конфликтов соперничали Москва и Вильно.

Список цитируемых источников

1. Lietuvos metrika / Lietuvos Istorijos Inst. — Vilnius : Žara, 1998. — Kn. 3 : (1440—1498) : Užrašymų knyga 3 / parengė: L. Anužytė, A. Baliulis. — 161 p.
2. Lietuvos metrika / Lietuvos Istorijos Inst. — Vilnius : LII leidykla, 2012. — Kn. 5 (1427—1506) : Užrašymų knyga 5 / parengė: A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). — 586 p.
3. Lietuvos Metrika / Lietuvos istorijos institutas. — Vilnius : Žara, 2004. — Kn. 4 (1479—1491) : Užrašymų knyga 4 / parengė Lina Anužytė. — 286 p.
4. Разрядная книга 1475—1598 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; ред. В. И. Буганов. — М. : Наука, 1966. — 614 с.
5. Кром, М. М. Стародубская война, 1534—1537: из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. — М. : Рубежи XXI, 2008. — 139 с.
6. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. в 9-ти томах / Рос. гос. арх. древ. актов ; Inst. Hist. Uniw. Warszawskiego, Centrum Historii Europy Środkowo-Wsch.; редкол.: И. Граля [и др.]. — М. ; Варшава : Археогр. центр, 1995—2012. — Т. 6 : Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки, первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром ; отв. ред. Ю. М. Эскин. — М. : Древлехранилище, 2002. — 267 с.
7. Баранов, К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. / К. В. Баранов // Русский дипломатический. — 2004. — Вып. 10. — С. 119—154.
8. Беляев, И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича / И. Д. Беляев. — М. : Унив. тип., 1846. — 56, 86 с.
9. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. — СПб. : Тип. Э. Праца, 1846—1855. — Т. 4 : 1588—1632. — 1851. — Разд. паг.
10. Дозорная книга дворов и населения Стародуба Северского, «письма дозора» Л. Л. Лодыженского и С. Игнатьева. Список 1623 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль. Кн. 1. Л. 568—575.
11. Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией в 39-ти томах / Императ. археогр. комис. — М. : Синоид. тип., 1872—1927. — Т. 28 : Приходно-расходные книги московских приказов. — 1912. — IV с., 1012 стб.
12. Разрядная книга 7125 года / ред. И. Д. Беляев // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. — М. : Университ. тип., 1849. — Кн. 3, ч. 2 : Материалы. — С. 1—140.
13. Памятники южновеликорусского наречия (конец XVI — нач. XVII в.в.) : сб. текстов / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. С. И. Коткова. — М. : Наука, 1990. — 232 с.

Поступила в редакцию 17.05.2026.

УДК 339.138

Е. Н. Карчевская¹, кандидат географических наук, доцент,

К. В. Ильющич²

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого»,
пр-т Октября, 48, 246029 Гомель, Республика Беларусь, ¹karchevskaya@gstu.by, ²kilyushchits00@mail.ru

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИНТЕГРИРОВАННОГО АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕДЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается авторская методика анализа предприятия с помощью PEST-MICRO, в которой PEST-анализ дополнен блоком MICRO, включающим ключевые элементы микросреды. Предложенная методика анализа является универсальным инструментом стратегического планирования, применимым к предприятиям любой отрасли. Она позволяет выявить внешние и внутренние воздействия, классифицировать их как угрозы или возможности, оценить степень их влияния и разработать конкретные управленческие решения.

Ключевые слова: PEST-MICRO; макросреда; микросреда; анализ предприятия; методика анализа.

Табл. 2. Библиогр.: 9 назв.

E. N. Karchevskaya¹, PhD in Geography, Associate Professor

K. V. Ilyushchits²

Sukhoi State Technical University of Gomel, 48 October Ave., 246029 Gomel, the Republic of Belarus,

¹karchevskaya@gstu.by, ²kilyushchits00@mail.ru

TOOLS FOR INTEGRATED ANALYSIS OF THE EXTERNAL AND INTERNAL ENVIRONMENT OF AN ENTERPRISE

This article discusses the author's methodology for enterprise analysis using PEST-MICRO, in which PEST analysis is supplemented with a MICRO component that includes key elements of the microenvironment. The proposed analysis methodology is a universal solution applicable to enterprises in any industry. It enables to identify external and internal impacts, classify them as threats or opportunities, assess their environmental impact, and formulate specific management decisions. Using a combination of the two techniques makes it possible to increase the objectivity of the results obtained. The developed methodology is illustrated by the example of one of the largest enterprises in the Republic of Belarus, Gomel Chemical Plant, operating in a complex but manageable external environment, influenced by many macro- and microenvironment factors.

Key words: PEST-MICRO; macroenvironment; microenvironment; enterprise analysis; analysis methodology.

Table 2. Ref.: 9 titles.

Введение. Деятельность любого предприятия сопряжена с рисками и возможностями как внутри него, так и снаружи [1].

Макросреда — это совокупность внешних факторов, которые оказывают косвенное влияние на деятельность компании, на которые она не может напрямую влиять [2—4]. К основным факторам макросреды относятся: демографические, экономические, социально-культурные, политико-правовые, технологические, природные и географические. Анализ макросреды позволяет предприятию адаптироваться к изменениям и использовать новые возможности.

Микросреда определяет, как компания работает на рынке, насколько эффективно она адаптируется к изменениям потребительских предпочтений и как она справляется с конкурентным давлением [5—7]. В неё входит непосредственное окружение компании: покупатели, поставщики, конкуренты, посредники и контактные аудитории, а также внутренняя среда самой организации. В отличие от макросреды, на которую компания напрямую повлиять не может, микросреда состоит из субъектов, с которыми происходит прямое взаимодействие.

Для анализа макросреды применяются следующие методы:

- матричные: PEST-анализ (анализирует политические (Political), экономические (Economic), социальные (Social) и технологические (Technological) факторы макросреды), PESTEL-анализ (версия PEST, дополненная экологическими и правовыми факторами), SWOT-анализ (оценивает сильные, слабые стороны, возможности и угрозы) [3];
- аналитические: факторный анализ (определение ключевых факторов влияния), сравнение (анализ состояния элементов макросреды в разные периоды времени), индексный метод (сравнение показателей текущего и базового периодов);
- прогнозные и модельные (сценарный анализ будущего), имитационное моделирование (имитация поведения макросреды), прогнозирование отдельных тенденций;
- экспертные (привлечение специалистов), методы опроса и наблюдения за рынком.

Для анализа микросреды используются методы, которые позволяют оценить влияние непосредственных факторов, таких как клиенты, конкуренты, поставщики и партнеры [8]. К числу основных методов относятся:

- SWOT-анализ;
- анализ пяти сил Портера (оценка уровня конкуренции в отрасли по пяти факторам) [9];
- SNW-анализ (оцениваются сильные (Strengths), слабые (Weaknesses) и нейтральные (Neutral) стороны).

Вместе с тем используемые методы анализа макросреды, несмотря на их многообразие, могут быть слишком общими, не всегда дают прямые ответы, как реагировать, а только обозначают проблемы. Используя их, сложно избежать субъективности в оценке факторов, результат может быть перегружен данными, а сам анализ требует четкой постановки целей.

Методы анализа микросреды не лишены субъективности оценки, требуют постоянного сбора данных, поскольку поведение потребителей быстро меняется. Сложность вызывает получение полной и достоверной информации о конкурентах, требуется сбор большого объема информации, а высокая динамика факторов приводит к неактуальности результатов.

Следовательно, возникает необходимость синтеза методов анализа макро- и микросреды, объединяющего традиционный и новый подходы. Использование сочетания нескольких методов дает наиболее полную объективную картину, что позволит компании адаптироваться к изменениям внешней среды и использовать их в свою пользу.

Методология и методы исследования. Рассмотрим возможность объединенного анализа факторов макро- и микросреды на примере предприятия химической промышленности — ОАО «Гомельский химический завод».

ОАО «Гомельский химический завод» действует в сложной, но управляемой внешней среде. Сильные экономические и технологические позиции, поддержка со стороны социальной базы, а также грамотная работа с имиджем позволяют эффективно использовать возможности и снижать влияние угроз. Это создаёт устойчивую основу для дальнейшего роста и укрепления на внешних рынках.

В рамках настоящего исследования предлагается оригинальная авторская методика интегративного анализа предприятия с помощью PEST-MICRO.

PEST-анализ традиционно оценивает макросреду (политические, экономические, социальные, технологические показатели). Предлагается дополнить его блоком MICRO, включающим ключевые элементы микросреды: конкуренты, поставщики, потребители, посредники, контактные аудиторы.

В структуре PEST—MICRO выделены следующие блоки.

1. Блок PEST: оценка факторов макросреды:

- P (Political & Legal), политико-правовые факторы. Включают политическую стабильность, госрегулирование, налоговую политику, торговые ограничения. Влияют через экспортные ограничения, экологические нормы и промышленную политику. С одной сто-

роны, создают барьеры и дополнительные требования, с другой — обеспечивают правовую стабильность и поддержку отрасли;

– E (Economic), экономические факторы (экономический рост, инфляция, курсы валют, уровень безработицы). Рост выручки, прибыли и обновление основных средств говорят о положительной динамике. Колебания цен на сырьё и инфляция могут повлиять на себестоимость и экспортную прибыль. Сдерживать риски помогает контроль расходов и гибкий подход к ценообразованию;

– S (Sociocultural), социальные факторы (демография, стиль жизни, культурные ценности, образование). Сбалансированная структура персонала, наличие молодых специалистов и ориентация на клиента способствуют устойчивому развитию. Анкетирование потребителей и развитие корпоративной культуры усиливают доверие и лояльность;

– T (Technological), технологические факторы (автоматизация, новые открытия и их применение в отрасли). Предприятие активно обновляет оборудование, внедряет цифровые решения и развивает онлайн-продвижение. Это повышает производительность и конкурентоспособность.

2. Блок MICRO: оценка ключевых агентов микросреды:

- M (Market & Customers): потребители, их поведение и предпочтения;
- I (Intermediaries): посредники (дистрибьюторы, дилеры, логистика (Competitors)), прямые и косвенные конкуренты, новые игроки;
- C (Competitors): прямые и косвенные конкуренты, новые игроки;
- R (Resources): поставщики сырья;
- O (Observers): государственные органы, СМИ, контактные аудитории.

Результаты исследования и их обсуждение. Составляется поэтапный план анализа.

Этап 1: создание таблицы, где факторы блока PEST расположены по вертикали, а блока MICRO — по горизонтали.

В таблице используются следующие обозначения:

«+» — положительные факторы, т. е. возможности, которые можно использовать для развития предприятия;

«–» — отрицательные факторы, т. е. угрозы (риски), которые могут создавать проблемы.

Элементы микросреды в совокупности с воздействием макросреды могут сформировать вектор воздействия на деятельность предприятия, который надо изучать, учитывать и т. д. Таблица в рамках объединенного способа анализа PEST—MICRO имеет следующий вид (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — PEST—MICRO-анализ предприятия ОАО «Гомельский химический завод»

Фактор	Р (ужесточение экологического законодательства)	Е (рост цен на энергоносители)	С (рост внимания к экологии и безопасности)	Т (развитие «зеленых» технологий)
М (фермеры, сельскохозяйственные предприятия)	– Требуют подтверждения экобезопасности продукции. Ужесточение требований к качеству и экологичности удобрений для экспорта	– Не готовы к значительному росту цен на удобрения	+	+
			Растет спрос на органические и безопасные удобрения	Интересуются «умными» удобрениями для точного земледелия. – Отставание от технологичных конкурентов

Окончание табл. 1

Фактор	Р (ужесточение экологического законодательства)	Е (рост цен на энергоносители)	S (рост внимания к экологии и безопасности)	T (развитие «зеленых» технологий)
I (транспортные компании)	– Ужесточение правил перевозки химической продукции. Усложнение логистических цепочек, рост стоимости перевозок из-за санкций	– Повышают тарифы на перевозки	НЕТ ПРЯМОГО ВЛИЯНИЯ, так как для логиста важен объем, а не «экологичность» груза	– Внедряют системы онлайн- отслеживания грузов
C («УралХим» и другие химические предприятия)	– Используют «зеленые» сертификаты для продвижения	– Начинают ценовую войну за рынок	– Активно используют тему экологии в рекламе	– Внедряют энергоэффе- ктивные и безотходные технологии
R (поставщики сырья)	– Повышают цены из-за своих экологических издержек	– Повышают цены на сырье и требуют предоплаты	– Начинают предлагать более экологичные виды сырья и упаковки	– Предлагают новое энергосбере- гающее оборудование
O (экологи, госорганы)	– Ужесточают проверки, увеличивают штрафы	НЕТ ПРЯМОГО ВЛИЯНИЯ, так как их волнует экология, а не себестоимость	– Активность экоактивистов, негативные публикации в СМИ	– Госпрограммы поддержки «зеленой» модернизации. Внедрение систем экомониторинга в реальном времени для публичной демонстрации безопасности

Примечание — Источник: собственная разработка на основе данных предприятия.

Этап 2: определение положительных («+») и отрицательных («–») факторов, чтобы выявить возможности и угрозы для предприятия.

«+» — возможность. Это то, что можно использовать для развития. Главная возможность — переход на «зеленые рельсы». Это требование и потребителей, и государства, и общества. Завод может получить поддержку и завоевать рынок, если инвестирует в экологичные и энергоэффективные технологии.

«–» — угроза (риск). Это то, что может создать проблемы. Главная угроза — одновременный рост затрат (энергия, сырье, штрафы) и давление со стороны покупателей, не готовых платить больше.

Вместе с тем на пересечении некоторых факторов образуются пустые ячейки — «нет прямого влияния». Это означает, что данная комбинация «PEST-фактор → МИКРО» не является для компании стратегически значимым обстоятельством в текущий момент. Задача анализа — выявить только значимые связи.

Этап 3: ранжирование угроз и возможностей по степени их влияния.

Для анализа используется 3-балльная система, где 3 балла — критическое влияние; 2 балла — значительное влияние; 1 балл — умеренное влияние.

На этом этапе проводится сравнительная оценка всех выявленных угроз и возможностей, чтобы определить приоритеты для реагирования. Выделяются все угрозы и возможности, затем присваивается каждой позиции балл от 1 до 3. Делаются выводы.

Этап 4: разработка корректирующих мероприятий.

Создается таблица корректирующих мероприятий по итогам PEST—MICRO-анализа для нейтрализации угроз и использования возможностей (таблица 2).

Таким образом, в рамках этого исследования рассмотрена возможность объединенного анализа факторов макро- и микросреды на примере ОАО «Гомельский химический завод», для чего была использована оригинальная авторская методика анализа предприятия с помощью PEST—MICRO.

Т а б л и ц а 2. — Разработка корректирующих мероприятий по итогам PEST—MICRO-анализа

Угроза/возможность	Мероприятие
– Давление контролирующих органов	Внедрение системы экомониторинга
+ Спрос на «зеленые» продукты	Разработка линейки экоудобрений. Получение международной экосертификации. Запуск рекламной кампании

Примечание — Источник: собственная разработка на основе данных предприятия.

Заключение. Разработанная методика имеет определенные преимущества:

- гибкость (подходит для предприятий любого масштаба и профиля — от промышленности до сферы услуг);
- системность и наглядность (она объединяет данные о макро- и микросреде в единую и понятную систему);
- концентрация на значимом (помогает выделить наиболее важные стратегические факторы);
- прогнозируемость (помогает заранее подготовиться к рискам и использовать рыночные возможности);
- прозрачность (таблицы и балльные оценки делают выводы наглядными и легко объяснимыми для руководства).

Предложенная методика анализа сочетания факторов PEST и MICRO является универсальным инструментом стратегического планирования, применимым к предприятиям любой отрасли. Она позволяет системно выявить внешние и внутренние воздействия, классифицировать их как угрозы или возможности, оценить степень их влияния и разработать конкретные управленческие решения.

Список цитируемых источников

1. Шинди́ков, А. А. Среда предприятия и ее факторы / А. А. Шинди́ков // Молодой ученый. — 2023. — № 44 (491). — С. 370—373.
2. Макро- и микросреда бизнеса: что учитывать для успешного планирования? — URL: <https://www.belveb.by/blog/business-1068-s/makro-i-mikrosreda-biznesa-chto-uchityvat-dlya-uspeshnogo-planirovaniya-39450> (дата обращения: 28.12.2025).
3. Макро- и микросреда предприятия // Образовательный портал «Справочник». — Дата последнего обновления статьи: 06.05.2025. — URL: https://spravochnik.ru/mikro-_makroekonomika/makro-_i_mikrosreda-predpriyatiya/ (дата обращения: 02.02.2026).
4. Теоретические основы определения ключевых фактов внешней и внутренней среды. — URL: http://elib.rshu.ru/files_books/pdf/rid_a54bb31198fb4c24835343947e0e5f12.PDF (дата обращения: 28.12.2025).
5. Влияние микросреды на предприятие. — URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020954?ysclid=-mg6vhyuk0259427443> (дата обращения: 28.12.2025).
6. Факторы микросреды маркетинга. — URL: <https://www.napishem.ru/spravochnik/marketing/prochie-statipo-marketingu/factory-mikrosredy-marketinga.html> (дата обращения: 28.12.2025).
7. Что такое микросреда и макросреда маркетинга? — URL: <https://zachnik-com.com/spravochnik/-marketing/marketingovaja-sreda/factory-mikrosredy-marketinga/?ysclid=mg10usx5m1617411459> (дата обращения: 28.12.2025).
8. Анализ конкурентов. — URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-analiz-konkurentov/-?ysclid=mg6x0h2pr7518565219#anchor-1> (дата обращения: 28.12.2025).
9. 5 сил Портера. — URL: <https://lectera.com/info/ru/articles/5-sil-portera> (дата обращения: 28.12.2025).

Поступила в редакцию 17.05.2026.

УДК 338.22

Е. А. Костюкевич, И. В. ГромоваУчреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, kost.elena80@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к классификации потребительского поведения применительно к условиям Республики Беларусь. На основе анализа крупных эмпирических исследований авторами выделены и охарактеризованы основные типы потребительского поведения белорусских потребителей. Классификация проведена по ряду критериев: финансово-сберегательное поведение, реакция на экономическую нестабильность, ценностные ориентации и практики потребления. Выявлены ключевые противоречия и парадоксы в поведении белорусских потребителей, проявляющиеся в сочетании технологической грамотности и финансового консерватизма, прагматизма и эмоциональности. Статья вносит вклад в развитие теории потребительского поведения и имеет практическую значимость для разработки маркетинговых стратегий.

Ключевые слова: потребительское поведение; классификация; типологизация; белорусские потребители; сберегательное поведение; структура расходов; цифровизация; финансовый консерватизм.

Рис. 1. Табл. 2. Библиогр.: 7 назв.

E. A. Kostyukevich, I. V. GromovaInstitution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, kost.elena80@mail.ru

CLASSIFICATION OF TYPES OF CONSUMER BEHAVIOR OF BELARUSIAN CONSUMERS: METHODOLOGY AND EMPIRICAL TYPOLOGIZATION

This article examines theoretical and methodological approaches to the classification of consumer behavior in relation to the conditions of the Republic of Belarus. Based on the analysis of major empirical studies, the authors identify and characterize the main types of consumer behavior of Belarusian consumers. The classification is based on a number of criteria: financial and savings behavior, response to economic instability, value orientations, and consumption practices. The key contradictions and paradoxes in the behavior of Belarusian consumers are identified, manifested in a combination of technological literacy and financial conservatism, pragmatism and emotionality. This article contributes to the development of consumer behavior theory and has practical significance for the development of marketing strategies.

Key words: consumer behavior; classification; typologization; Belarusian consumers; savings behavior; expenditure structure; digitalization; financial conservatism.

Fig. 1. Table 2. Ref.: 7 titles.

Введение. Трансформация социально-экономических условий, цифровизация всех сфер жизни и изменение ценностных ориентаций населения в последние годы привели к существенной эволюции потребительского поведения белорусских потребителей. Понимание того, как различные группы населения принимают решения о покупках, формируют сбережения и реагируют на экономические вызовы, является критически важным как для бизнеса, так и для государства.

Несмотря на наличие значительного количества эмпирических данных, накопленных статистическими службами, проблема их теоретического обобщения и построения целостной классификации типов потребительского поведения остается актуальной. Как справедливо отмечает А. В. Семёнова, «в большинстве своем представленные типологические конструкторы не носят обобщающего характера и не сводимы к уровню массовых типологий, что обусловлено ограниченностью контекстуальных рамок исследований различными факторами,

составляющими типологическое ядро потребительского поведения. Кроме того, типы потребительского поведения меняются в соответствии с изменениями пространственно-временного континуума, в котором они реализуются» [1, с. 133].

Цель настоящей статьи — на основе анализа современных эмпирических данных предложить многокритериальную классификацию типов потребительского поведения, характерных для потребителей Республики Беларусь.

Материалы и методы исследования. В основе типологического подхода лежит представление о том, что потребительское поведение не является однородным, а представляет собой совокупность устойчивых стратегий, детерминированных комплексом факторов: экономических, социальных, психологических и культурных.

Анализ литературы показывает, что в современной белорусской науке типологизация потребительского поведения находится на стадии активного развития. Исследователи сталкиваются с проблемой динамичности типов, которые меняются в соответствии с изменениями в пространстве и во времени [1, с. 129]. В связи с этим предлагаемая классификация строится на анализе данных за 2020—2024 годы, что позволяет зафиксировать актуальное состояние.

В рамках представленной статьи применяются универсальные научные методы исследования: от экономико-статистического анализа до расчетных моделей и графических визуализаций. Исследовательская база основана на фундаментальных трудах белорусских ученых, а также актуальной статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение. Потребительское поведение представляет собой многоаспектное социальное явление, характеризующееся сложной структурой и многообразием детерминант. Анализ потребительского поведения как целостного феномена без предварительной структуризации затрудняет выявление закономерностей, прогнозирование тенденций и разработку эффективных стратегий управления маркетингом. Для выявления устойчивых типов потребительского поведения необходимо прежде всего проанализировать макроэкономические тенденции в структуре расходов домашних хозяйств, поскольку именно они отражают агрегированные стратегии населения в области потребления и сбережения. В качестве эмпирической базы были использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, характеризующие динамику денежных расходов за 2020—2024 годы. Такой временной горизонт позволяет зафиксировать изменения, произошедшие под влиянием как внешних шоков, так и внутренних адаптационных механизмов.

Представим состав денежных расходов потребителей Республики Беларусь в расчете на одно домашнее хозяйство за 2020—2024 годы (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Состав денежных расходов потребителей (в расчете на одно домашнее хозяйство) в Республике Беларусь за 2020—2024 годы, рублей в месяц

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста 2024 года к 2020 году, %
Денежные расходы — всего	1 391,2	1 523,9	1 696,6	1 988,9	2 319,8	166,7
В том числе:						
потребительские расходы	1 028,0	1 129,2	1 249,1	1 429,5	1 632,0	158,8
расходы на ведение личного подсобного хозяйства	11,8	10,7	14,1	15,4	16,2	137,3
вклады и сбережения	172,5	183,2	195,7	267,5	358,3	207,7

Окончание табл. 1

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Темп роста 2024 года к 2020 году, %
расходы на строительство и покупку недвижимости	45,9	63,8	84,3	104,6	97,4	212,2
налоги, взносы и другие платежи	53,5	49,7	55,5	56,8	77,6	145,0
прочие непотребительские расходы	79,5	87,3	97,9	115,1	138,3	174,0

Примечание — Источник: собственная разработка авторов на основе [2, с. 92].

Проанализировав данные таблицы 1, можно сделать выводы, что абсолютные показатели демонстрируют устойчивый рост всех статей расходов, что во многом связано с номинальным ростом доходов и инфляционными процессами. За 2020—2024 годы общие расходы выросли в 1,67, раза и это общий фон, на котором и происходят структурные изменения. Потребительские расходы увеличились в 1,59 раза. Важно отметить, что их рост отстает от роста общих расходов, и это означает, что прирост доходов направляется не только на текущее потребление. Наиболее динамично растущие статьи «вклады и сбережения» и «расходы на строительство и покупку недвижимости» за 5 лет показывают, что объем сбережений и вложений в недвижимость вырос более чем в 2 раза.

Представим структуру денежных расходов домашних хозяйств Республики Беларусь за 2020—2024 годы (таблица 2).

Структура расходов подтверждает тренды, выявленные в абсолютных значениях, и показывает качественные изменения в поведении потребителей.

Т а б л и ц а 2. — Структура денежных расходов домашних хозяйств в Республике Беларусь за 2020—2024 годы, %

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 года к 2020 году, п. п.
Денежные расходы — всего	100	100	100	100	100	—
В том числе: потребительские расходы	73,9	74,12	73,6	71,9	70,4	–2,5
расходы на ведение личного подсобного хозяйства	0,8	0,7	0,8	0,8	0,7	–0,1
вклады и сбережения	12,4	12,0	11,5	13,4	15,4	+3,0
расходы на строительство и покупку недвижимости	3,3	4,2	5,0	5,3	4,2	+0,7
налоги, взносы и другие платежи	3,8	3,3	3,3	2,8	3,3	–0,5
прочие непотребительские расходы	5,8	5,7	5,8	5,8	6,0	+0,2

Примечание — Источник: собственная разработка авторов на основе [2, с. 97—98].

Во-первых, сокращается доля потребительских расходов, что является классическим признаком финансового консерватизма: население начинает больше сберегать, чем тратить, даже в условиях номинального роста доходов.

Во-вторых, доля вкладов и сбережений выросла с 12,4 до 15,4 %, пик сберегательной активности пришелся на 2024 год. Это коррелирует с ростом экономической неопределенности, упомянутой во введении, и является реакцией на нестабильность.

В-третьих, наблюдается стабильность вспомогательных статей: доля расходов на ведение личного подсобного хозяйства остается минимальной и в целом стабильной, что характерно для урбанизированного общества; доля налогов и платежей также колеблется незначительно (2,8—3,8 %).

Анализ таблиц в совокупности подтверждает ключевые противоречия:

1) парадокс «прагматизм и эмоциональность». Несмотря на снижение доли потребительских расходов в структуре, их абсолютный объем продолжает расти. Все это свидетельствует о том, что современные потребители не спешат отказаться от потребления, но в то же время делают это более рационально, выделяя часть денежных средств на накопление;

2) финансовая дисциплина. Удельный вес накопительной части увеличился до 15,4 %, при этом характерно финансовое сдерживание (отказ от импульсивных покупок) в пользу накопления;

3) инвестиционный приоритет. Строительство и покупка жилья как инструмент долгосрочных вложений занимает по удельному весу все большую долю (от 3,3 до 5,3 %), что отражает долгосрочную инвестиционную ориентацию потребителей.

Проведенный анализ структуры расходов домашних хозяйств как потребителей, показывает необходимость трансформации модели «потребление ради потребления» в модель «инвестиции и сбережения», при этом подтверждает необходимость учета пространственно-временного ландшафта при построении классификации и типологизации групп потребителей и потребительского поведения.

На основе анализа эмпирических данных представляется возможным выделить следующие основные типы потребительского поведения белорусов (рисунок 1).

Рисунок 1. — Типологизация потребителей с учетом многокритериальной классификации

Примечание — Источник: собственная разработка авторов.

Представим подробную характеристику выделенных типов потребителей.

По критерию финансово-сберегательного поведения:

1. Консервативные накопители отличаются высоким уровнем сбережений при минимальной склонности к инвестициям. Их поведение носит противоречивый характер — активное накопление при полном отказе от вложения средств. Около 79,9 % осознанно жертвуют возможностью получения дохода ради обеспечения максимальной сохранности капитала и мгновенного доступа к деньгам. Типичная практика — хранение средств в наличных (40,6 %) или на банковских картах без начисления процентов [3; 4].

2. 55,2 % населения Республики Беларусь имеют действующее долговое обязательство, и эту категорию можно обозначить как кредитно-ориентированные прагматики. Отношение к заемным средствам остается сдержанным — 47,4 % либо просто избегают кредитования, либо испытывают негативную установку по этому поводу. Кредиты воспринимаются как необходимое средство для значимых покупок: жилье, транспорт, крупная бытовая техника. Но при этом особенно популярна покупка в рассрочку — регулярно пользуются 41,1 % потребителей, считая рассрочку эффективным и бесплатным решением [3].

3. Запас финансовых ресурсов у 24,2 % домашних хозяйств ограничен, а 49,1% не имеет его совсем. Это группа потребителей финансово уязвимая [3].

В контексте экономических колебаний:

1. Население с высокими доходами (около 80,0 %) часто в период неопределенности в экономике следит за валютными курсами, так как потребляет импортные товары, дорогие услуги и представляется как настороженно финансово независимое [5].

2. Приспосабливаемые экономисты адаптируются к финансовым трудностям, например, 65,0 % потребителей с ростом цен переключаются на курс экономии и при этом прибегают к покупке товаров со скидками, на распродажах, сравнивают цены, отказываются от развлечений, ориентируются на бюджетные магазины. Эта категория отличается адаптивностью и логическим подходом в меняющихся условиях [5].

3. Неизменные традиционалисты характеризуются низким уровнем дохода и образования, при этом испытывают меньший уровень финансовых трудностей. Это связано с тем, что их потребление ориентировано на базовый минимум, поэтому санкции и ограничения оказывают на них меньшее давление. Для представителей этой группы характерны предпочтение наличных (31,8 %) и скептическое отношение к онлайн-платежам и цифровым финансовым инструментам [3].

С точки зрения поведения и ценностных установок потребителей целесообразно выделить три типа потребителей:

1. Гедонисты-качественники основной акцент при выборе товаров делают на высокое качество, что играет ключевую роль в покупательских решениях белорусских потребителей [6]. Они склонны тратить средства на улучшение своего уровня жизни. Подтверждением выступает увеличение затрат на красоту, отдых, развлечения, бары, рестораны [4; 5], а также активные инвестиции в саморазвитие.

2. У эмоциональных потребителей доминирующее место в расходах занимают не необходимые, а эмоциональные покупки [3].

3. Цифровые технологии уже давно вошли в повседневную жизнь значительной части населения Республики Беларусь. Тем не менее «цифровые гибриды» предпочитают не только интернет-покупки (84,6 %), а сочетание онлайн- и офлайн-покупок (65,4 %) [3].

С учетом культурных ценностей следует рассмотреть следующие типы потребителей [7]:

1. Культурные традиционалисты ценят сохранение исторической преемственности, регулярно посещают театральные и музейные пространства, проявляют приверженность национальной культурной идентичности.

2. Массово-развлекательный тип предпочитает массовый развлекательный контент, ориентируется на популярные жанры, склонны к пассивному потреблению досуга.

3. Активные культурные новаторы открыты к новым формам культурного опыта, интересуются актуальными трендами, готовы пробовать новое и экспериментировать.

Обобщая выделенные типы, можно зафиксировать ряд противоречий, характеризующих современного белорусского потребителя. Белорусы активно используют мобильные приложения и онлайн-покупки, но при этом крайне консервативны в сберегательных стратегиях, предпочитая наличные и отказываясь от инвестиций. Также белорусские потребители, с одной стороны, демонстрируют высокую рациональность, с другой — покупку эмоционально значимых категорий. При негативном отношении к заемным средствам в принципе белорусы активно приобретают дорогостоящие товары с использованием рассрочки платежа.

Заключение. Предложенная классификация типов потребительского поведения белорусских потребителей демонстрирует сложную, многомерную структуру, которая не может быть сведена к одному-двум основаниям. Выделенные типы сосуществуют и взаимодействуют в общем социально-экономическом пространстве.

Динамичность потребительского поведения требует постоянного мониторинга и уточнения типологий. Особого внимания заслуживает молодежная когорта, чьи формирующиеся паттерны поведения будут определять облик потребительского рынка в среднесрочной перспективе.

Полученные результаты имеют не только теоретическое значение для экономической науки и социологии, но и практическую ценность для разработки дифференцированных маркетинговых стратегий, адаптированных к потребностям различных типов потребителей.

Список цитируемых источников

1. Семёнова, А. В. Типологический подход к потребительскому поведению в социологической науке / А. В. Семёнова // Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1 : Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. — 2021. — № 2. — С. 127—135.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. — Мн., 2003—2026. — URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/252/3s06v2x23rywvtc6jfgseakg7qorkl8.pdf> (дата обращения: 15.03.2026.)
3. Что могут рассказать о нас траты и накопления? Маркетологи Беларусбанка выяснили это // БелТА. — URL: <https://belta.by/special/society/view/chto-mogut-rasskazat-o-nas-traty-i-nakoplenija-marketologi-belarusbanka-vyjasnili-eto-749093-2025/> (дата обращения: 15.03.2026.)
4. На что тратят и на чем экономят белорусы? // Альфа-Банк. — URL : <https://www.alfabank.by/about/articles/main/alfa-satio-statistics/> (дата обращения: 15.03.2026.)
5. Красота, рестораны, путешествия: как изменились потребительские привычки белорусов // Myfin.by. — URL: <https://myfin.by/article/banki/krasota-restorany-putesestvia-kak-izmenilis-potrebitelskie-privycki-belorusov-35257> (дата обращения: 15.03.2026.)
6. Кузавко, А. С. О межгосударственной интеграции как факторе влияния на предпочтения потребителей в российско-белорусском приграничье / А. С. Кузавко // Регион: экономика и социология. — 2025. — № 4. — С. 201—225.
7. Ценностные приоритеты белорусов: ориентация на мир и «дабрабыт» // Белорусский институт стратегических исследований. — URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/cennostnye-prioritety-belorusov-orientaciya-na-mir-i-dabrabyt> (дата обращения: 15.03.2026.)

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 338.24

С. Ф. Куган, доктор экономических наук, профессорУчреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»,
ул. П. Бровки, 6, 220013 Минск, Республика Беларусь, sfkugan@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЛОГИСТИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

Экономическая безопасность является базовым вопросом существования и развития страны. В условиях неуклонной цифровизации всех сфер экономики одним из важных моментов остается эффективность процесса минимизации негативных последствий материализации рисков, связанных с цифровой трансформацией той или иной сферы деятельности общества. Важным связующим звеном экономической системы любой страны является логистика, которая сегодня в условиях цифровой трансформации реализует эффективное движение товаров и услуг, организуя бесперебойную работу всех секторов экономики. Цифровизация логистических процессов, в свою очередь, способствует увеличению скорости и точности их реализации, работая в том числе на потенциал страны, что является ключевым элементом экономической стабильности, а значит, безопасности. При этом важным вопросом экономической безопасности остается управление рисками, вероятность материализации которых в условиях цифровой трансформации экономики увеличивается в разы.

Ключевые слова: логистика; управление рисками; цифровая трансформация; цифровизация; экономическая безопасность.

Рис. 3. Библиогр.: 5 назв.

S. F. Kuhan, Doctor of Economics, ProfessorInstitution of Education "Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics",
6 P. Brovka Str., 220013 Minsk, the Republic of Belarus, sfkugan@mail.ru

THE IMPACT OF LOGISTICS DIGITALIZATION ON THE ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY

Economic security is fundamental to a country's existence and development. In the context of the steady digitalization of all sectors of the economy, effectively minimizing the negative consequences of the materialization of risks associated with the digital transformation of any area of society remains a crucial aspect. Logistics is a vital link in the economic system of any country, which today, in the context of digital transformation, implements the efficient flow of goods and services, ensuring the smooth operation of all sectors of the economy. Digitalization of logistics processes, in turn, facilitates to increase speed and accuracy of implementation, leveraging the country's potential, which is a key element of economic stability and, therefore, security. At the same time, risk management, the likelihood of which materializing exponentially in the context of digital transformation, remains a crucial issue of economic security.

Key words: logistics; risk management; digital transformation; digitalization; economic security.

Fig. 3. Ref.: 5 titles.

Введение. Говоря о гибкости современной логистики, необходимо отметить, что именно это ее свойство позволяет формировать комплексную защиту государства от негативного влияния на экономику в виде санкций. Логистика также напрямую взаимодействует с другими аспектами экономической безопасности, такими как финансовая безопасность (через управление потоками средств) и физическая безопасность (через защиту цепочек поставок). Поэтому для любого государства важнейшими задачами остаются создание благоприятных условий для бизнеса, контроль за рынком, минимизация экономических рисков и их последствий. Те государственные программы, которые были реализованы и реализуются в нашей стране в сфере логистики, направлены на снижение вероятности наступления рискованных ситуаций, что напрямую влияет на конкурентоспособность национальной экономики, обеспечивая экономическую безопасность государства.

Материалы и методы исследования. Целью всех используемых в логистике управленческих инструментов было стремление получить максимальную степень результативности, используя минимум средств. Из всего многообразия инструментария методологии, применяемого в исследованиях логистической деятельности, выделяются методы системного анализа, кибернетического подхода, экономико-математического моделирования, применяемые в теории и методологии логистики, а также в решении практических задач в подсистемах логистики. Постепенно изучение логистической деятельности выходит за рамки предприятия, внимание исследователей привлекают вопросы развития логистических систем предприятий, отраслей, регионов, государств. Подобные масштабы предполагают использование современных технологий как дополнительных возможностей, выводя на первый план изучение вопросов оптимизации и цифровой трансформации логистической деятельности, а также снижение рисков, связанных с ее осуществлением.

Если посмотреть статистику, то в 2024 году Республика Беларусь увеличила «экспорт транспортных услуг на 19,6 % (относительно 2023 года), что составило 4,5 млрд долларов США. По видам транспорта увеличение составило: автомобильный — 112,4 %, железнодорожный — 133,8 %, воздушный — 113,4 %» [1]. Оптимизация логистической деятельности позволила увеличить объем контейнерных перевозок по железной дороге в направлении Китай — Беларусь — Китай на 44,3 % от уровня 2023 года. И это результат не только радикальной перестройки логистики, но и целенаправленной работы по повышению конкурентоспособности отрасли, технической модернизации и социальной ориентированности.

Конкурентоспособность логистики базируется в том числе на тех технологических возможностях, которые предоставляет цифровизация или, как принято сейчас говорить, цифровая трансформация. Этот процесс включает в себя применение цифровых методов производства, использование облачных технологий, анализ больших данных, использование искусственного интеллекта, технологии блокчейна и пр. Используя цифровые инструменты, предприятия, работающие в логистической сфере, легко могут проводить анализ различных данных для выявления слабых и сильных сторон своей деятельности, своевременно корректируя планы и управленческие решения.

Если рассматривать цифровизацию через призму ее функционала, то первой рассматриваемой функцией будет автоматизация процессов. Автоматизация рутинных задач, сбор, обработка и подготовка в нужном формате данных позволяет сделать управление логистическими потоками более мобильным и оперативным, ускоряя выполнения задач, повышая точность и качество работы. Внедрение программного обеспечения и автоматизированного оборудования для оптимизации логистических процессов предполагает использование ряда технологий, без которых невозможно представить современную логистику: системы управления складом (WMS), радиочастотная идентификация (RFID), штрихкодирование, системы управления транспортом (TMS), GPS-трекинг и роботизированные системы. Их использование делает возможным оптимизацию маршрутов, эффективное управление запасами, мониторинг движения грузов в режиме реального времени.

Цифровизация в процессе реализации своей второй функции формирует и направляет инновационное развитие логистической сферы, открывая новые возможности для разработки и внедрения инновационных продуктов и услуг. Инновационные технологии включают использование искусственного интеллекта для оптимизации маршрутов и прогнозирования спроса, разработку и применение робототехники для автоматизации складских работ и др. С помощью технологий больших данных стало возможным анализировать потребительские предпочтения, прогнозировать тенденции на рынке и разрабатывать продукты, которые точно соответствуют запросам клиентов. Создание современных умных систем управления позволяет адаптировать логистическую деятельность под изменения в реальном времени.

Эффективная работа с клиентами и заказчиками реализуется через третью функцию цифровизации — улучшение взаимодействия. Выстраивание новых алгоритмов взаимодействия с клиентами, партнерами и другими участниками логистической деятельности

реализуется через всевозможные онлайн-платформы, мобильные приложения, чаты и другие цифровые средства связи. Такая форма взаимодействия делает процесс коммуницирования быстрым, доступным и персонализированным, увеличивает лояльность клиентов и способствует росту бизнеса.

Четвертой функцией цифровизации является оптимизация ресурсов (информационных, финансовых, человеческих) посредством использования программных решений, позволяющих управлять запасами, персоналом, финансами. Реализация функционала цифровизации в логистике позволяет решить базовую задачу экономики — повысить эффективность всех аспектов деятельности, снижая затраты и ускоряя выполнение поставленных задач [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение влияния цифровизации с позиции реализации ею рассмотренных функций позволяет сделать вывод, что недостаточная цифровизация может снизить конкурентоспособность национальной логистической отрасли на мировом рынке.

Однако, говоря о преимуществах цифровой трансформации любой сферы экономики, нельзя забывать и о ее недостатках. Для достижения максимальной выгоды от цифровой трансформации необходимо учитывать все аспекты этого процесса, включая как возможности для улучшения эффективности и конкурентоспособности, так и риски, такие как высокая стоимость внедрения, проблемы с безопасностью и возможная потеря рабочих мест. Успех цифровизации зависит от того, как грамотно будет проведен процесс внедрения технологий и адаптации сотрудников, а также от того, насколько организации будут готовы справиться с возникающими вызовами. Для обеспечения безопасности необходимы комплексные меры по защите критической инфраструктуры, развитию отечественного программного обеспечения и подготовке квалифицированных кадров.

В связи с этим необходимо уделить достаточное внимание вопросам информационной безопасности, от которой напрямую зависит и экономическая безопасность как логистической сферы, так и страны в целом.

В логистической деятельности основными рисками цифровизации являются риски, представленные на рисунке 1.

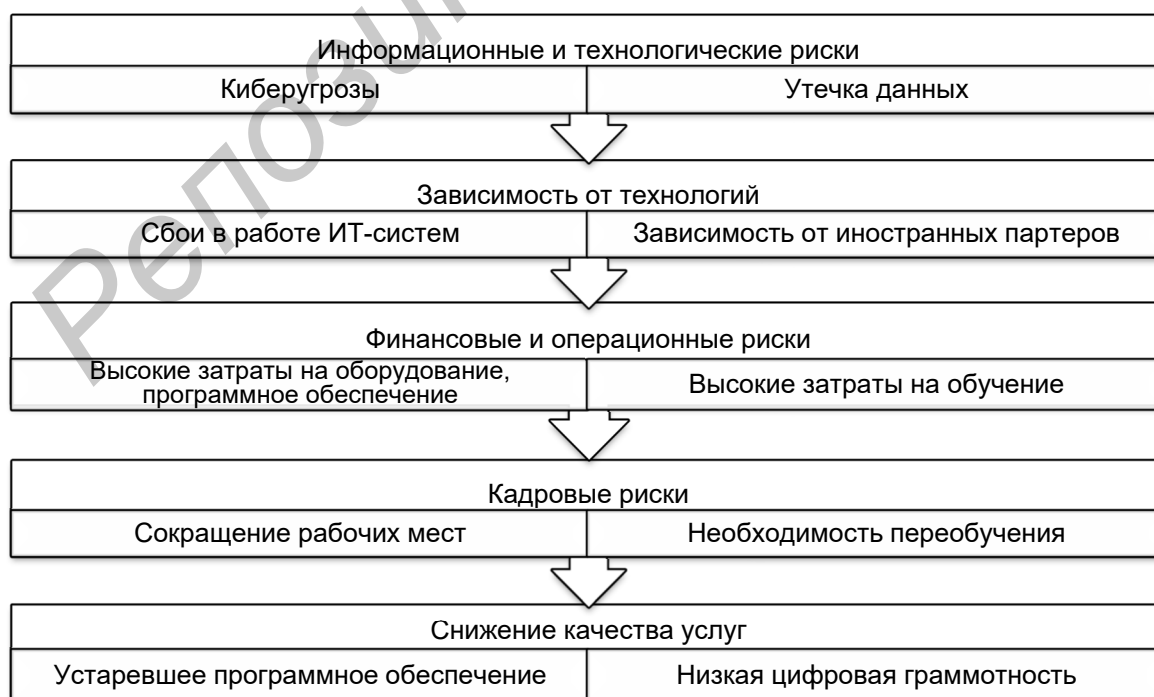

Рисунок 1. — Основные цифровые риски в логистической деятельности

В группе «Информационные и технологические риски» наибольшую угрозу представляет несанкционированный доступ третьих лиц, реализуемый в виде киберугроз (взлом, вирусы, кражи данных) и утечки данных (утечка конфиденциальной информации при росте трафика данных).

В группе «Зависимость от технологий» требует особого внимания риск «сбои в работе ИТ-систем и оборудования». Материализация данного риска может привести к остановке бизнес-процессов организации. При геополитических изменениях (санкции) возрастает риск уязвимости логистических процессов из-за зависимости от зарубежного программного обеспечения и оборудования.

Говоря о финансовых и операционных рисках, важно понимать, что основную проблему составляют затраты, значительно превышающие запланированные. И если фактические затраты по внедрению чаще всего не на много превышают плановые, то риски, связанные с интеграцией различных программных продуктов, подготовленных разными разработчиками, могут не только превысить «лимит», но и привести к снижению эффективности проектного решения.

Риски роста суммы затрат на внедрение цифровых систем основаны на увеличении инвестиций как в программное обеспечение и его сопровождение, так и в само оборудование. В связи с этим руководство организации должно тщательно изучить рынок, выявить альтернативные варианты инвестирования и только потом принимать итоговое решение. К этой группе рисков представляется возможным отнести и затраты, связанные с переобучением сотрудников либо наймом новых специалистов.

Кадровые риски, относящиеся к социальным, связаны с активной автоматизацией и роботизацией рутинных процессов, что приводит в перспективе к потере рабочих мест в связи с сокращением штата сотрудников. В ситуации переобучения сотрудники могут крайне негативно относиться к необходимости освоения новых инструментов и технологий.

Внедрение новых цифровых технологий также несет в себе определенные риски, которые могут проявляться в неэффективности самого внедрения, низкой цифровой грамотности сотрудников и зависимости от существующего, но устаревшего программного обеспечения. И если в первой ситуации путем подбора (хоть это и затратно) можно найти цифровые решения, наиболее подходящие для организации, то недостаточный уровень цифровых навыков у сотрудников сведет на нет все усилия по подбору эффективного решения. Зависимость же от устаревшего программного обеспечения может привести не только к скрытому саботажу со стороны работников, но и к высоким затратам по причине постоянного обновления либо низкой совместимости с другими системами.

Рассмотренные группы рисков в конкретной бизнес-ситуации могут быть расширены в зависимости от целей и решаемых конкретной организацией задач. Состав идентифицируемых рисков также постоянно меняется, как и меняется философия бизнеса, ведь теперь для взаимодействия клиентов и логистических операторов не нужны многие управленческие механизмы, достаточно цифровой платформы, использование которой значительно сокращает для клиента стоимость перевозок, ускоряя ее реализацию [3].

В настоящее время управление рисками предполагает использование современных технологий для проактивного выявления и минимизации негативных последствий для бизнеса. Использование таких технологий позволяет снизить неопределенность, повысить полезность инноваций и снизить цену достижения целей.

Динамичность мирового рынка оказывает значительное влияние на процессы управления рисками, что требует системного подхода, включающего не только идентификацию и оценку рисков, но и постоянный мониторинг правовых, технологических и рыночных изменений в глобальном контексте.

Управление рисками в логистике, как правило, представляет собой комплексную систему мероприятий, направленных на автоматизацию процесса управления, дополняемого используемыми в организациях цифровыми технологиями [4].

Предлагаемая модель взаимодействия структурных блоков процесса управления рисками позволяет реализовать проактивный подход и произвести оценку потенциальных рисков при осуществлении логистической деятельности (рисунок 2).

Каждый из представленных на рисунке 2 блоков содержит свой набор элементов, состав которых может расширяться исходя из текущей ситуации. Детализация части модели взаимодействия элементов структурных блоков процесса управления рисками представлена на рисунке 3.

Взаимосвязь элементов блоков выстраивается исходя из предпочтений руководства или целесообразности их связи при реализации конкретной логистической деятельности. При этом реализация представленной модели, применяемой при управлении рисками, возможна при использовании следующих цифровых технологий:

- 1) блокчейн;
- 2) гибридные решения, совмещающие блокчейн с традиционными базами данных;
- 3) консорциумы (например, патентные пулы или отраслевые альянсы, как в фармацевтике или ИТ).

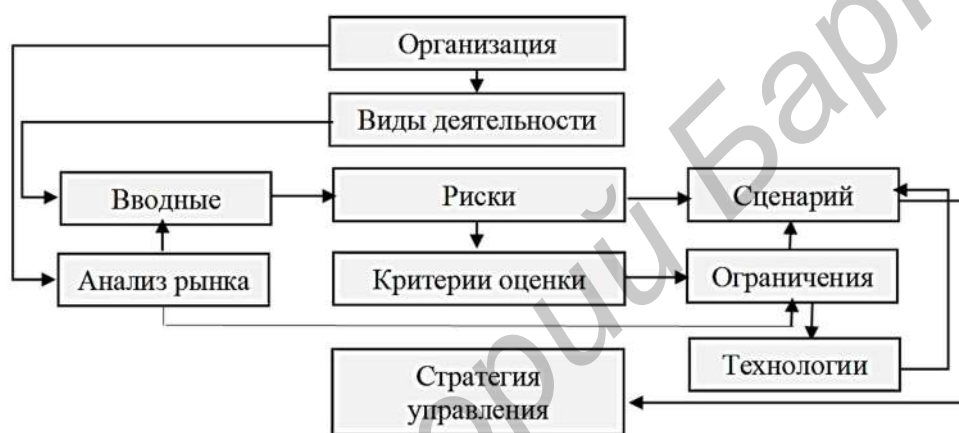

Рисунок 2. — Модель взаимодействия структурных блоков процесса управления рисками

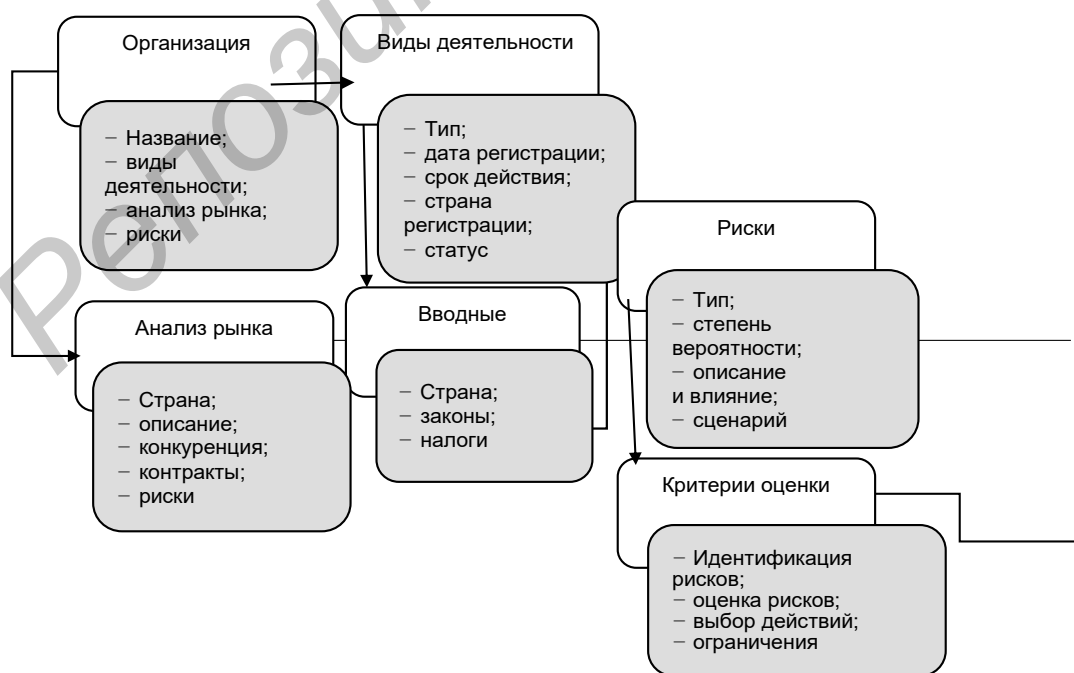

Рисунок 3. — Графическое представление части модели взаимодействия элементов структурных блоков процесса управления рисками

В качестве критериев при выборе нужной сети можно использовать следующие:

- производительность и масштабируемость. Публичные сети с низкой пропускной способностью (например, Bitcoin) не подходят для корпоративного использования из-за медленных транзакций и высоких комиссий;
- конфиденциальность. Открытые публичные сети (например, Ethereum) не обеспечивают достаточной конфиденциальности для коммерческих данных, что исключает их использование для внутренних процессов компаний;
- регуляторные требования. Сети, не соответствующие международным стандартам (например, ISO/TC 307), автоматически исключаются из рассмотрения для транснациональных проектов;
- стоимость внедрения. Сети с высокими затратами на поддержание инфраструктуры нецелесообразны для большинства организаций.

Заключение. Использование указанного подхода обеспечивает прозрачность и взаимосвязанность всех процессов по реализации логистической деятельности в организации. При этом использование технологии блокчейн дает участникам сети доступ к единой, защищенной от изменений записи о транзакциях, что обеспечивает безопасное и надежное хранение данных, что позволяет улучшить взаимодействие как подразделений, так и партнеров организации, сократить время на принятие управленческих решений.

Основным преимуществом цифровой трансформации в логистике остается существенная экономия на транзакционных издержках в сравнении с традиционной экономикой, так как большинство процессов логистической деятельности виртуализируются и автоматизируются.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что экономическая безопасность в любой сфере экономики базируется не только на своевременных управленческих решениях, но и используемых при их принятии технологических инструментах, делающих данные решения эффективными.

Список цитируемых источников

1. Белоруссия увеличила экспорт транспортных услуг в 2024 году почти на 20% // РЖД партнер.ру. — URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/belorussiya-uvelichila-eksport-transportnykh-uslug-v-2024-godu-pochti-na-20/#:~:text=%> (дата обращения: 24.11.2025).
2. What is Digital Transformation? // Sphere Agency. — URL: <https://sphereagency.com/articles/what-is-digital-transformation> (date of access: 15.11.2025).
3. Куган, С. Ф. Цифровизация логистической деятельности / С. Ф. Куган, М. П. Мишкова // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. — Мн. : Колорград, 2024. — Вып. 17. — С. 175—180.
4. Безуглая, В. А. Блокчейн как инструмент трансформации процесса оценки объектов интеллектуальной собственности / В. А. Безуглая, С. Ф. Куган // Цифровая трансформация. — 2025. — Т. 31, № 2. — С. 69—76.
5. Васильева, Я. А. Управление рисками: классификация и методы управления / Я. А. Васильева // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 12 (89). — С. 106—110.

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 339.138

Р. А. Лизакова, кандидат экономических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, roza.gomel@yandex.by

СОПРЯЖЕННОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПАРАДИГМЫ РИСКОВ ПОКУПАТЕЛЯ ПРОЦЕССУ ТРАНСФОРМАЦИИ И УСЛОЖНЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье описывается генезис влияния ключевых блоков потребительских рисков на индивида применительно к реперным фазам социально-экономического развития общества потребления. Дается оценка структуры и динамики доминантных векторов рисков покупателя (физически-безопасностных, финансово-охранительных, информационно-дифференцирующих и поведенческо-достигаторских) в эпоху формирования базиса классического маркетинга, в период развития концепции маркетинга сетевого взаимодействия и на настоящем этапе функционирования развитого общества потребления — матрице постиндустриальной цифровой среды.

Ключевые слова: парадигма рисков покупателя; общество потребления; эпоха классического маркетинга; концепция маркетинга сетевого взаимодействия; постиндустриальная цифровая среда.

Рис. 1. Табл. 1. Библиогр.: 5 назв.

R. A. Lizakova, PhD in Economics, Associate Professor
Institution of Education "Baranavichy State University", 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, roza.gomel@yandex.by

THE CONNECTION OF THE DIVERSIFICATION OF THE BUYER RISK PARADIGM TO THE PROCESS OF TRANSFORMATION AND COMPLEXIFICATION OF CONSUMER SOCIETY

This article describes the genesis of the influence of key consumer risk clusters on an individual in relation to the benchmark phases of the socioeconomic development of consumer society. It assesses the structure and dynamics of dominant buyer risk vectors: physically safe; financially protective; information-differentiating and behavioral-exploitative, in the era of the formation of the basis of classical marketing; during the development of the network interaction marketing concept, and at the current stage of the developed consumer society — within the matrix of the post-industrial digital environment.

Key words: buyer risk paradigm; consumer society; classical marketing era; network marketing concept; post-industrial digital environment.

Fig. 1. Table 1. Ref.: 5 titles.

Введение. Еще К. Маркс выявлял тенденцию фетишизации товара, где обладание статусной вещью становится всеобъемлющей потребительской целью [1]. С началом XX века все большее количество потребителей начинает выходить за рамки базового пакета выживания. Закономерным научно-теоретическим итогом явилась разработка А. Маслоу своей знаменитой модели иерархии потребностей, детерминирующей генезис потребительского поведения в рамках уровней личной удовлетворенности [2]. Несколько позднее, но уже основываясь на большом массиве статистического материала, Жан Бодрийяр в своем труде «Общество потребления» выделял следующий тезис: «В современном мире индивиды уже более не соперничают друг с другом в обладании благами; они самореализуются в своем потреблении» [3]. Все более структурно определяющим в таком обществе становится тенденция, которую Торстейн Веблен определил как демонстративное потребление: «Использование потребления для доказательства обладания богатством, потребление как средство поддержания репутации» [4, с. 108]. Следовательно, можно сказать, что еще в XIX веке, а начиная с 50-х годов XX века более системно и повсеместно выделяли совокупность тех доми-

нантных признаков, которые детерминировали общество потребления как тип социума, где потребление перестает быть удовлетворением нужд и становится системой знаков, определяющих статус, отличие и даже счастье через накопление потребительских симуляторов — товаров, отсылающих архетипам демонстративного потребления титульных индивидов, а не к реальным потребностям.

В более ранней статье указывалось, что потребительские риски появились одновременно с возникновением рыночных отношений параллельно с обменом первыми товарами. Соответственно, чем больший массив товаров для обеспечения своей жизнедеятельности индивид не добывал или не производил сам, тем более дифференцировалась совокупность принимаемых им потребительских рисков [5, с. 58]. В процессе укрепления и синтезирования в производственную систему дифференцированных социально-экономических и законодательно-контрольных институтов потребитель поэтапно, а главное экспонентно и добровольно делегировал доминирующий массив своих когнитивно-оградительных функций, детерминирующих формирование и контроль критически базово-безопасностной потребительской корзины, сторонним агрегаторам. В дальнейшем уже обоснованно количественно и качественно экспоненциально возрастающая и усложняющаяся система социально-хозяйственных отношений в рамках всей хозяйственной цепочки «производство—потребление», а также кратное увеличение и особенно техническое усложнение базового потребительского пакета детерминировала диверсификацию парадигмы рисков покупателя.

Материалы и методы исследования. Краеугольную основу исследования составляют методы сравнительного и критического анализа, а также методы эмпирических аналогий и аккумуляирования факторных групп. Обобщение выводов ученых в ходе метода научного познания теоретических источников и синтезирование выявленных векторных трансформаций современного потребительского рынка, особенно применительно к цифровой надстройке, детерминируют доминанты диверсификации парадигмы рисков покупателя.

Результаты исследования и их обсуждение. В развитых промышленных странах данный качественный переход в системе «производство—потребление» начался в 1950-х годах и ознаменовался эпохой развития классического маркетинга с параллельным смещением акцента рыночного диктата с производителя на потребителя. Но именно в данный социально-экономический период, когда, с одной стороны, рыночная значимость массива потребителей и даже удельная важность индивидуальных предпочтений покупателя возрастает, с другой стороны, по мнению авторов статьи, был детерминирован векторный импульс парадигмы диверсификации потребительских рисков. Последующей реперной точкой трансформации рисков покупателя, по мнению авторов, является этап развития концепции сетевого маркетингового взаимодействия, обусловленный повсеместным проникновением интерактивных средств коммуникации на рубеже 2000-х годов во все эшелоны управления бизнесом, формируя качественно новый уровень социально-хозяйственных взаимодействий. В дальнейшем именно повсеместное развитие и внедрение интерактивных технологий обусловили текущий окончательный переход доминирующего массива коммуникаций в системе «производитель—потребитель», а в настоящее время уже также и сопутствующие категории, такие как финансы и государственные институты, в цифровую среду.

Несомненно, несмотря на огромный массив технических новинок и дифференциацию прежде сегментно-элитарных товаров на более широкие слои покупателей, многие товары сохранили свою привычную форму и даже содержание, однако структура рисков покупателя трансформировалась параллельно этапам общественно-хозяйственного развития институтов нашего социума по всей плоскости аспектов корзины потребления. Именно поэтому применительно к трем выделенным ключевым фазам социально-экономического развития общества потребления в статье предлагается проанализировать основные аспекты генезиса факторов, формирующих характер и окружение доминирующих рисков покупателя. Оценку

предлагается провести в разрезе четырех доминирующих факторных групп потребительских рисков, ранее выделенных в предыдущей статье, данного цикла: физически-безопасностные, финансово-охранительные, информационно-дифференцирующие, поведенческо-достигаторские [5, с. 58]. Результирующую совокупность систематизированных данных предлагается представить в виде таблицы (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Генезис влияния ключевых фаз социально-экономического развития общества потребления применительно к доминирующим блокам рисков покупателя

Потребительские риски	Ключевые фазы социально-экономического развития		
	1950-е годы. Эпоха классического маркетинга	Рубеж 2000-х годов. Развитие концепций сетевого взаимодействия	Настоящее время. Постиндустриальная цифровая среда
<i>Физически-безопасностные</i>	Денатурализация и специализация макроэкономики, экспоненциальная дифференциация потребительской корзины	Нарастающая удельная минимизация знаний покупателя о физической сущности приобретаемых товаров с параллельным ростом объемов потребления	Абсолютное сознательное делегирование потребителем комплекса рисков безопасности социальным институтам, абстрагирование от знаний и ответственности
<i>Финансово-охранительные</i>	Детерминирование безопасностно-компетентностного эмоционального сопряжения репутации финансовых институтов	Массовая переконцентрация массива респондентов с традиционной сферы офлайн-взаимодействий в поле интерактивных онлайн-коммуникаций	Гиперпрогрессивная диверсификация финансово-цифровых рисков, опережающих когнитивно-ментальный базис части потребителей
<i>Информационно-дифференцирующие</i>	Наработка научных практико-ориентированных массивов знаний о явных и особенно скрытых мотивах покупателей	Концентрирование вектора маркетинговых усилий и финансов с классических инструментов продвижения продуктов в интерактивно-цифровую среду	Перенасыщение интерактивно-таргетированного массива и целевая косвенная субъективизация цифровой среды
<i>Поведенческо-достигаторские</i>	Активизация формирования массово-стратифицированных первичных поведенческо-потребительских архетипов	Активное интегрирование социально-поведенческих норм делегирования стандартов оценки и выбора коммуникационно-доминирующим субъектам	Синтезирование сопряженной созависимости когнитивных инвариантов инфлюенсеров в массовый цифровой контент

Примечание — Источник: собственная разработка автора.

Таким образом, описание ключевых аспектов генезиса ключевых фаз социально-экономического развития общества потребления, представленных в таблице 1, применительно к выделенным доминирующим блокам потребительских рисков, детерминируют следующие доминантно-дискретные парадигмы трансформации рисков покупателя. Так, физически-безопасностные риски перестали быть потребительским приоритетом, рыночные механизмы обеспечили перманентную доступность первичных ресурсов для выживания, а институционально-регулятивные нормы детерминировали предельно-базовую безопасность стандартов промышленного кластера и сервисных стандартов. При этом превалирование зависимости индивида, как абстрагированной единицы потребления, стремится к абсолютной зависимости от непрерывности и эффективности функционирования системы социально-хозяйственных институтов. Более того, потребитель начинает сознательно избегать когнитивных усилий в процесс потребления, не только перманентно делегируя общественным институтам риски безопасности, но и перекладывая на социум весь комплекс потенциальной ответственности за свое иррациональное потребление. Данная тенденция равносильно и дифференцированно актуализировалась в широком макроэкономическом спектре, например, как на закредитованности домохозяйств или разбалансированности рынка труда, так и на сегментной интенсификации нагрузки на сектор здравоохранения.

Генезис финансово-охранительных рисков аккумулировал в себе дихотомию векторного развития двух доминантных социально-технологических тенденций: системное формирование перманентного потребительского доверия к административно-финансовым институтам, прогрессивно дифференцированный удаленный доступ к интерактивным потребительским базам данных и каналам коммуникации неправовых сторонних контрагентов, активизирующих у граждан ранее детерминированные когнитивные инварианты коммуникаций с представителями органов управления и регулирования. Сегментно наиболее уязвимой оказалась группа возрастных граждан с минимальной цифровой грамотностью и максимальной степенью встречной активно-действенной лояльности внешним институциональным сигналам, но сверхдинамичная адаптивно-ситуационная алгоритмизация мошеннических скриптов эффективно воздействует на маркеры пенияфобии, бюрофобии, астигматофобии и в особенности карцерофобии даже у молодых людей 2000-х г. р., которые с самого детства были интегрированы в цифровую среду.

Диверсификация блока информационно-дифференцирующих рисков перманентно детерминирована накоплением широчайшего массива эмпирической информации о психолого-поведенческих реакциях потребителей. Развитие средств коммуникации и прямого взаимодействия производителя с потребителем позволило дифференцированно донести векторные информационные маркеры до все более широкой выборки целевых покупателей. При этом только синтезировавшиеся в потребительском опыте социально-коммуникационные навыки и принципы критического реагирования на рекламные импульсы были нивелированы и растворены в избыточном псевдообъективном интерактивно-информационном массиве, формирующем иллюзию самостоятельного когнитивного поисково-выборного процесса. Рандомно интегрированные, но изначально системные заказные статьи, не маркированные рекламной меткой, аффилированные СМИ, скрытая реклама брендов, возмездное продвижение в поиске монетизируемых информационных ресурсов, экспоненциально нарастающая индустрия составления целевого массива, как копирайтерско-заказных, так и сформированных искусственным интеллектом платных отзывов о продукции, искусственно и упреждающе, а главное — векторно-ориентированно, объективизирующих понимание, оценку и выбор индивида.

Парадигма поведенческо-достигаторской группы рисков покупателя доминантно прочерчена приоритетной задачей международного промышленно-торгового кластера в рамках векторно-концентрированных усилий по минимизации потребительской субъектности. Аккумулированные и выверенные десятилетиями кейсы практического маркетинга системно и отрасле-ориентированно детерминируют и дискретно продвигают идеализируемые модели как персонифицированного, так и социально стратифицируемого ролевого потребления. При

этом развитие цифровых технологий и к настоящему моменту уже массово неврологическое интегрирование в повседневно-бытовые процессы индивида интерактивного контента максимально приблизили к потенциальному покупателю синтезированные и продвигаемые, как максимизируемые поведенческо-достигаторские, так и повсеместно-бытовые, социально-фоновые ролевые модели потребительского сопряжения.

На основе вышеизложенной совокупности данных предлагается аккумулировать и представить текущие доминирующе-образующие тенденции генезиса парадигмы рисков покупателя в развитом обществе потребления (рисунок 1).

Как показано на рисунке 1, выделенные выше ключевые фазы генезиса парадигмы рисков покупателя в развитом обществе потребления будут формировать упорядоченную совокупность признаков отклоняющегося поведения или процессов, где взаимодействие между маркерами порождает новые эффекты, не сводимые к сумме отдельных элементов. Такой эффект и аккумулируется в системно-синергетический пул девиантных маркеров, детерминирующих выборочный процесс современного потребителя. Именно на ликвидацию обозначенной совокупности негативных тенденций предлагается ориентировать нижеизложенные векторные направления нивелирования диверсификации рисков покупателя в цифровой среде общества потребления.

Регулятивно-предписательный сегмент, с одной стороны, регламентирует требования к методам производства, составу, качеству, свойствам, характеристикам и условиям потребления продукции, а также всем элементам ее товарного окружения для промышленно-торговых организаций, с другой — формирует лимиты и содержание комплекса предельно допустимых институциональных маркеров, детерминирующих уровень когнитивно-поведенческой возможной приемлемости выбора индивида, сопряженного с должным осознанием всей совокупности факторов потенциальных персонифицированных и социальных рисков. При этом можно предположить, что ограждение современного покупателя от диверсифицирующих потребительских рисков исключительно дополнительными законодательными запретами и предписаниями, еще более нормирующими производство и процесс реализации товаров и услуг или ограничивающими рамки индивидуального потребительского выбора, не будут способствовать ни конкурентному макроэкономическому развитию, ни снижению степени деструктивной инфантилизации потребителя, как современного эффективного и ответственного гражданина своей страны.

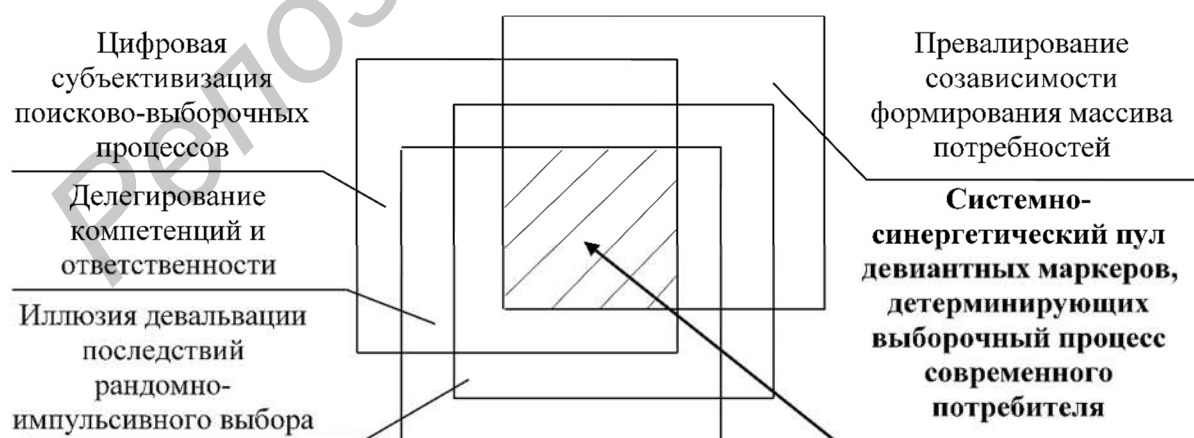

Рисунок 1. — Доминирующе-образующие тенденции генезиса парадигмы рисков покупателя в развитом обществе потребления

Примечание — Источник: собственная разработка автора.

Дискретно-просветительский кластер ориентирован на формирование фундаментально-образовательного базиса в рамках доминантных направлений критического сопряжения индивида с современными реалиями процесса потребления. Приоритетно детерминированы будут направления: физиология и здоровье (акцентированно к описательному составу и балансу потребляемых продуктов питания); основы цифровой грамотности (применительно к потребительски-повсеместным электронным транзакциям и интерактивным формам взаимодействия с социумом в рамках всеобщего интегрирования в цифровую среду); базисные взаимные права и обязанности в системе «продавец—покупатель».

Интерактивно-безопасностный вектор мероприятий аккумулирует минимально-критический массив знаний и компетенций гражданина и потребителя в рамках предупреждения и минимизации его рисков и последствий коммуникаций в интерактивно-цифровом поле. Потребительская дифференциация зарплатно-накопительных и интерактивно привязанных к маркетплейсам платежных карт, градирование аффилированных с личным интерактивным профилем и цифровой подписью индивида e-mail и паролей и открытых почтовых ящиков для коммерческих или рабочих рассылок, правила хранения, цифровизации, делегирования, а главное — вариантов сторонней монетизации личных данных, паролей, кодовых фраз, кодов оповещения, SVC/СVV-кодов, ЭЦП физического/юридического лица и пр.

Коммуникационно-санитарный блок детерминирует синтезирование у современного потребителя призму критического мышления и алгоритмов оценки цифрового контента; позиционирование индивида как компетентностно-достаточной личности, а не созависимопосредованной маркетинговой покупательской функции. Так, сегодня индивиду уже недостаточно базового понимания классических рекламных методов и даже манипуляций или последствий от коммуникации с сомнительными, а тем более запрещенными интерактивными ресурсами, требуется ментальное принятие новых информационно-цифровых реалий, противоречащих складывающейся веками традиционной системе верифицированных личных коммуникаций, ведь приложение когнитивно-поисковых усилий и экспертных мнений в цифровой среде уже не тождественно объективности данных.

Заключение. Как общая, так и дискретная совокупность предлагаемых авторами вышеуказанных направлений снижения рисков покупателя в современном социуме не детерминированы абстрагированными рамками выделенных блоков. Более того, без взаимной увязки и межгруппового синергетического дополнения невозможно будет не только достичь поставленных задач, но даже прописать и оформить сбалансированный системный пакет мероприятий. В текущих реалиях формирование у индивида и последующая актуализация фундаментально-образовательного базиса должны быть адаптивно синтезированы и дополнены практикой и методологией цифровых реалий. Сегодняшний покупатель в процессе своего диверсифицированного и укрупненного потребления (как индивидуально, так и социально) должен фундаментально знать, понимать и уметь применять больше методик, навыков, практик и защитных алгоритмов, чем 25, а тем более 70 лет назад.

Резюмируя вышеизложенное, авторы отдельно отмечают, что безопасность человека и его объективная информированность приоритетны, но также они должны быть прогрессивно соразмерны текущему уровню производственно-экономических отношений, объему и характеру потребляемого обществом массива благ. Невозврат каждого индивида к натуральному хозяйству и минимизации потребления любых потенциально опасных продуктов, а формирование образованного, лично и социально ответственного во всех сферах за свой осознанный выбор, конкурентного гражданина и покупателя, должно являться приоритетно-системной межинституциональной и даже межгосударственной задачей.

Список цитируемых источников

1. *Маркс, К.* Капитал. Том 1. Глава 4 : Товарный фетишизм и его тайна / К. Маркс // LiveLib. — URL: <https://www.livelib.ru/book/102659/read-kapital-kritika-politicheskoy-ekonomii-tom-1-karl-marks/~2> (дата обращения: 12.02.2026).
2. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу // Литрес. — URL: <https://www.litres.ru/book/abraham-maslou/motivaciya-i-lichnost-12135595/chitat-onlayn/> (дата обращения: 07.11.2025).
3. *Бодрийяр, Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской // Яндекс Книги. — URL: <https://books.yandex.ru/reader/NAI122ti?resource=book> (дата обращения: 08.12.2025).
4. *Веблен, Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен ; под ред. И. Гревса. — М. : Прогресс, 1984. — 260 с.
5. *Лизакова, Р. А.* Генезис потребительских рисков и нивелирование степени их воздействия в пост-индустриально-цифровой среде / Р. А. Лизакова // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2025. — № 1 (17). — С. 56—61.

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 331.5:346.26:349.2

Н. Н. Морозова¹, кандидат экономических наук, доцент,
К. В. Пилецкий²

Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь,
¹morozova7373@mail.ru, ²pravo@economics.basnet.by

ДИСТАНЦИОННАЯ И ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ В БЕЛАРУСИ: ДИСКУССИОННЫЙ АСПЕКТ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследуются правовые и экономические аспекты дистанционной и платформенной занятости в Республике Беларусь, дискуссионные вопросы правового статуса исполнителей, работающих через цифровые платформы. Обосновывается необходимость специального правового регулирования платформенной занятости в Республике Беларусь как инструмента обеспечения баланса интересов всех участников платформенной экономики. Авторы выделяют преимущества и слабые стороны платформенной занятости, сопровождая статистическими данными по Беларуси. Выявлены основные причины гендерного дисбаланса в отношении платформенной занятости. Сделан вывод о необходимости системной государственной политики, направленной на обеспечение социальных гарантий для занятых на цифровых платформах.

Ключевые слова: дистанционная занятость; платформенная занятость; рынок труда; цифровые платформы; трудовое законодательство.

Табл. 1. Библиогр.: 14 назв.

N. N. Morozova¹, PhD in Economics, Associate Professor,
K. V. Piletsky²

State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus",
1 Surganova Str., bldg. 2, 220072 Minsk, the Republic of Belarus, ¹morozova7373@mail.ru,
²pravo@economics.basnet.by

REMOTE AND PLATFORM EMPLOYMENT IN BELARUS: THE CONTROVERSIAL ASPECT AND FEATURES OF LEGAL REGULATION

This article examines the legal and economic aspects of remote and platform employment in the Republic of Belarus, as well as controversial issues of the legal status of providers working through digital platforms. It also substantiates the need for special legal regulation of platform employment in the Republic of Belarus as a tool for balancing the interests of all participants in the platform economy. The authors highlight the advantages and disadvantages of platform employment, citing statistical data for Belarus. The main causes of gender imbalances in platform employment are identified, and a conclusion is drawn regarding the need for a systemic state policy aimed at ensuring social guarantees for those employed on digital platforms.

Key words: remote employment; platform employment; labor market; digital platforms; labor legislation.

Table 1. Ref.: 14 titles.

Введение. Цифровая трансформация экономики, ускорившаяся в последнее десятилетие, привела к кардинальным изменениям в сфере труда. Традиционные модели занятости дополняются, а в ряде случаев замещаются новыми формами, среди которых особое место занимает дистанционная работа и платформенная занятость. Если первая получила законодательное закрепление в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее — ТК), то вторая находится на стадии осмысления и поиска оптимальных правовых форм регулирования.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами:

- стремительным ростом числа граждан, оказывающих услуги через цифровые платформы (агрегаторы такси, сервисы доставки, фриланс-биржи и др.);
- появлением новых социальных рисков, связанных с размыванием традиционных трудовых гарантий;

– необходимостью гармонизации белорусского законодательства с подходами, формируемыми в рамках ЕАЭС и СНГ.

К тому же цифровизация экономики привела к бурному развитию платформенной занятости, которая формирует новый сегмент рынка труда, требующий правового осмысления и регулирования. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере дистанционной и платформенной занятости в Республике Беларусь. Предметом исследования являются нормы трудового и гражданского законодательства Беларуси, проекты модельных законов СНГ, а также подходы к регулированию новых форм занятости. Проблематика дистанционной и платформенной занятости в белорусской экономической и юридической науках находится на этапе активного осмысления. Вопросы платформенной занятости, как нового сегмента рынка труда, рассматриваются в контексте трансформации рынка труда Г. В. Еремичевой [1], В. Н. Бобковым [2], Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцевым [3], А. А. Карпенко [4], Н. Н. Морозовой [5], Е. В. Мотиной, К. Л. Томашевским, Е. В. Чичиной [6], А. А. Стец [7]. и др. Вместе с тем комплексных исследований, посвященных системному анализу правового регулирования платформенной занятости в Беларуси с учетом международного опыта и интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и Союзного государства, недостаточно. Целью исследования является оценка современного состояния форм занятости с учетом процессов цифровизации в Беларуси и аспекты совершенствования нормативного правового регулирования для расширения экономических возможностей граждан на рынке труда.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужили научные публикации, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь (далее — Белстат), Министерства экономики Республики Беларусь, информационно-правового портала *ilex.by*. В ходе исследования использовались общенаучные методы: анализ и синтез (для обработки статистических данных и научной литературы), системный подход (для изучения взаимосвязи форм занятости).

Результаты исследования и их обсуждение. Появлению новой формы занятости — дистанционной работы — послужил рост использования средств современных технологий и коммуникаций в организации труда, приток на рынок труда нового «цифрового» поколения рабочей силы. В Беларуси дистанционные работники до внесения дополнений в ТК именовались работниками-надомниками, форма труда которых регулировалась главой 25 ТК. С 28 января 2020 года вступил в силу Закон Республики Беларусь от 18 июля 2019 года № 219-З «Об изменении законов», которым ТК дополнен главой 25¹ «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу». Согласно ст. 307¹ ТК, дистанционной работой считается труд, который работник «выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий» [8]. На дистанционных работников распространяются общие нормы ТК (продолжительность рабочего и времени отдыха, предоставление отпусков) с предоставлением социально-трудовых гарантий. В отличие от работников-надомников (выполняют работу по месту своего жительства вне помещений нанимателя), дистанционный работник может выполнять работу с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в любом месте. Иными словами, дистанционная работа может иметь место в случаях, когда трудовая функция работника предполагает самостоятельность в выполнении работы и возможность передавать результаты своего труда посредством использования ИКТ, в том числе глобальной компьютерной сети Интернет.

С учетом правоприменительной практики правовое регулирование института дистанционной занятости получило свое развитие. Ч. 2 ст. 307¹ ТК установила, что дистанционная работа может быть: постоянной; временной (непрерывно на срок до 6 месяцев в календарном году); комбинированной, предполагающей чередование работы по месту нахождения нанимателя и дистанционно. Комбинированная работа может быть постоянной или

временной. При этом у работника по месту нахождения нанимателя должно быть свое рабочее место. Посещение места нахождения нанимателя (например, офиса) время от времени не будет являться комбинированной работой.

В целом развитие гибких режимов труда и дистанционных форм занятости находится в ведении Правительства Республики Беларусь и является одним из ключевых направлений, ориентированных на нужды нанимателей, подпрограммы 1 «Рынок труда» Государственной программы «Сбалансированный рынок труда» на 2026—2030 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2025 года № 699.

Кроме того, в Беларуси ведется работа над проектом закона, комплексно регулирующего деятельность посреднических цифровых платформ [9], который призван установить основные положения правового регулирования отношений, связанных с появлением новой группы лиц — платформенных занятых, а также развитием платформ занятости, регламентировать порядок использования платформы занятости, регистрации платформенного занятого и заказчика, выплаты вознаграждения такому работнику, обеспечивая его социальные гарантии. В действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствует легальное определение платформенной занятости, лишь отдельные нормативные правовые акты содержат упоминания такой формы трудовой деятельности. В частности, форма государственного статистического наблюдения 4-т (занятость) «Анкета по изучению занятости населения», утвержденная постановлением Белстата от 14 октября 2022 года № 96, включает раздел о платформенной занятости, как деятельности по использованию цифровой платформы, «в том числе посредством мобильного приложения для телефона, планшета, для выполнения каких-либо работ, оказания услуг за денежное вознаграждение».

Развитие гибкого формата включения работников в рынок труда с использованием цифровой платформы, которая выступает в качестве посредника между поставщиками услуг или исполнителями и их клиентами, рассматривается Правительством Республики Беларусь как одно из направлений совершенствования условий осуществления предпринимательской деятельности и содержится в Государственной программе «Устойчивое предпринимательство» на 2026—2030 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2025 года № 739. Вместе с тем разрабатываемый проект закона должен предусматривать защиту прав всех участников платформенной занятости (работников, заказчиков услуг, операторов цифровых платформ) и коррелировать с нормами модельного закона СНГ «О платформенной занятости» [10]. Полагаем, принятие и реализация данного законодательного акта поможет выровнять существующие дисбалансы, повысить эффективность занятости и создать новые возможности для трудоустройства граждан Республики Беларусь.

Центральной дискуссией в сфере платформенной занятости является вопрос о правовом статусе исполнителя, оказывающего услуги через цифровую платформу. Традиционная дихотомия «работник — индивидуальный предприниматель» не охватывает всего многообразия возникающих отношений. С одной стороны, платформенные занятые обладают признаками независимости: они самостоятельно определяют режим работы, могут работать на нескольких платформах, несут риск неполучения заказа. С другой стороны, цифровые платформы осуществляют фактический контроль за деятельностью исполнителя через систему управления. Алгоритмы определяют распределение заказов, устанавливают правила их выполнения, формируют рейтинг исполнителя, который непосредственно влияет на уровень дохода.

Платформенная занятость порождает нетрадиционную трехстороннюю структуру отношений: исполнитель, потребитель (заказчик) и оператор цифровой платформы. Природа этих отношений остается дискуссионной вследствие того, является ли оператор платформы работодателем, информационным посредником, агентом или самостоятельным субъектом права. Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [11] определяет понятие информационного посредника, его

права и обязанности. Согласно ст. 39 указанного закона, информационный посредник обязан обеспечить предоставление информационных услуг обладателю и (или) пользователю информации, а распространять и (или) предоставлять информацию третьим лицам запрещено. Однако эта норма не учитывает специфику платформенной занятости, где оператор платформы не просто передает информацию, но и активно участвует в организации процесса оказания услуг (формирует рейтинги, устанавливает правила, осуществляет расчеты). Еще одним дискуссионным аспектом является вопрос о социальных гарантиях для платформенных занятых.

Платформенная занятость выступает важным направлением в развитии форм приложения труда, которая тесно связана с женским предпринимательством в Беларуси, причем эта связь имеет двойственный характер. С одной стороны, платформы открывают для женщин новые возможности для бизнеса, с другой — сама структура платформенной занятости остается преимущественно мужской. Несмотря на то, что в целом платформенная занятость в Беларуси представлена преимущественно мужчинами (63,4 %), в отдельных сегментах цифровых платформ ситуация противоположная, где женщины не только представлены, но и лидируют, — это цифровая торговля (маркетплейсы).

Эксперты Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь считают, что платформенная занятость — это новый сегмент нестандартной занятости, который включает деятельность физических лиц (платформенных занятых) по выполнению работ или оказанию услуг с использованием цифровых платформ, которая может выступать в качестве основной или дополнительной работы, увеличивая вариативность режимов труда. К преимуществам платформенной занятости относятся: 1) гибкость организации труда (свобода выбора рабочего графика и объема работы); 2) возможность работать из дома с неограниченным кругом заказчиков; 3) сочетание основной и дополнительной работы (подработка); 4) минимальные административные барьеры для начала трудовой деятельности; 5) отсутствие субординации и иерархических отношений с руководством или работодателем; 6) создание условий для занятости уязвимых групп населения, испытывающих трудности с поиском работы (молодежь, многодетные женщины) [12]. В то же время отмечаются и недостатки такой формы занятости: 1) отсутствие социальных гарантий, характерных для стандартной трудовой занятости; 2) неустойчивый размер заработной платы под влиянием колебаний спроса и цен на рынке, сезонность; 3) отсутствие юридической защиты (уязвимость самозанятых перед недобросовестными работодателями и заказчиками).

Платформенная занятость, безусловно, может выступать формой дополнительного дохода для работающих за пределами местного рынка труда и создавать новые рабочие места. Белстат впервые подсчитал количество трудящихся на платформенной (сбор данных о платформенной занятости будет проводиться ежегодно начиная с 2026 года) и дистанционной занятости. Дистанционно в стране работают 37 тыс. человек (менее 1,0 % от числа занятых в экономике), где мужчины и женщины представлены в равной степени. Кроме того, Белстат провел подсчет людей, использующих цифровые платформы для заработка. В Республике Беларусь около 24 тыс. человек (0,5 % от числа занятых в экономике) использовали цифровые платформы для поиска клиентов и выполнения заказов, в основном жители города — 93,0 %. По уровню образования 46,0 % имеют высшее образование, 23,9 % — среднее специальное, 23,6 % профессионально-техническое образование 6,5 % — общее среднее (таблица 1). Платформенная занятость в Беларуси за 2025 год подходит в большей степени мужчинам. Аналогичная картина наблюдается и в России: в платформенной занятости также преобладают мужчины — 58,0 %; в дистанционной (удаленной) занятости, напротив, доминируют женщины — около 60,0 % [13].

Т а б л и ц а 1. — Сравнительный анализ статистических данных Беларуси за 2025 год

Показатель	Дистанционная занятость	Платформенная занятость
Гендерное распределение	50,6 % мужчин / 49,4 % женщин	63,4 % мужчин / 36,6 % женщин
Средний возраст	35,4 года	37,1 года
Образование	79,7 % — высшее	46,0 % — высшее
Основные сферы	Информация и связь (49,7 %), наука и техника (21,0 %), торговля (11,4 %)	Такси (31,6 %), продажа товаров (19,4 %), ИТ-услуги (17,9 %), доставка и бытовые услуги (14,3 %)

Примечание — Источник: собственная разработка на основе данных Белстата [14].

В ходе исследования выявлены причины гендерного дисбаланса в отношении того, что платформенная занятость больше подходит мужчинам, заключающиеся в следующем:

1) отраслевая структура, поскольку платформенная занятость в Беларуси на 31,6 % представлена услугами такси и на 14,3 % — доставкой и бытовыми услугами, а эти сферы традиционно требуют физической активности, нахождения на улице и за рулем;

2) характер труда предполагает в основном физический труд и рабочие профессии, где традиционно занято больше мужчин, в то время как женщины доминируют при удаленной работе, связанной с умственным трудом;

3) работа через платформы часто связана с ненормированным графиком, отсутствием социальных гарантий (пока не урегулирована законодательно) и необходимостью быстро реагировать на заказы, что может быть менее привлекательно для женщин, ищущих стабильность и баланс с семейными обязанностями.

Несмотря на текущее доминирование мужчин, легализация и развитие платформенной занятости могут сыграть важную роль именно для женщин, поскольку позволят данной категории лиц, находящихся в декретном отпуске, и многодетным мамам оставаться полноценными работниками, совмещая работу с семьей благодаря гибкому графику. В настоящее время платформенная занятость в большей степени подходит мужчинам в силу ее отраслевой специфики, но ее потенциал для расширения экономических возможностей женщин остается высоким и будет раскрываться по мере развития законодательства. Главной причиной, почему платформенная занятость привлекательна для женщин-предпринимательниц, является ее гибкость, ведь развитие цифровой экономики создает благоприятный климат для деловых возможностей женщин, позволяя им высвобождать время для занятости в семье.

Заключение. Дистанционная и платформенная занятость представляют собой новые формы организации труда, требующие оперативного правового регулирования. Если дистанционная работа в Беларуси получила законодательное закрепление, то платформенная занятость создает риски для всех участников отношений. Несмотря на относительно невысокий показатель (охватывает около 1,0 % занятых в экономике), проблема требует упреждающего регулирования. Дискуссионные аспекты регулирования платформенной занятости связаны с определением правового статуса исполнителя, характером трехсторонних отношений, объемом социальных гарантий, порядком налогообложения. Решение этих вопросов требует установления специального правового регулирования платформенной занятости в Республике Беларусь. Определение особых, отличающихся от общих, правил в сфере занятости населения обусловлено необходимостью правовой определенности, гармонизации законодательства в рамках интеграционных объединений, защиты социальных прав исполнителей, а также с учетом международного опыта. Участие Беларуси в подготовке модельного закона СНГ «О платформенной занятости» создает благоприятные условия для разработки национального законодательства с учетом лучших практик стран региона.

Важно, чтобы законодательство о платформенной занятости обеспечивало баланс между гибкостью, присущей данной форме занятости, и защитой прав исполнителей. Только такой подход позволит создать устойчивую и справедливую систему регулирования, отвечающую вызовам цифровой экономики.

Дистанционная занятость в Беларуси получила достаточно полное правовое оформление в рамках ТК, тогда как платформенная занятость остается в «серой» зоне, не имея легального определения и системного регулирования. Необходимо целенаправленное правовое воздействие государства на платформенную занятость, включая нормы, правила, контроль, прогнозирование и использование правовых средств, которое должно установить правовой статус исполнителя, характер трехсторонних отношений (исполнитель—платформа—потребитель), минимальные социальные гарантии и механизмы прозрачности алгоритмического управления. Такое специальное правовое регулирование платформенной занятости в Республике Беларусь, учитывая модельное законодательство СНГ, положения закона, упорядочивающего деятельность посреднических цифровых платформ в Беларуси, позволит не только устранить правовую неопределенность, но и создать условия для расширения экономических возможностей граждан, особенно женщин, которые сегодня недостаточно представлены в платформенной занятости из-за ее отраслевой структуры и отсутствия их социальной защиты.

Список цитируемых источников

1. Еремичева, Г. В. Платформенная занятость в перспективе единого цифрового пространства Союзного государства / Г. В. Еремичева // Актуальные вопросы развития системы социального партнерства в сфере труда в союзном государстве : материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства, Минск, 10—11 июля 2025 г. ; под ред. С. Г. Стрельченко. — М. : Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, 2025. — С. 99—105. — URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=14773&type=publ> (дата обращения: 14.03.2026).
2. Бобков, В. Н. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости / В. Н. Бобков, Е. А. Черных // Мир новой экономики. — 2020. — № 2. — С. 6—15.
3. Ванкевич, Е. В. Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. — 2024. — № 3. — С. 80—94.
4. Карпенко, А. А. Платформенная занятость в России: содержание, динамика развития, совершенствование регулирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 5.2.3 / Карпенко Алексей Александрович ; Всерос. науч.-исслед. ин-т труда М-ва труда и соц. защиты Рос. Федерации. — М., 2025. — 26 с.
5. Морозова, Н. Н. Методические аспекты определения перспективных направлений на рынке труда через развитие платформенной занятости / Н. Н. Морозова // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. — Мн., 2023. — Вып. 25. — С. 71—92.
6. Мотина, Е. В. Правовое регулирование нетипичных форм занятости в условиях цифровизации и региональной интеграции : монография / Е. В. Мотина, К. Л. Томашевский, Е. В. Чичина. — Мн. : Амалфея, 2024. — 243 с.
7. Стец, А. А. Платформенная занятость как элемент развития рынка труда / А. А. Стец, И. К. Пшеничный, Г. А. Скворчевский // Проблемы управления хозяйствующими субъектами в информационном обществе : сб. ст. 14-го Междунар. науч.-практ. интернет-семинара. — Мн. : МИТСО, 2025. — С. 157—160.
8. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 25.03.2026).
9. В Беларуси разрабатывают аналог российского закона о платформенной экономике // Экономическая Газета. — URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/v-belarusi-razrabatyvayut-analog-rossiyskogo-zakona-o-platfornennoy-ekonomike/> (дата обращения: 25.03.2026).
10. Модельный закон «О платформенной занятости» учтут при развитии общего рынка труда СНГ // Всеобщая конфедерация профсоюзов. — URL: https://gctu-cgs.org/news/novosti_rynka_truda_sng_i_eaes/modelnyy-zakon-o-platfornennoy-zanyatosti-uchtut-pri-razviti-i-obshchego-rynka-truda-sng-/ (дата обращения: 24.03.2026).
11. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 окт. 2022 г. № 209-3 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 25.03.2026).
12. В чем преимущества и недостатки платформенной занятости // Бизнес-инфо. — URL: <https://bii.by/news/dajdzhest-vazhnykh-novostej-dlya-biznesa-belarusi-721170?a=a1&dateFrom=20.08.2025&page=8> (дата обращения: 14.03.2026).

13. Экономисты ВШЭ описали портрет российского удаленщика и платформенного сотрудника // Сетевое издание Ведомости. — URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/02/11/ekonomisti-vshe-opisali-portret-rossiiskogo-udalenschika-i-platformennogo-sotrudnika (дата обращения: 12.03.2026).

14. Нестандартная занятость в Республике Беларусь/ Инфографика //Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/nestandart_zaniatost-2025.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

Поступила в редакцию 17.05.2025.

Репозиторий БарГУ

УДК 332.6

О. С. Мостовская

Государственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь, mostovskayaolga1985@gmail.com

РЫНОК ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: УСТОЙЧИВОСТЬ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ

В данной статье проводится комплексный анализ современного состояния рынка жилой недвижимости Республики Беларусь с акцентом на механизмы государственного регулирования и возникающие тенденции. Исследование базируется на применении экономико-статистического и сравнительного методов, а эмпирическую основу составляют актуальные данные Национального статистического комитета и нормативно-правовая база. Выявлено, что обеспечение населения качественным и доступным жильем является ключевой задачей в социально-экономическом развитии страны.

Ключевые слова: рынок; недвижимость; жильё; жилая недвижимость; рынок жилой недвижимости.

Табл. 4. Библиогр.: 9 назв.

O. S. Mostovskaya

State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus",
1 Surganova Str., bldg. 2, 220072 Minsk, the Republic of Belarus, mostovskayaolga1985@gmail.com

RESIDENTIAL REAL ESTATE MARKET OF THE REPUBLIC OF BELARUS: STABILITY, REGULATION AND NEW TRENDS

This article provides a comprehensive analysis of the current state of the residential real estate market in the Republic of Belarus, focusing on government regulation mechanisms and emerging trends. The study utilizes economic, statistical, and comparative methods, while the empirical foundation is based on current data from the National Statistical Committee and the regulatory framework. Based on the findings, it is concluded that providing the population with high-quality, affordable housing is a key objective in the country's socioeconomic development.

Key words: market; real estate; housing; residential real estate; residential real estate market.

Table 4. Ref.: 9 titles.

Введение. Рынок жилой недвижимости представляет собой стратегически важный сектор экономики любой страны, выполняющий не только экономические, но и ключевые социальные функции. В Республике Беларусь обеспечение населения доступным и комфортным жильем является одним из приоритетов государственной социально-экономической политики, что находит отражение в масштабных государственных программах и комплексном законодательном регулировании. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа современного состояния рынка жилой недвижимости Республики Беларусь в контексте трех ключевых факторов: усилия государства по поддержанию устойчивости, новейшие тенденции в регулировании и нарастающие структурные дисбалансы демографического и регионального характера.

Научная новизна данной статьи заключается в том, что системно обобщена и проанализирована нормативная и правовая база 2025 года в сфере жилищной политики, выявлен и концептуализирован рост обеспеченности жильем на фоне депопуляции. Статья представляет собой аналитический обзор и синтез актуальных данных.

Материалы и методы исследования. При анализе рынка недвижимости применяется комплекс методов, объединяющих количественные и качественные подходы. В настоящем исследовании используются общепринятые научные подходы, включающие экономико-статистический и сравнительный анализ. Эмпирическая основа работы опирается на последние данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Результаты исследования и их обсуждение. В Республике Беларусь институциональные условия развития рынка жилой недвижимости характеризуются доминированием государственных институтов при ограниченном участии частного сектора.

Конституция Республики Беларусь — Основной Закон Республики Беларусь, имеющий высшую юридическую силу и гарантирующий право на жилье (ст. 48), обязывая государство создавать условия для его реализации, служит основой для социальных программ [1, с. 8].

Важнейшим нормативным правовым актом Республики Беларусь в сфере жилищных отношений является Жилищный кодекс Республики Беларусь, положения которого определяют порядок учета нуждающихся в улучшении жилищных условий, правила предоставления государственной поддержки, регулирование социального найма жилья [2]. Впрочем, существуют и вопросы, не охваченные положениями Жилищного кодекса: он не учитывает тенденции сокращения населения в отдельных регионах (например, применяются общие нормы площади жилья для всех территорий), а также не рассматривает феномен «маятниковой миграции».

Нормативная и правовая база в сфере жилищной недвижимости основана на иерархии документов, регулирующих отношения собственности, строительство, распределение жилья и социальные гарантии (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Нормативная и правовая база в секторе недвижимости Республики Беларусь

Нормативный акт	Основные положения
Закон Республики Беларусь № 71-3 от 8 мая 2025 года «О риэлтерской деятельности»	Правовым актом определены правовые, организационные основы и принципы риэлтерской деятельности в Республике Беларусь, а также урегулированы отношения в сфере риэлтерской деятельности
Указ Президента Республики Беларусь от 27 января 2025 года № 38 «Об особенностях предоставления и использования арендного жилья»	Документом вносятся изменения в некоторые указы Президента Республики Беларусь. Дополняется нормой о том, что после удовлетворения индивидуальных ходатайств в отношении граждан наиболее востребованных должностей служащих (профессий рабочих), обеспечивающихся таким жильем в первоочередном порядке, арендное жилье предоставляется иным гражданам наиболее востребованных должностей служащих (профессий рабочих). При этом преимущественное право на его предоставление имеют граждане, состоящие на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий
Указ Президента Республики Беларусь от 6 марта 2025 года № 94 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь»	Указом № 94 в новой редакции излагается Указ Президента Республики Беларусь от 8 мая 2013 года № 215, которым введен механизм государственного заказа на строительство жилья. Суть госзаказа заключается в том, что возводятся жилые дома госзаказчиками без привлечения граждан на этапе строительства
Указ Президента Республики Беларусь от 6 марта 2025 года № 95 «О государственной поддержке при жилищном строительстве»	Принят для создания единого нормативного документа по предоставлению гражданам государственной поддержки при улучшении жилищных условий. В нем объединены все существующие в стране формы такой поддержки. Размеры государственной поддержки установлены на действующем уровне. Категории, имеющие право на нее (все гражданские и военные), порядок и условия ее предоставления сохраняются
Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 51 от 28 января 2021 года «О Государственной программе “Строительство жилья” на 2021—2025 годы»	Приоритетным направлением реализации Государственной программы будет сбалансированное развитие разных форм удовлетворения жилищных потребностей граждан в зависимости от их доходов, предпочтений и места проживания как с использованием мер государственной поддержки социально незащищенных категорий населения, так и с применением новых механизмов финансирования строительства (приобретение жилья в собственность, аренда жилья, развитие системы жилищных строительных сбережений, совершенствование механизмов ипотечного жилищного кредитования)

Окончание табл. 1

Нормативный акт	Основные положения
Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 65 от 3 февраля 2025 года «О мерах по выполнению заданий по строительству жилых домов и объектов инфраструктуры к ним на 2025 год»	Это детальный план государственного жилищного строительства на год, который задаёт ориентиры для всего рынка. Правительство утвердило общий объем ввода жилья в 2025 году — 4,5 млн м ² общей площади

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [3—8].

Проведенный анализ нормативно-правовых актов, представленных в таблице 1, позволяет сделать выводы о современных тенденциях и приоритетах государственного регулирования жилищной сферы Республики Беларусь. Наблюдаются явные направления на упорядочивание и унификацию жилищного законодательства. Ярким примером служит Указ Президента Республики Беларусь № 95 «О государственной поддержке при жилищном строительстве», который консолидирует все существующие формы государственной поддержки в едином документе. Это позитивный шаг, направленный на повышение прозрачности и доступности механизмов для граждан, однако на практике его эффективность будет зависеть от ясности применения и информированности населения.

Большинство документов (указы Президента Республики Беларусь № 38, 94, 95) направлены на усиление административного контроля и централизованного планирования в жилищной сфере. Введение механизма госзаказа на строительство (Указ Президента Республики Беларусь № 94) позволяет напрямую управлять объемами ввода жилья, минуя этап привлечения средств граждан. С одной стороны, это гарантирует выполнение государственных программ, с другой — может ограничивать гибкость рынка и снижать разнообразие жилищных предложений.

Принятие закона «О риэлтерской деятельности» является важным событием, что свидетельствует о признании государством значимости частного сектора в обороте недвижимости и направлено на повышение стандартов деятельности, защиту прав граждан в сделках и формирование цивилизованного рынка риэлтерских услуг.

Указ Президента Республики Беларусь № 38 «Об арендном жилье» демонстрирует попытку перехода от универсальных мер поддержки к более адресным. Предоставление жилья в первую очередь определенным категориям работников указывает на использование жилищной политики как инструмента решения кадровых проблем в приоритетных для государства сферах.

Продолжает действовать Государственная программа «Строительство жилья» на 2021—2025 годы, что подтверждает приверженность государства долгосрочному стратегическому планированию в данной области.

Таким образом, таблица 1 рисует картину активно развивающегося жилищного законодательства. Наблюдается переход от фрагментарного регулирования к созданию комплексной системы, однако ключевым вызовом остается ее способность адаптироваться к глубоким структурным диспропорциям в социально-экономическом и демографическом развитии регионов Республики Беларусь.

К числу факторов, влияющих на конъюнктуру рынка недвижимости, относится численность населения (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Динамика численности населения Республики Беларусь в разрезе городского и сельского в 2019—2023 годах, человек

Тип населения	2019	2020	2021	2022	2023
Брестская область					
Городское	945 800	949 146	948 832	945 484	945 358
Сельское	405 034	398 094	389 212	378 543	370 047
Витебская область					
Городское	878 888	876 312	870 383	861 519	856 613
Сельское	264 048	257 313	249 981	242 314	235 335
Гомельская область					
Городское	1 064 070	1 062 954	1 059 334	1 051 061	1 047 694
Сельское	329 926	323 870	315 952	306 836	299 775
Гродненская область					
Городское	769 275	771 977	772 345	769 845	768 933
Сельское	260 776	253 703	245 631	236 769	229 667
г. Минск					
Городское	2 012 896	2 020 133	2 009 786	1 996 553	1 995 471
Сельское	—	—	—	—	—
Минская область					
Городское	809 022	810 599	808 934	803 870	800 504
Сельское	660 231	662 648	664 412	661 885	661 517
Могилевская область					
Городское	811 758	812 784	810 706	803 763	797 832
Сельское	217 533	210 726	204 137	197 082	191 871
Всего по Республике Беларусь					
Городское	7 291 709	7 303 905	7 280 320	7 232 095	7 212 405
Сельское	2 137 548	2 106 354	2 069 325	2 023 429	1 988 212

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [9].

Анализ данных таблицы 2 позволяет выявить следующие ключевые демографические тенденции, оказывающие непосредственное влияние на формирование спроса и предложения на рынке жилой недвижимости в Республике Беларусь. Во-первых, наблюдается устойчивое сокращение общей численности населения страны за 2019—2023 годы. Общее число жителей сократилось на 2,4 %, сужая тем самым потенциальный совокупный спрос на рынке недвижимости.

Во-вторых, доля городского населения стабильно высока, однако за этим скрывается критически важная диспропорция: абсолютная численность сельского населения сокращается значительно большими темпами (за 5 лет городское население уменьшилось на 1,1 %, в то время как сельское — на 7,0 %). Темпы сокращения сельского населения в 6,4 раза превышают темпы сокращения городского, а это приводит к росту неиспользуемого жилого фонда в сельской местности.

В-третьих, анализ в региональном разрезе выявляет глубокую поляризацию, что имеет прямое следствие для сегментации жилищного рынка. Город Минск демонстрирует относительную стабильность по сравнению с другими регионами, его доля в общей численности городского населения остается максимальной, что подтверждает статус ключевого рынка с устойчивым спросом на жилье.

В-четвертых, наибольшее сокращение численности наблюдается в Витебской (городское — -2,5 %, сельское — -10,9 %), Могилевской (городское — -1,7 %, сельское — -11,8 %) и Гомельской (сельское — -9,1 %) областях. Эти регионы сталкиваются с ослаблением рынка недвижимости и риску обесценения жилого фонда.

Таким образом, данные таблицы 2 убедительно демонстрируют потребность в смене подхода к жилищному обеспечению регионов: вместо единого стандарта требуется разработка индивидуальных стратегий, отражающих значительные различия в численности населения и возрастной структуре центральных территорий и отдаленных областей.

Предоставление гражданам доступного и удобного жилья — один из главных приоритетов в социально-экономической стратегии Беларуси.

Количество граждан, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий на конец периода по территории Республики Беларусь, представлено в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. — Количество граждан, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий на конец периода по территории Республики Беларусь за 2019—2023 годы, человек

Тип населения	2019	2020	2021	2022	2023
Брестская область					
Городское	74 224	70 376	65 344	61 744	58 326
Сельское	11 621	11 519	11 228	10 308	9 869
Витебская область					
Городское	59 478	58 056	56 010	53 057	51 359
Сельское	5 253	5 235	5 184	4 857	4 739
Гомельская область					
Городское	78 514	76 008	74 492	70 764	68 802
Сельское	8 963	8 913	8 362	7 526	7 131
Гродненская область					
Городское	61 704	59 571	57 317	53 208	49 780
Сельское	5 011	4 842	4 536	4 125	3 881
г. Минск					
Городское	193 727	190 762	186 985	179 343	177 307
Минская область					
Городское	64 911	64 407	63 409	60 791	57 784
Сельское	23 074	22 930	22 157	21 223	21 850
Могилевская область					
Городское	57 912	57 303	56 546	55 563	54 222
Сельское	4 819	4 699	4 452	4 355	4 061
Всего по Республике Беларусь					
Городское	590 740	576 485	560 103	534 470	517 580
Сельское	58 741	58 138	55 919	52 394	51 531

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [9].

Согласно таблице 3, общая численность нуждающихся в жилье упала на 14,0 % (городское население — 4,1 %, сельское население — 13,9 %). Причиной такого положительного эффекта является эффективность государственных программ, таких как социальное кредитование, льготное строительство.

По регионам наблюдается концентрация спроса на жилье в городе Минске, растет сельская очередь в Минской области (+3,0 % за 5 лет), вероятно, из-за миграции из малых городов, так называемой «маятниковой миграции» (переезд в сельскую местность при сохранении работы в городе Минске), а наибольшее снижение наблюдается в Гродненской (–24,0 % за 5 лет) и Гомельской (–20,0 % за 5 лет) областях из-за активной реновации ветхого жилья.

Могилевская и Витебская области показывают самые низкие темпы сокращения городской очереди на жилье (–6,4 и –6,2 % соответственно).

Таким образом, таблица 3 отражает успешное перераспределение жилищных ресурсов, но выявляет растущий разрыв между столицей и регионами.

Обеспеченность населения жильем в расчете на одного жителя на конец периода по территории Республики Беларусь представлена в таблице 4.

Т а б л и ц а 4. — Обеспеченность населения жильем в расчете на одного жителя на конец периода по территории Республики Беларусь за 2019–2023 годы, м² общей площади

Тип населения	2019	2020	2021	2022	2023
Брестская область					
Городское	27,3	27,9	28,4	28,8	29,3
Сельское	34,8	35,6	36,7	37,8	38,7
Витебская область					
Городское	25,4	25,9	26,4	26,9	27,2
Сельское	38,6	39,5	40,5	41,5	42,4
Гомельская область					
Городское	24,8	25,3	25,8	26,3	26,6
Сельское	33,2	33,9	34,9	35,4	36,2
Гродненская область					
Городское	27,0	27,4	27,9	28,4	28,9
Сельское	42,2	43,4	44,9	45,9	46,9
г. Минск					
Городское	22,8	23,2	23,8	24,2	24,5
Минская область					
Городское	26,4	26,9	27,5	28,0	28,5
Сельское	35,6	36,4	37,3	38,0	38,8
Могилевская область					
Городское	26,5	26,9	27,5	27,9	28,3
Сельское	38,0	39,1	40,4	41,5	42,8
Всего по Республике Беларусь					
Городское	25,2	25,7	26,3	26,7	27,1
Сельское	36,5	37,3	38,4	39,2	40,1

Примечание — Источник: собственная разработка автора на основе [9].

Данные таблицы 4 показывают устойчивый рост обеспеченности городского населения жильем за 2019—2023 годы. Сельские показатели по обеспеченности жильем растут в 1,3 раза быстрее городских, т. е. сельские жители имеют на 48,0 % больше жилья, чем городские.

В городе Минске при минимальной обеспеченности жильем (24,5 м²) наблюдается рост выше среднего (+7,5 %), а причиной этого служит опережение строительства жилья роста населения. В Гродненской области мы видим, что сельская обеспеченность жильем превышает городскую на 62,0 %, что показывает максимальный разрыв по Республике Беларусь.

Несмотря на депопуляцию, рынок жилья демонстрирует стабильность прежде всего за счет перераспределения ресурсов в пользу городов, роста качества жилья и диверсификации спроса на жилье.

Таким образом, таблица 4 выявляет парадокс эффективности, а именно рост обеспеченности жильем достигается не только за счет нового строительства, но и депопуляции регионов.

Проведенный анализ показывает, что в крупных городах спрос на жилье обычно выше, чем в небольших населенных пунктах, и это приводит к определенным перекосам на рынке жилой недвижимости.

Таким образом, проведя детальный анализ данных, представленных в таблицах 2—4, наблюдается формирование структурного дисбаланса между динамикой населения и жилищного фонда. Также произошла глубокая регионализация и сегментация рынка жилой недвижимости, важным заключением становится исчерпание экстенсивной модели развития жилищного строительства.

Выделим актуальные тенденции, формирующиеся в секторе белорусского рынка жилой недвижимости.

Институциональная трансформация и профессионализация рынка жилой недвижимости. Происходящие изменения представляют собой не просто точечные корректировки, а фундаментальную институциональную трансформацию, которая приводит рынок жилой недвижимости в состояние структурированного и предсказуемого функционирования, а именно легализация риэлтерской деятельности и формирование профессионального сегмента.

Создание единых стандартов для сделок с недвижимостью, что проявляется в предсказуемости и прозрачности для всех участников: покупателя, риэлтера, банка и государства.

Диверсификация и фокусировка государственной поддержки, что проявляется в стандартизации инструментов поддержки.

Все направления работают синергетически, в результате рынок жилой недвижимости становится более зрелым, безопасным и эффективным, что является ключевым условием для долгосрочного и устойчивого развития.

Заключение. Создание условий для получения качественного и недорогого жилья — одна из важнейших целей социально-экономического прогресса государства. Для её реализации внедряются различные государственные инициативы, рыночные механизмы и переловые проекты, формирующие современные тенденции в жилищном строительстве. Рынок недвижимости в Беларуси демонстрирует устойчивость из-за действенной поддержки со стороны государства: благодаря государственным программам удалось уменьшить количество нуждающихся в жилье и улучшить жилищные условия граждан.

Система обеспечения жильем населения Беларуси базируется на сильной роли государства, прежде всего через механизмы льготного кредитования целевых категорий граждан при строительстве и покупке жилья на первичном рынке. Ключевой современной тенденцией является поиск новых путей, таких как развитие арендного жилья с государственным участием, для расширения возможностей граждан. Несмотря на значительные усилия и ресурсы, направляемые в эту сферу, вызовы в виде доступности жилья в столице, обновления старого фонда и финансовой устойчивости программ остаются актуальными. Дальнейшее развитие будет связано с диверсификацией инструментов, повышением качества жилищного фонда и поиском баланса между государственной поддержкой и рыночными механизмами.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. — Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. — 109 с.
2. Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 авг. 2012 г. № 428-З ; принят Палатой представителей 31 мая 2012 г. : одобрен Советом Респ. 22 июня 2012 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.07.2025).
3. О риэлтерской деятельности : Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2025 г. № 71-З : в ред. от 8 мая 2025 г. № 71-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.07.2025).
4. Об особенностях предоставления и использования арендного жилья : Указ Президента Респ. Беларусь от 27 янв. 2025 г. № 38 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.07.2025).
5. Об изменении Указа Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 марта 2025 г. № 94 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.07.2025).
6. О государственной поддержке при жилищном строительстве : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 марта 2025 г. № 95 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.07.2025).
7. О Государственной программе «Строительство жилья» на 2021—2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 28 янв. 2021 г. № 51 : в ред. от 16 июня 2025 г. № 335 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22100051> (дата обращения: 12.07.2025).
8. О мерах по выполнению заданий по строительству жилых домов и объектов инженерной и транспортной инфраструктуры к ним на 2025 год : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 3 февр. 2025 г. № 65 : в ред. от 3 февр. 2025 г. № 65 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500065> (дата обращения: 12.07.2025).
9. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. — Минск, 1998—2024. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/-dinamika-chislennosti-naseleniya/ (дата обращения: 20.06.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК: 636.934

В. Н. Пилуй, кандидат экономических наукГосударственное научное учреждение «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь, vita_pi@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛКООПСОЮЗА

В статье рассмотрены ключевые аспекты деятельности Белкоопсоюза как многоотраслевой коммерческой структуры социальной направленности, которая объединяет предприятия торговли и общественного питания, заготовительную сеть, звероводческие хозяйства, промышленные, транспортные и строительные организации, а также учреждения образования по всей стране. Проведен анализ выполнения организациями системы потребительской кооперации показателей социально-экономического развития, выявлены причины их невыполнения, предложены направления по повышению эффективности деятельности Белкоопсоюза.

Ключевые слова: Белкоопсоюз; торговля; экономика; эффективность; товары отечественного производства.

Рис. 11. Табл. 2. Библиогр.: 4 назв.

V. N. Pilui, PhD in Economics,State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus",
1 Surganova Str., bldg. 2, 220072 Minsk, the Republic of Belarus, vita_pi@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE BELKOOPSOYUZ ACTIVITY

The article examines the key aspects of the Belkoopsoyuz's activities as a diversified commercial social structure that unites retail and catering enterprises, a procurement network, fur farms, industrial, transport and construction organizations, as well as educational institutions throughout the country. The analysis of the fulfillment of socio-economic development indicators by organizations of the consumer cooperation system has been carried out, the reasons for their non-fulfillment have been identified, and directions for improving the efficiency of the Belkoopsoyuz have been proposed.

Key words: Belkoopsoyuz; trade; economy; efficiency; goods of domestic production.

Fig. 11. Table 2. Ref.: 4 titles.

Введение. В Республике Беларусь система потребительской кооперации обслуживает около 3,2 млн человек, или 35,00 % населения страны, в том числе всё сельское. В системе Белкоопсоюза имеется 4 171 стационарный объект, 482 автолавки, которые обслуживают сегодня почти 13 тыс. населенных пунктов. Ежегодно данная техника проезжает более 14 млн километров, не имея такие условия поставки по основным нашим товаропроизводителям, как имеют сетевые структуры [1]. Фактически организации системы Белкоопсоюза являются товаропроводящей сетью белорусских производителей, так как доля товаров отечественного производства в товарообороте — более 90,00 % [2]. В условиях роста конкуренции со стороны импортных товаров приобретает особую научную актуальность и практическую значимость комплексное рассмотрение деятельности Белкоопсоюза как объединения, занимающегося приоритетной реализацией товаров отечественного производства.

Цель работы — исследовать ключевые показатели деятельности организаций Белкоопсоюза и их динамику, определить имеющиеся проблемы, которые приводят к снижению доходности функционирования. Научная новизна заключается в определении потенциальных направлений, которые могут способствовать повышению эффективности деятельности Белкоопсоюза.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужили научные публикации, учебные пособия, периодические издания, отчеты и статистические данные, предоставленные Белкоопсоюзом. Для анализа данных применялись методы анализа и синтеза, обобщения, сравнительного и статистического анализа, что позволило систематизировать информацию, выявить тенденции и предложить решения для устранения выявленных проблем.

Результаты исследования и их обсуждение. За январь—октябрь 2025 года организациями потребительской кооперации реализовано непродовольственных товаров на сумму 147,4 млн рублей, темп роста к аналогичному периоду 2024 года составил 100,60 %. Удельный вес этих товаров в розничном товарообороте торговли за январь—октябрь 2025 года составил 8,05 %, что на 0,35 п. п. ниже показателя за аналогичный период прошлого года. В деятельности Белкоопсоюза приоритетным остается реализация товаров отечественного производства. За 9 месяцев 2025 года их удельный вес реализации непродовольственных товаров составил около 75,00 % при среднем показателе по Республике Беларусь 35,10 %.

В целях увеличения объема розничного товарооборота непродовольственных товаров отечественного производства организациями потребительской кооперации в общем объеме розничного товарооборота Белкоопсоюзом:

- ведется работа совместно с отечественными производителями по организации работы фирменных секций и объектов. В 2025 году организована работа 19 фирменных секций (ОАО «Лента» — 2, ОАО «Витебские ковры» — 2, ОАО «Галантя» — 7, ЗАО «Атлант» — 1, ЗАО «Добрушский фарфоровый завод» — 3, ООО «Конте Спа» — 1, КПУП «Калинковичский мебельный комбинат» — 1, ОАО «МотоВелоЗавод» — 1, ОАО «Бархим» — 1) и 1 магазина Mark Formelle;

- в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2023 года № 992 «О потребительском кредитовании» осуществляется реализация непродовольственных товаров по кредитному продукту «На родные товары» ОАО «АСБ Беларусбанк» [3];

- принимаются предварительные заявки на товары от физических лиц через контакт-центр Белкоопсоюза;

- реализован пилотный проект совместно с концерном «Беллегпром» по реализации продукции 10 предприятий концерна, в том числе ТУП «ПроКовер», МО ОАО «Луч», ЗАО «Калинка», ОАО «Славянка», ОАО «Бобруйсктрикотаж», ОАО «Центр моды», ОАО «Лидская обувная фабрика», ОАО «Галантэя», ОАО «Полесье», ОАО «Світанак», в формате ярмарки-выставки на условиях оплаты за реализованный ассортимент и с правом возврата нереализованного ассортимента на базе торговых объектов потребительской кооперации;

- в 44 крупных торговых объектах с ОАО «Бархим» реализован совместный проект по реализации расширенного ассортимента товаров бытовой химии и синтетических моющих средств. Для 9 объектов дополнительно предоставлены фирменные стойки с логотипом предприятия.

В целях позиционирования и узнаваемости товаров отечественного производства проводятся совместные акционные и маркетинговые мероприятия с отечественными производителями, в том числе с ООО «Конте Спа», ОАО «Брестский чулочный комбинат», ООО «Белкосмекс», ОАО «Модум — наша косметика», ОАО «Бархим», ЗАО «Лебортово», ООО «Кампари», ООО «Фабрика Ксонакс», ЗАО «БРК», ОАО «БЗПИ» и др. Выполнение показателей социально-экономического развития организаций Белкоопсоюза с учетом собственного производства товаров за 10 месяцев 2025 года представлено (таблица 1).

Т а б л и ц а 1. — Выполнение показателей социально-экономического развития по организациям системы потребительской кооперации за 10 месяцев 2025 года

Наименование	Розничный товарооборот		Товарооборот общественного питания		Производство промышленной продукции		Закупки сельскохозяйственной продукции и сырья, всего		Экспорт	
	тыс. рублей	темп роста, %	тыс. рублей	темп роста, %	тыс. рублей	темп роста, %	тыс. рублей	темп роста, %	тыс. долларов США	темп роста, %
Брестский ОПС	579 008,3	99,3	51 275,2	95,8	14 7045	106,0	110 915,4	103,3	14 122,9	173,4
Витебское ОБЛПО	102 018,1	90,0	12 456,6	78,7	42 203,7	109,5	40 667,0	96,0	223,2	16,9
Гомельское ОБЛПО	212 476,0	101,9	13 594,0	101,4	46 450,8	110,7	59 970,4	111,2	3 507,8	125,8
Гродненское ОБЛПО	323 455,6	100,5	16 069,3	97,6	56 079,0	103,5	71 467,0	81,1	5 554,9	167,3
Минский ОПС	214 249,8	99,7	24 606,8	103,2	85 987,6	107,2	94 189,5	101,5	2 538,7	253,2
Могилевский ОПС	396 543,3	101,8	24 983,4	86,1	46 482,2	101,8	53 572,2	99,5	2 435,4	153,8

Примечание — Здесь и далее таблицы составлены автором на основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, представленных Белкоопсоюзом.

Таким образом, за 10 месяцев 2025 года отмечается отставание в выполнении доведенного задания по:

- розничному товарообороту в Брестской (выполнено 99,30 % от задания за 10 месяцев 2025 года), Минской (99,70 %) и Витебской (90,00 %) областях;
- товарообороту общественного питания в Брестской (95,80 %), Витебской (78,70 %), Гродненской (81,10 %) и Могилевской (86,10 %) областях;
- закупке сельскохозяйственной продукции и сырья в Витебской (96,00 %), Гродненской (81,10 %) и Могилевской (99,50 %) областях;
- экспорту продукции в организациях потребительской кооперации Витебской области (выполнено 16,90 % от задания за 10 месяцев 2025 года).

Основной причиной отставания в выполнении данных показателей является сокращение в 2024 году на 376 единиц (8,30 %) количества магазинов с 543 до 451 единиц (таблица 2).

Т а б л и ц а 2. — Количество магазинов потребительской кооперации в 2024 году

Наименование	Магазины, единиц					
	всего			в том числе в сельской местности		
	на 01.01.2024	на 01.01.2025	+, –	на 01.01.2024	на 01.01.2025	+, –
Брестский ОПС	1 204	1 153	–51	852	818	–34
Витебское ОБЛПО	543	451	–92	395	343	–52
Гомельское ОБЛПО	674	620	–54	519	480	–39

Окончание табл. 2

Наименование	Магазины, единиц					
	всего			в том числе в сельской местности		
	на 01.01.2024	на 01.01.2025	+, –	на 01.01.2024	на 01.01.2025	+, –
Гродненское ОБЛПО	613	591	–22	413	403	–10
Минский ОПС, ОБЛПО	652	555	–97	510	443	–67
Могилевский ОПС	830	770	–60	524	489	–35
УП Белкоопсоюза	12	12	0	5	4	–1
Белкоопсоюз	4 528	4 152	–376	3 218	2 980	–238

При этом следует отметить, что если в Витебской области закрытие 92 магазинов (около 17,00 % от численности на 1 января 2024 года) негативно повлияло на выполнение основных показателей, то в других областях, несмотря на снижение количества магазинов организаций Белкоопсоюза, товарооборот практически сохранился на уровне предыдущего периода, в том числе в Минской области при снижении количества магазинов на 14,00 % (с 652 до 555 единиц) товарооборот составил 99,70 % к уровню 2024 года, в Брестской области при снижении количества магазинов на 4,20 % (с 1 204 до 1 153 единиц) товарооборот составил 99,30 % к уровню 2024 года, в Гомельской области при снижении количества магазинов на 8,00 % (с 674 до 620 единиц) товарооборот составил 101,90 % к уровню 2024 года, в Гродненской области при снижении количества магазинов на 3,50 % (с 613 до 591 единиц) товарооборот составил 100,50 % к уровню 2024 года, в Могилевской области при снижении количества магазинов на 7,20 % (с 830 до 770 единиц) товарооборот составил 101,80 % к уровню 2024 года.

Также на снижение товарооборота в региональном разрезе повлияло изменение количества автомагазинов Белкоопсоюза (рисунок 1).

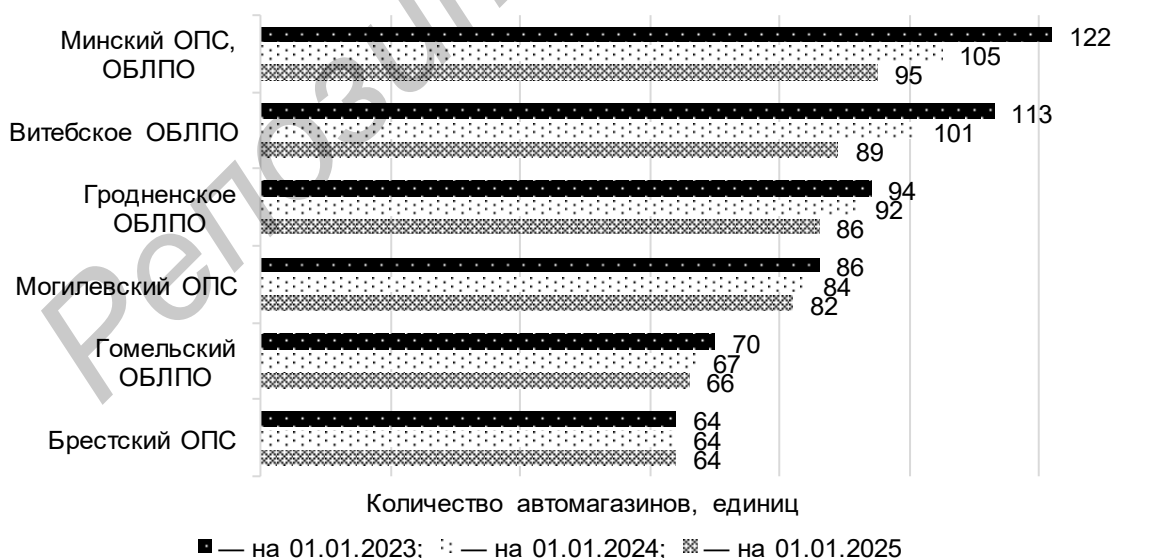

Рисунок 1. — Изменение количества автомагазинов по областям Республики Беларусь

Примечание — Здесь и далее рисунки составлены автором на основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, представленных Белкоопсоюзом.

Несмотря на обновление машинного парка Белкоопсоюза, в целом количество автомагазинов с 2023 до 2025 года сократилось на 67 единиц. Так, на 01.01.2025 наибольшее количество автомагазинов находилось в Минском ОПС, ОБЛПО — 95 автолавок, за 2 года сократилось на 27 единиц; на втором месте — Витебское ОБЛПО — 89 автолавок, сократившись на 24 единицы; на третьем месте — Гродненское ОБЛПО — 86 автомагазинов, сократившись на 8 единиц. Минимальное неизменное количество автомагазинов находится в Брестском ОПС — 64 автомагазина.

В целях выявления направлений по повышению эффективности работы организаций потребительской кооперации проведен анализ использования ими за 2022—2024 годы производственных мощностей (рисунок 2).

Таким образом, в 2024 году по сравнению с 2022-м наблюдается снижение загрузки производственных мощностей по производству мяса на 7,1 п. п. (с 88,80 до 81,60 %), хлебу и хлебобулочным изделиям — на 5,7 п. п. (с 54,10 до 48,40 %), напиткам безалкогольным — на 2,5 п. п. (с 58,40 до 55,90 %), водам минеральным и газированным — на 15,1 п. п. (с 67,90 до 52,98 %). При этом увеличилась загрузка производственных мощностей по выпуску колбасных изделий на 5,8 п. п. (с 68,30 до 74,10 %).

За январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года практически по всему ассортименту производимой продукции, кроме производства мяса (103,80 %) и пищевой рыбной продукции (111,20 %), наблюдается снижение объема производства, в том числе изготовление хлеба и хлебобулочных изделий к периоду 2024 года составило 89,90 %, кондитерских изделий — 99,20 %, продуктов из мяса — 92,50 %, полуфабрикатов — 96,50 %, воды минеральной — 88,50 %, безалкогольных напитков — 84,00 %, алкогольных напитков — 58,20 %. В региональном аспекте производство промышленной продукции имеет практически аналогичные тенденции.

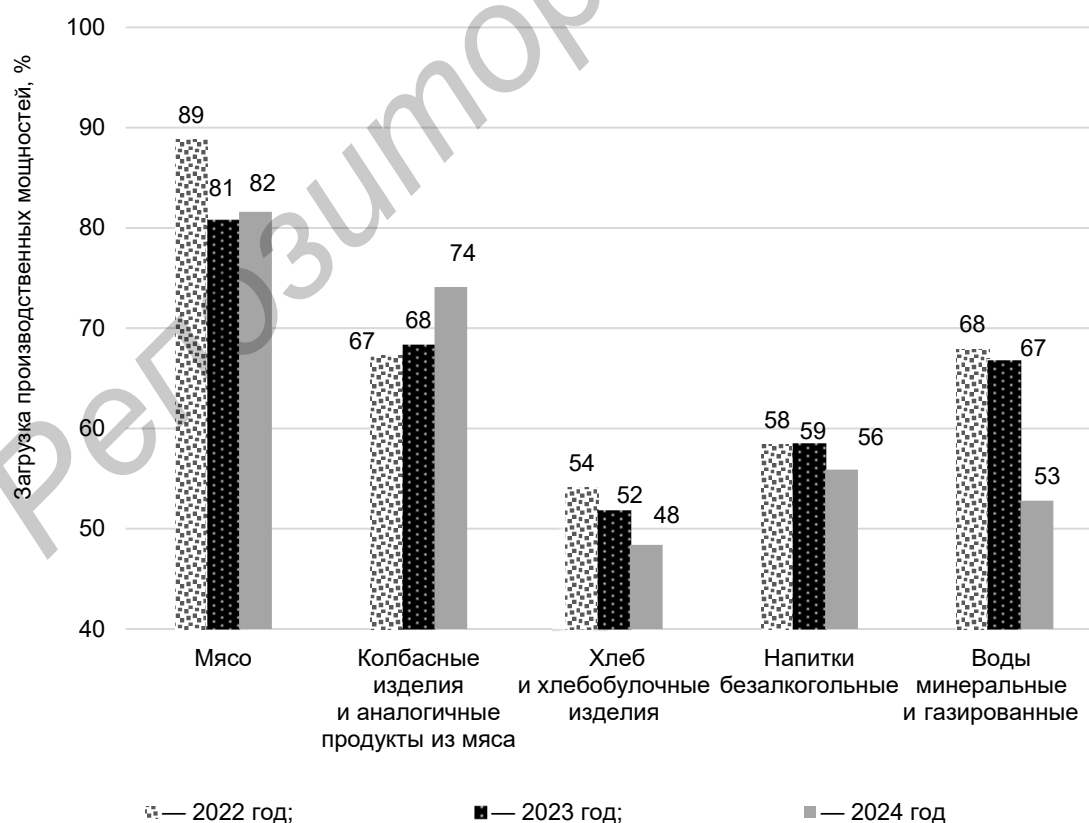

Рисунок 2. — Загрузка производственных мощностей организаций потребительской кооперации

Производство хлебобулочных изделий представлено 54 хлебозаводами, выпекающими хлебобулочные изделия, хлеба традиционные и подовые заварные по многостадийной технологии, булочную продукцию, продукцию категории «здоровое питание» (рисунок 3).

В производстве хлебобулочных изделий за январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года отмечается падение по всем областным структурам Белкоопсоюза, в том числе производство в Брестской области составило 87,60 %, Витебской — 83,60 %, Гомельской — 90,90 %, Гродненской — 96,90 %, Минской — 89,10 % и Могилевской — 88,90 %. Данная тенденция может быть вызвана как спецификой производства и реализации продукции с низким сроком годности, сокращением количества стационарных магазинов, так и расширением производства данной продукции крупными торговыми сетями.

Производство кондитерских изделий представлено 34 кондитерскими цехами, выпекающими печенье, пряники и иную кондитерскую продукцию. В целом в производстве кондитерских изделий практически удалось сохранить уровень 2024 года (рисунок 4).

Так, за январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года производство увеличено в трех областях, в том числе в Брестской области составило 106,20 %, Гродненской — 114,40 %, и Могилевской — 103,90 %, а уменьшение производства отмечено в Витебской области, составив 94,90 % к уровню 2024 года, Гомельской — 93,70 %, Минской — 81,80 %.

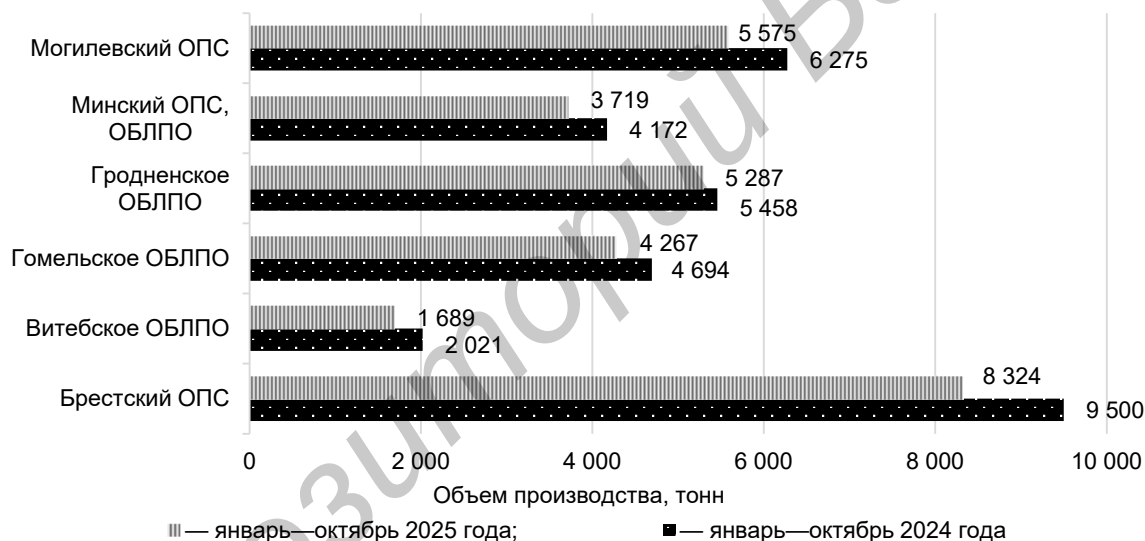

Рисунок 3. — Производство хлеба и хлебобулочных изделий

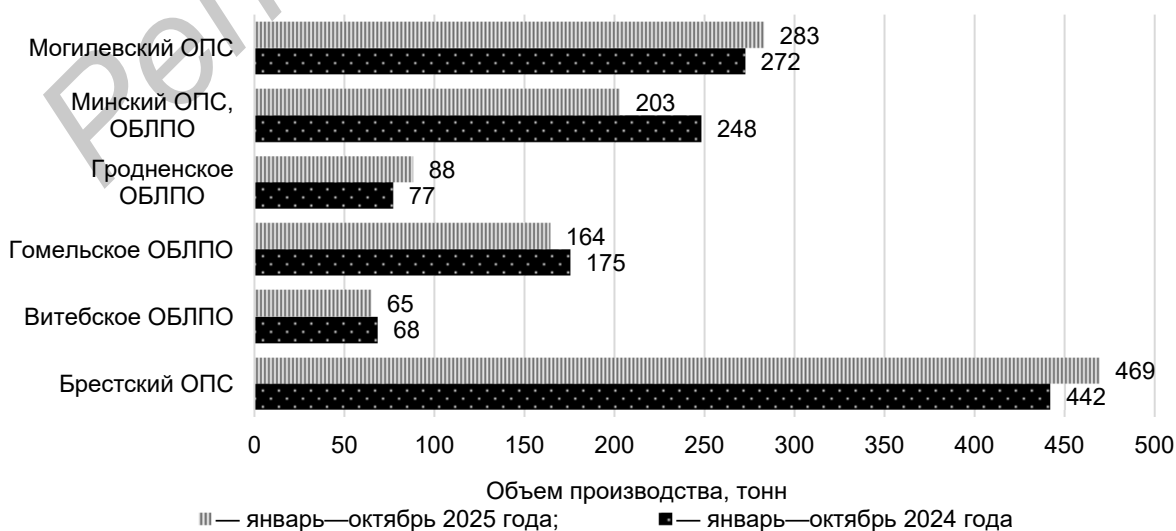

Рисунок 4. — Производство кондитерских изделий

Производство мяса и продуктов из мяса осуществляют 58 мясоперерабатывающих цехов, которые производят готовые мясные и колбасные изделия по различным рецептам, мясные полуфабрикаты, отруба и блочное мясо.

В производстве мяса за январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года в целом наблюдается тенденция сохранения роста производства — 103,80 % (рисунок 5).

Так, за январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года производство мяса в Брестской области составило 105,50 %, Витебской — 152,00 %, Гомельской — 110,60 %, Гродненской — 91,60 %, Минской — 92,60 % и Могилевской — 97,20 %. Тенденция увеличения производства Брестской, Витебской и Гомельской, а также снижения в остальных трех областях связана с результатами закупки скота у населения и сельскохозяйственных организаций.

Вместе с тем в производстве продуктов из мяса ситуация по областям неоднозначная несмотря на уровень производства, составивший 92,50 % к уровню 2024 года (рисунок 6).

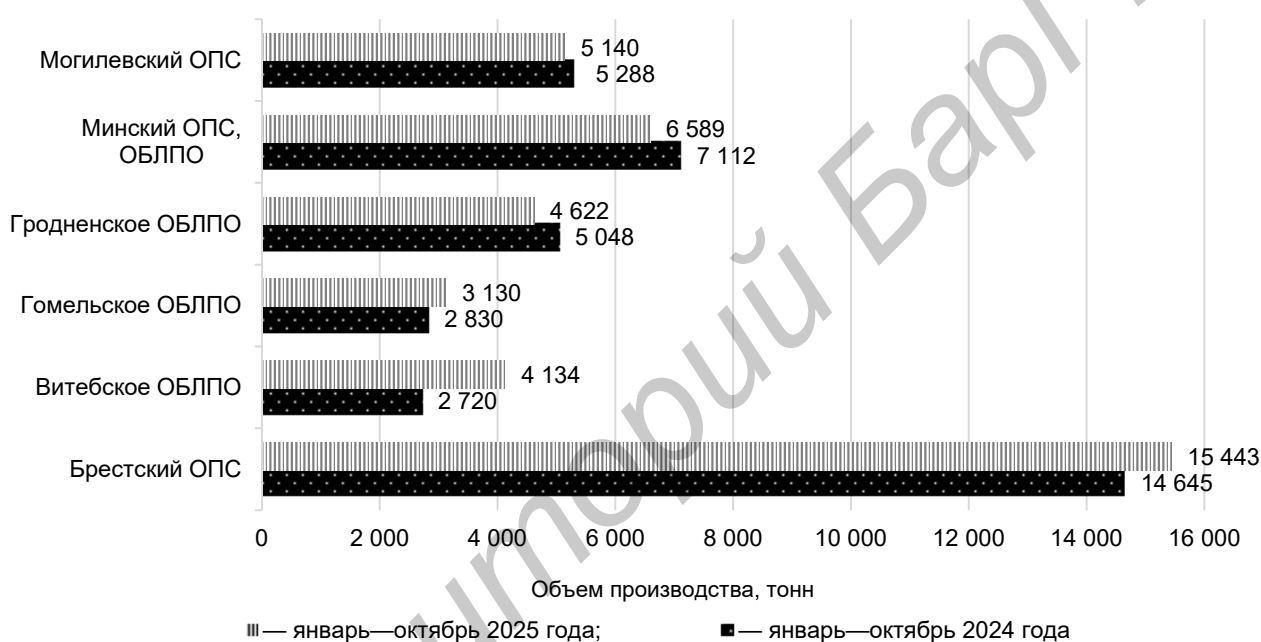

Рисунок 5. — Производство мясоперерабатывающими цехами Белкоопсоюза мяса

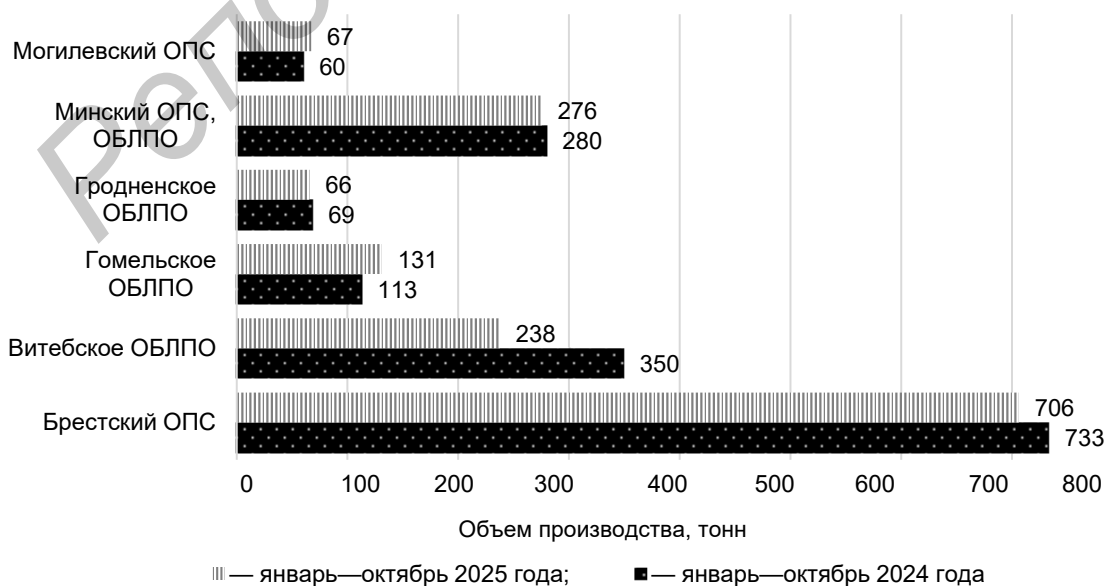

Рисунок 6. — Производство продуктов из мяса

За январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года нарастили производство продукции из мяса только 2 областные структуры, в том числе Могилевской области — 111,60 %, Гомельской — 116,20 %. По другим областям объем производства продуктов из мяса уменьшился, в том числе в Брестской области составил 96,30 %, Витебской — 68,00 %, Гродненской — 96,20 %, Минской — 98,50 %.

Производство полуфабрикатов представлено цехами и участками по производству картофелепродукта обжаренного, палочек кукурузных, снеков, мучных полуфабрикатов для блинов и оладий, киселя, жареных семечек и арахиса, а также другой продукции (рисунок 7).

За январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года нарастили производство полуфабрикатов только 3 областные структуры, в том числе Брестской — 104,00 %, Витебской — 153,90 % и Гомельской — 117,30 %. По другим областям объем производства уменьшился, в том числе в Гродненской области составил 92,50 %, Минской — 67,40 %, Могилевской — 78,60 %.

Производство алкогольной продукции представлено 6 винодельческими заводами, производящими вина плодовые крепленые и фруктово-ягодные натуральные (рисунок 8).

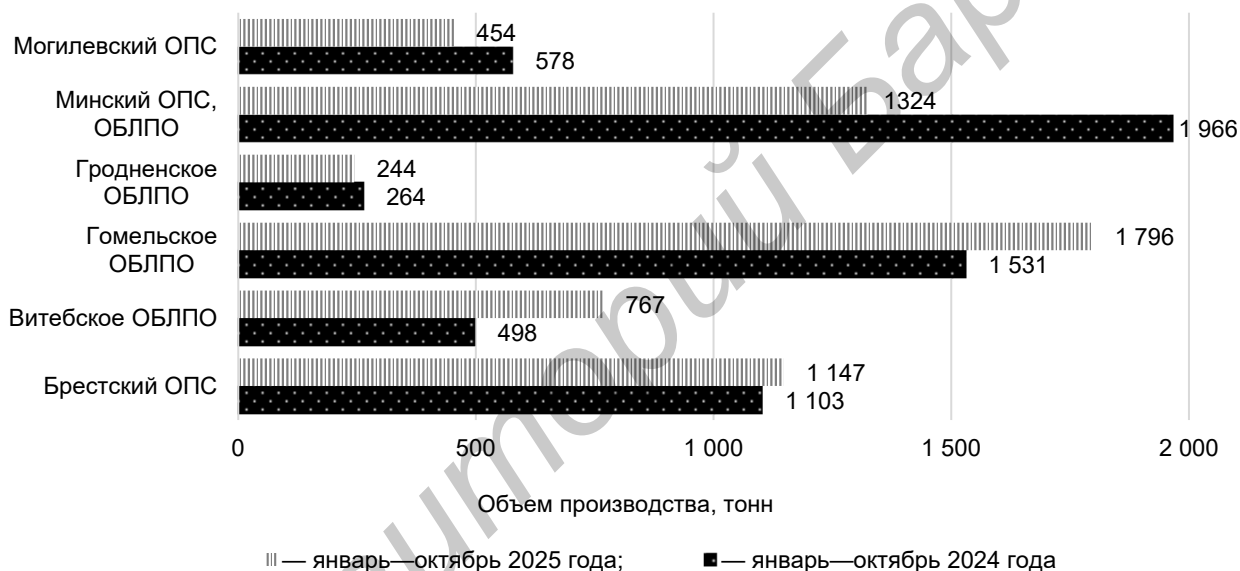

Рисунок 7. — Производство полуфабрикатов

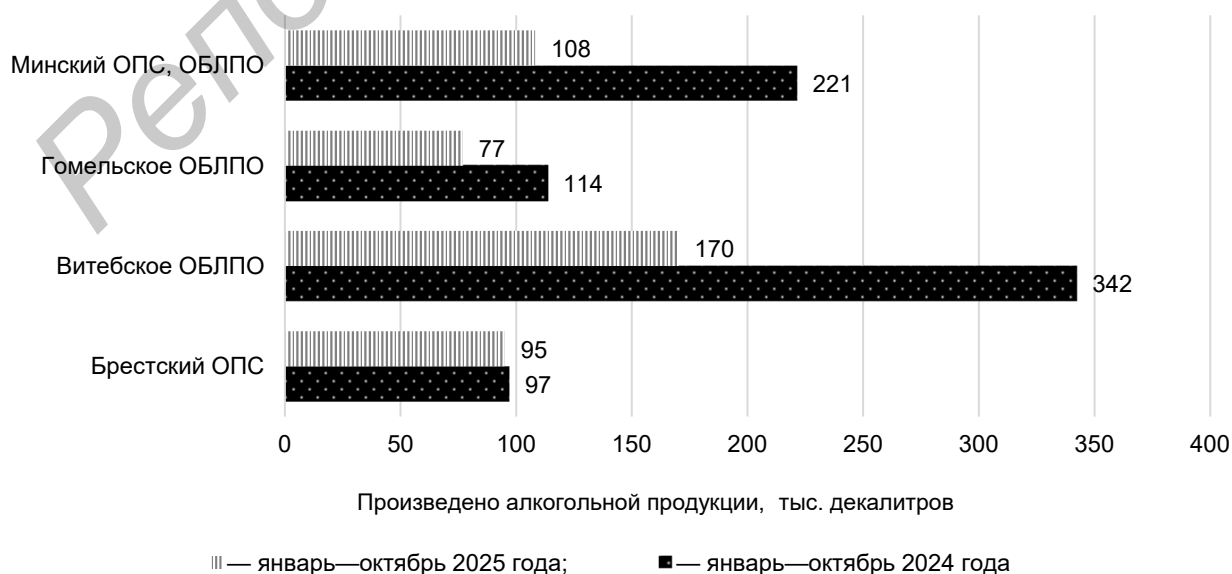

Рисунок 8. — Производство алкогольной продукции

За январь—август 2024 года по сравнению с аналогичным периодом 2023 года производство алкогольной продукции составило 58,20 %, при этом во всех областях отмечен спад, в том числе в Брестской области производство составило 98,10 %, Витебской — 49,70 %, Гомельской — 67,80 % и Минской — 48,90 %.

Производство безалкогольной продукции представлено 10 цехами по производству ассортимента безалкогольных напитков с использованием сахарного сиропа и сахарозаменителей, а также 5 цехов осуществляют розлив природной минеральной и питьевой воды (рисунок 9).

За январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года производство безалкогольной продукции увеличено только в Гомельской области, составив 124,20 %, в остальных областях производство снизилось, составив в Брестской области 94,10 %, Витебской — 79,70 %, Гродненской — 80,90 %, Минской — 71,50 %.

Производство рыбной продукции представлено 11 цехами по выпуску соленой, копченой, вяленой, сушеной и иной рыбной продукции, которое за январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года составило 111,20 % (рисунок 10).

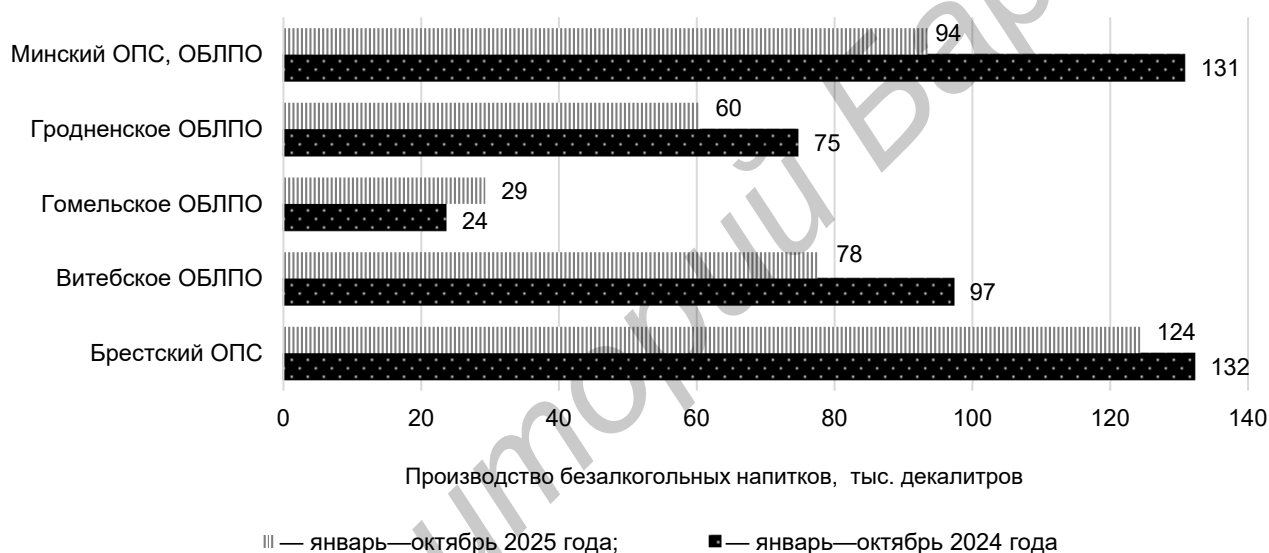

Рисунок 9. — Производство безалкогольной продукции

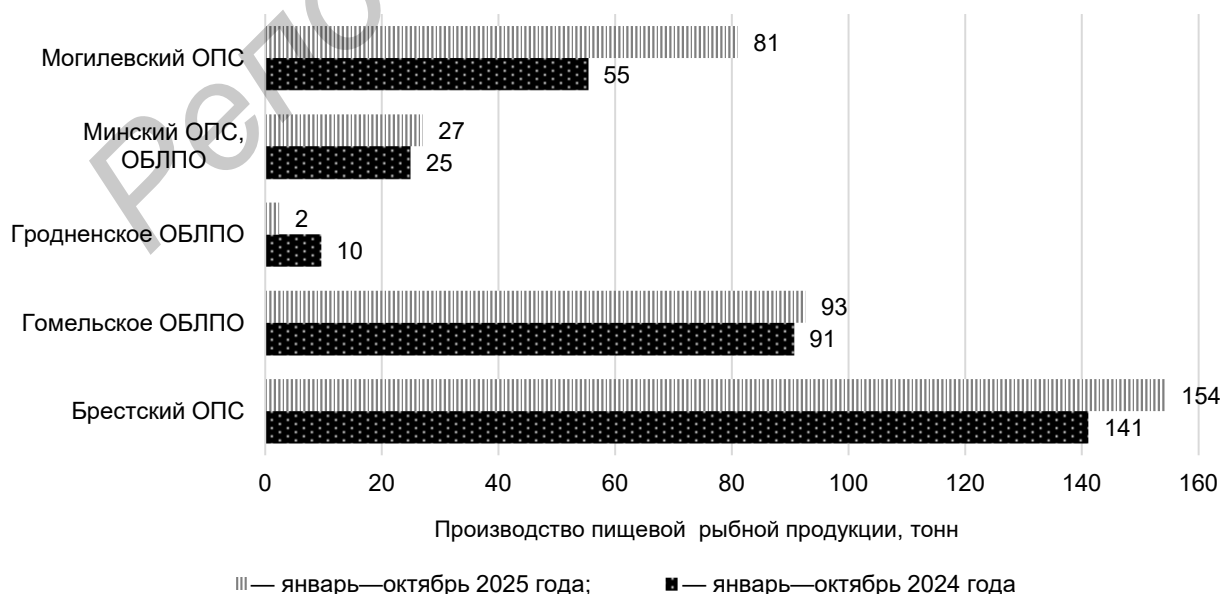

Рисунок 10. — Производство пищевой рыбной продукции

За январь—октябрь 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года в производстве этой продукции отмечается существенное падение в Гродненской области — 25,30 %. По всем иным областным структурам Белкоопсоюза наблюдается рост, в том числе производство в Брестской области составило 109,40 %, Гомельской — 102,20 %, Минской — 108,40 % и Могилевской — 146,50 %.

Экспортные поставки организаций Белкоопсоюза за январь—октябрь 2025 года составили около 33,1 млн долларов США, что в сравнении с аналогичным периодом 2024 года составляет 128,80 %. Структура по видам поставленной на экспорт продукции представлена на рисунке 11.

Таким образом, в структуре экспортных поставок Белкоопсоюза за январь—октябрь 2025 года основную долю занимает мясо крупного рогатого скота, мясная продукция и полуфабрикаты, составившие 74,20 % общего объема экспорта. По сравнению с аналогичным периодом 2024 года этот показатель увеличился на 16,6 п. п., в денежном выражении темп роста составил 166,00 %. Вторым по значимости показателем в структуре экспорта является пушнина, доля которой составляет 15,00 %, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года снизилась на 13 п. п., в денежном выражении составила 68,90 % от соответствующего уровня аналогичного периода 2024 года. Также следует отметить, что за 9 месяцев 2025 года чистая прибыль от реализованного меха норки составила 4 587 тыс. рублей, а по сравнению с аналогичным периодом 2024 года увеличилась на 5 807 тыс. рублей (за 9 месяцев 2024 года получен убыток в размере 1 220 тыс. рублей), что указывает на результативность принимаемых Белкоопсоюзом мер по повышению эффективности звероводческой отрасли.

В настоящее время в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21.07.2025 № 283 «О деятельности организации потребительской кооперации, осуществляющих разведение пушных зверей» принимаются меры по оптимизации организационной структуры звероводческой отрасли в системе потребительской кооперации путем реорганизации УП «Белкоопмех» и его неэффективных структурных подразделений [4].

В этих целях собранием представителей членов Белкоопсоюза 15 августа 2025 года принято решение о ликвидации УП «Белкоопмех», а 25 августа 2025 года начата процедура ликвидации (по данным ЕГР). Достигнуто соглашение о безвозмездной передаче части имущества УП «Белкоопмех», необходимого для осуществления финансово-хозяйственной деятельности по разведению пушных зверей на Пинской площадке, в хозяйственное ведение УП «Гроднокоопмех» (в установленном порядке передано имущество).

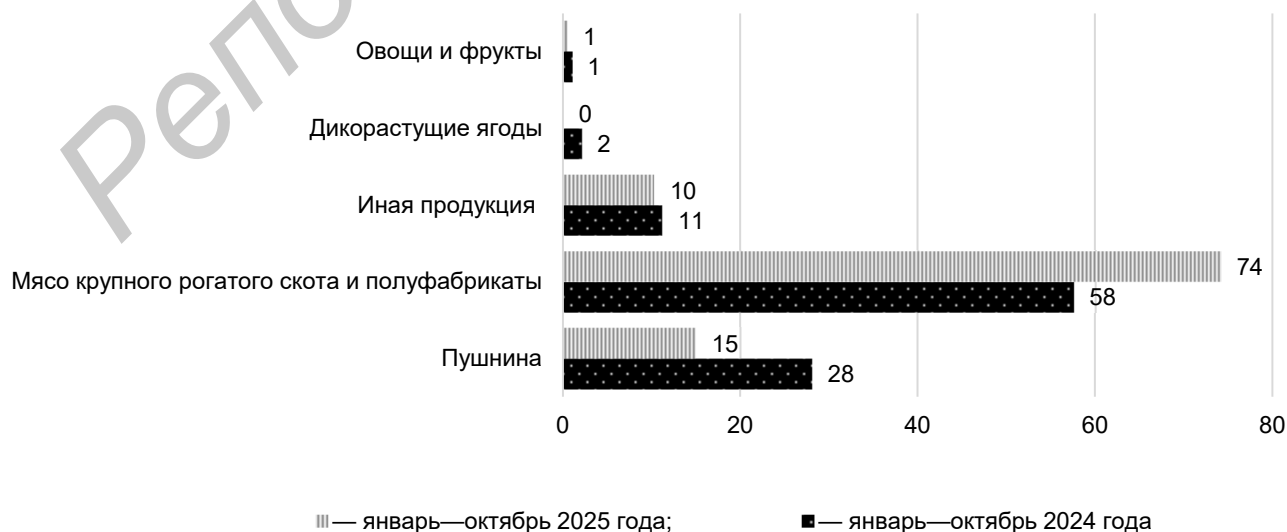

Рисунок 11. — Структура экспортных поставок, %

Фактически УП «Гроднокоопмех» создан филиал «Пинское зверохозяйство» (Пинская площадка). Численность работающих по УП «Гроднокоопмех» на 01.07.2025 всего составила 313 человек, в том числе на Гродненской площадке — 130 человек, в цехе по производству изделий из натурального меха (Минск) — 25 человек, на Пинской площадке — 158 человек. В установленном порядке осуществлена передача имущества, инфраструктурных и производственных объектов, транспортных средств, иных средств и оборудования по балансовой стоимости 15,8 млн рублей, в том числе поголовья пушных зверей в количестве 24,2 тыс. голов.

Поголовье зверей на 01.11.2025 по УП «Гроднокоопмех» составило всего 308,9 тыс. голов, в том числе всего основного стада — 43,9 тыс. голов. В 2025 году предприятием получено 282,0 тыс. голов молодняка.

Меры по снижению финансовых обязательств и оптимизации производства и денежных потоков позволили организовать сбалансированное кормление зверей. По данным УП «Гроднокоопмех» за 10 месяцев 2025 года закуплено 5,5 тыс. тонн отечественных мясных кормов и 3,3 тыс. тонн рыбных кормов. За январь—сентябрь 2025 года УП «Гроднокоопмех» получено 4,6 млн рублей чистой прибыли, по состоянию на 01.11.2025 экспорт составил 1,5 млн долларов США (107,20 % к уровню 10 месяцев 2024 года), реализация на внутренний рынок — на сумму 2,7 млн рублей (в 4,7 раза больше к уровню 10 месяцев 2024 года). Обеспечен рост средней цены реализации за январь—октябрь 2025 года к соответствующему периоду 2024 года до 24,23 доллара США, или на 4,08 доллара США за шкурку (за январь—октябрь 2024 года — 20,15 доллара США).

Заключение. Принимаемые руководством Белкоопсоюза меры по оптимизации торговых объектов (сокращены на 8,30 %) практически не привели к снижению розничного товарооборота организаций Белкоопсоюза, который за 10 месяцев 2025 года составил 99,70 % к аналогичному уровню 2024 года, а меры по реструктуризации убыточных звероводческих организаций (УП «Белкоопмех») за 9 месяцев 2025 года по сравнению с аналогичным периодом 2024 года позволили увеличить доходность на 5,8 млн рублей. Это в целом указывает на эффективность проводимых Белкоопсоюзом мер.

Однако в потребительской кооперации остаются нерешенными проблемы, связанные со снижением загрузки производственных мощностей (особенно по безалкогольным напиткам, хлебу и мясу) и падением объемов производства в 2025 году практически по всем категориям (кроме мяса и рыбы).

Для решения указанных проблем целесообразно рассмотреть возможность:

1) оптимизации загрузки мощностей для увеличения процента загрузки и повышения фондоотдачи по категориям с наибольшим падением загрузки: воды минеральные и газированные (–15,1 п. п.) и мясо (–7,1 п. п.). Провести аудит рентабельности этих линий и, если падение связано с падением спроса, рассмотреть возможность консервации части мощностей или их перепрофилирования под выпуск более востребованной продукции (например, колбасных изделий, где загрузка выросла на 5,8 п. п.);

2) дозагрузки мощностей через контрактное производство (Co-packing) для категорий, где мощности простаивают, но спрос на рынке в целом есть (например, хлебобулочные изделия загружены лишь на 48,40 %), предложить услуги по производству сторонним брендам (торговым сетям под их частной маркой). Это позволит покрыть постоянные издержки;

3) проведения глубокой аналитики падения алкогольного сегмента (до 58,20 %) с разработкой антикризисного маркетингового плана для этой категории или рассмотрения вопросов о диверсификации рисков за счет усиления работы с регулятором производства алкогольной продукции (концерном «Белгоспищепром»);

4) стимулирования спроса по безалкогольным напиткам и минеральной воде путем пересмотра ценовой политики или проведения совместных промоакций с розничными сетями для разгрузки складов;

5) разработки линейки продукции с увеличенным сроком годности или «здоровых» продуктов (без глютена и т. д.), чтобы выйти в новые ниши и увеличить загрузку мощностей. Для хлеба и хлебобулочных изделий — 10,10 % в объемах;

6) рассмотреть возможность инвестиций в модернизацию производства тех линий, спрос на продукцию которых повышается (пищевой рыбной продукции и мяса).

Таким образом, основной резерв повышения эффективности видится в выравнивании ситуации в секторе напитков и воды, где зафиксировано наибольшее снижение, путем перезапуска маркетинговой стратегии, а также в перераспределении высвобождающихся мощностей из-под падающих объемов производства хлеба под выпуск колбасной и рыбной продукции.

Список цитируемых источников

1. Лукашенко озвучил размер убытка Белкоопсоюза // Новости СТБ. — Мн., 2000—2026. — URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/lukashenko-ozvuchil-razmer-ubytki-belkoopsoyuza> (дата обращения: 22.02.2026).

2. Пилуй, В. Н. Сохранение потребительской кооперации в Беларуси как инструмент социальной вовлеченности власти в поддержку отдаленных населенных пунктов / В. Н. Пилуй // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — СПб., 2024. — Вып. 4. — С. 52—57.

3. О потребительском кредитовании : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2023 г., № 992 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Мн., 2003—2026. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22300992> (дата обращения: 22.02.2026).

4. О деятельности организаций потребительской кооперации, осуществляющих разведение пушных зверей : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 июля 2025 г., № 283 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Мн., 2003—2026. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500283> (дата обращения: 22.02.2026).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 342.951:378(476)

Д. М. Ачинович

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, nach_ckpp@bseu.by

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА**

Анализируются проблемные аспекты административно-правового обеспечения в системе государственного управления высшим образованием. Выявлены проблемы нормативного разграничения форм дополнительной оплачиваемой педагогической деятельности, недостатки в реализации ведомственного регулирования в учреждениях высшего образования, сложности внутреннего административного контроля и возможные риски нарушения антикоррупционных требований. Представлены предложения по оптимизации работы профессорско-преподавательского состава в форме совместительства и по гражданско-правовым договорам.

Ключевые слова: профессорско-преподавательский состав; соотношение преподавателей и студентов; дополнительная педагогическая деятельность; совместительство; административно-правовое регулирование; государственное управление в сфере образования; ведомственное регулирование; антикоррупционные ограничения; административный контроль.

Библиогр.: 10 назв.

D. M. Achinovich

Institution of Education "Belarus State Economic University",
26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, nach_ckpp@bseu.by

**ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF ADDITIONAL
PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF THE ACADEMIC STAFF**

This article analyzes the problematic aspects of administrative and legal support in the public administration system of higher education. It identifies the issues of regulatory differentiation of forms of additional paid pedagogical activities, shortcomings in the implementation of departmental regulation at universities, the complexities of internal administrative control, and potential risks of violating anti-corruption requirements. Proposals are presented for optimizing the work of academic staff in the form of part-time employment and under civil contracts.

Key words: academic staff; teacher-student ratio; additional pedagogical activities; part-time employment; administrative and legal regulation; public administration in the field of education; departmental regulation; anti-corruption restrictions; administrative control.

Ref.: 10 titles.

Введение. В современных условиях качество образования и конечный результат в виде подготовленных специалистов для отраслей экономики во многом связаны с кадровым потенциалом учреждений образования. Ключевая роль в подготовке квалифицированных кадров принадлежит учреждениям высшего образования (далее — УВО) и их основному персоналу — профессорско-преподавательскому составу (далее — ППС). Именно к этой категории педагогических работников предъявляются дополнительные требования в соответствии с квалификационными справочниками, именно на нее обращено повышенное внимание со стороны руководства страны, государственных органов, научного и экспертного сообществ.

Кадровый дефицит и расширение практик дополнительной педагогической деятельности порождают задачи административно-правового упорядочения функционирования УВО, распределения полномочий между государством, образовательным ведомством и УВО, а также правового контроля за допустимыми формами такой занятости.

Проблематика кадрового обеспечения высшей школы должна рассматриваться не только в социально-экономическом, но и в административно-правовом измерении, поскольку дефицит преподавательских кадров влияет на организацию образовательного процесса, содержание управленческих решений и пределы ведомственного регулирования. Среди ключевых проблем отметим отток наиболее квалифицированных преподавателей из системы образования, снижение притока молодых специалистов, усложнение кадрового воспроизводства ППС [1] и др. Преподавателей средней возрастной категории в УВО недостаточно, на это отложили отпечаток 1990-е годы, когда был существенно снижен статус педагога, сокращена заработная плата, многие перспективные молодые ученые и педагогические работники ушли из сферы образования, снизив на настоящий момент представителей среднего поколения преподавателей и ученых в высшей школе [2, с. 1244].

На фоне кадрового дефицита ППС актуальными задачами УВО становятся развитие качественных характеристик преподавателей, повышение уровня укомплектованности ими учебных структурных подразделений, стимулирование педагогов к продолжению образования и научной деятельности, повышение статуса и благосостояния ППС, создание благоприятных условий для осуществления работы его представителями, в том числе предоставление в рамках законодательства возможностей для дополнительной работы, исключение практики наделения преподавателей несвойственными функциями.

Однако реализация данных задач сопряжена с отдельными трудностями и проблемами вопросами, решение которых в том числе может предотвратить нарушение работниками требований трудового законодательства и исключить возможные риски коррупционных проявлений.

Целью статьи является выявление проблем нормативного разграничения форм дополнительной оплачиваемой педагогической деятельности ППС и выработка предложений по совершенствованию административно-правового регулирования данной сферы.

Материалы и методы исследования. Работа основана на анализе Кодекса Республики Беларусь об образовании (Кодекс об образовании), Трудового кодекса Республики Беларусь (Трудовой кодекс), нормативных правовых актов республиканских органов государственного управления, официальных статистических данных в сфере образования, локальных правовых актов УВО, а также документов учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет». В публикации использованы труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам правового регулирования труда педагогических работников, организации образовательной деятельности и кадрового обеспечения высшей школы.

Методологическую основу статьи составили системный и структурно-функциональный подходы, общенаучные методы анализа и синтеза, а также формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с п. 2 ст. 50 Кодекса об образовании к ППС относятся педагогические работники, педагогическая деятельность которых направлена на реализацию содержания образовательных программ высшего, научно ориентированного образования, дополнительного образования взрослых, а также на руководство образовательной деятельностью УВО. ППС включает следующие должности: преподаватель-стажер, ассистент, преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан и его заместители, ректор (директор), первый проректор, проректор (заместитель директора) по основной деятельности, директор (заведующий) филиала, заместитель директора (заведующего) филиала по основной деятельности.

Выпуск 28 Единого квалификационного справочника должностей служащих «Должности служащих, занятых в образовании», утвержденный постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 29 июля 2020 года № 69, помимо уровня образования и стажа работы устанавливает дополнительные квалификационные требования к отдельным должностям специалистов и руководителей из числа ППС (по сравнению с обычными работниками): по наличию степени магистра, ученой степени кандидата или доктора наук, научных трудов или изобретений, патентов.

Так, ППС является особым объектом административно-правового воздействия в системе управления высшим образованием: через Кодекс об образовании и квалификационные справочники государство формирует управленческую модель допуска граждан к образовательной деятельности, устанавливает кадровые фильтры и через это влияет на организацию образовательного процесса.

В настоящее время одной из основных проблем белорусских УВО остается недостаточная укомплектованность должностей ППС. Причем за последние годы его количество снижается быстрее, чем уменьшается количество студентов и магистрантов. Так, за 2020—2025 годы численность ППС снизилась на 13,3 %, а обучающихся по программам высшего образования — только на 9,0 % [3; 4]. Ухудшение данного показателя объективно усиливает значение административно-правовых инструментов кадрового обеспечения образовательного процесса.

Важным показателем качества получаемого образования и престижа УВО является также соотношение ППС и обучающихся. Анализ данных Национального статистического комитета Республики Беларусь показывает, что если в 2020 году в белорусских УВО на 100 обучающихся приходилось 7,47 преподавателя, то уже в 2025 году — 7,12. То есть в рассматриваемые годы наблюдается постепенное удельное снижение количества ППС (на 6,3 %). Ввиду того, что данная статистика формируется на основе сведений УВО, можно уверенно утверждать, что указанная проблема характерна для большинства УВО страны, а численность преподавателей не дотягивает до требуемой величины. Например, согласно отдельным мнениям экспертов, звучавшим еще в 2007 году, оптимальным уровнем является количество ППС не менее 10 на 100 обучающихся, а значение ниже данного предела может вести к снижению качества обучения, научного и методического потенциала ППС [5].

Кроме того, в научных публикациях и статистических анализах широко представлен другой вариант соотношения: количество студентов на одного преподавателя. Опираясь на вышеприведенные исходные данные Минстата, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь в последние годы этот показатель, к сожалению, вырос: с 13,39 студента в 2020 году до 14,04 в 2025-м, и он превышает аналогичное значение в Российской Федерации. Однако необходимо отметить более низкие его темпы роста именно в Беларуси: в России количество студентов на одного работника ППС увеличилось с 2020 по 2025 год с 12 до 13. Несмотря на отрицательную динамику, указанные абсолютные показатели отстают от соответствующих значений только отдельных европейских стран [6, с. 336, 466—467].

Данные обстоятельства подчеркивают важность административно-правового обеспечения образовательного процесса, активизации государственного и ведомственного контроля ситуации в УВО, перераспределения учебной нагрузки среди преподавателей, а также установления нормативной определенности дополнительных форм педагогической деятельности.

Следует указать, что проблема нехватки ППС и необходимости корректировки его деятельности не нова: к ней постоянно приковывается внимание руководства страны и 20 лет назад, и сейчас. Одной из главных проблем высшего образования Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко считает непростую кадровую ситуацию: у молодых специалистов снижается интерес к научной карьере и преподавательской работе [7]. Причем при должном распределении кадров и преобразовании обучающих программ, по мнению Главы государства, дефицита преподавателей не будет, скорее, наоборот, возникнут дополнительные незадействованные кадры [8].

Министерство образования Республики Беларусь, в свою очередь, также ищет пути совершенствования деятельности ППС, в том числе исключая выполнение им несвойственных функций. В частности, это определено подп. 3.6.5 п. 3 приказа образовательного ведомства от 16 февраля 2026 года № 57 «Об итогах работы Министерства образования Республики Беларусь за 2025 год и задачах на 2026 год». То есть проблема с кадрами ППС получает отражение на уровне государственной образовательной политики и ведомственного управленческого воздействия, в то же время на повестке дня возникает необходимость правовой конкретизации отдельных организационных решений, полномочий и процедур.

В существующей практике одним из основных способов решения проблемы нехватки ППС является привлечение преподавателей к выполнению дополнительной работы по вакантным должностям в рамках совместительства (внутреннего или внешнего) или по гражданско-правовым договорам (далее — ГПД) об оказании образовательных услуг. При этом соответствующие кадровые решения должны оцениваться прежде всего с точки зрения их соответствия административно-правовой модели кадрового обеспечения высшей школы, а не только как способ оперативного закрытия вакансий. Кроме того, согласно п. 12 Общих положений единого квалификационного справочника должностей служащих, утвержденных постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 2 января 2012 года № 1, широко практикуется назначение работников на должности ППС в порядке исключения, когда, например, они не отвечают требованиям по образованию, наличию ученой степени или стажу работы.

В соответствии с ч. 1 ст. 343 Трудового кодекса под совместительством понимается выполнение работником в свободное от основной работы время оплачиваемой работы у того же (внутреннее совместительство) или у другого (других) нанимателя (нанимателей) (внешнее совместительство) на условиях другого трудового договора.

В случае заключения с работником трудового договора о работе по совместительству нанимателю необходимо учитывать ряд условий. Во-первых, при принятии решения о совместительстве необходимо оценивать не столько индивидуальную выгоду сторон, сколько влияние такого решения на организацию образовательного процесса, распределение учебной нагрузки, устойчивость кадрового контура и возможность надлежащего внутреннего административного контроля. Во-вторых, дополнительная занятость ППС допустима лишь постольку, поскольку она не создает управленческих дисфункций, не снижает качества образовательной деятельности и не формирует предпосылок для конфликта интересов.

Следовательно, работа по совместительству в УВО должна оцениваться через категории управленческой целесообразности, правовой определенности и контролируемости соответствующих кадровых решений. Важно, чтобы имеющееся в распоряжении педагога время использовалось также для отдыха и восстановления работоспособности, а не было полностью занято работой по нескольким должностям, в том числе связанным с руководством подчиненными.

В частности, известны примеры, когда отдельные представители ППС, работая на целую ставку, принимаются на преподавательские должности на 0,5 ставки на условиях внутреннего совместительства. Дополнительно с ними могут заключаться договоры об оказании образовательных услуг и выполнении работ на условиях почасовой оплаты (проведение занятий с иностранными студентами, научное руководство, ведение соискателей, работа в составе государственных экзаменационных комиссий и т. п.). Учебная нагрузка для преподавателя только в одном УВО может достигать 1 800 часов в год. Кроме того, ППС зачастую оформляются на условиях внешнего совместительства еще в нескольких УВО, причем расположенных в разных населенных пунктах, что в отдельных случаях увеличивает их нагрузку примерно еще на 1 000 часов. Так, с учетом внешнего совместительства итоговая учебная нагрузка для отдельных преподавателей может достигать 2 700—2 800 часов в год.

Высока вероятность, что учебную работу в таком объеме работник не в состоянии выполнять физически, так как ему остается совсем мало времени для отдыха и решения личных дел. Ситуацию усложняет также то, что аудиторная нагрузка (проведение лекций, семинарских,

практических, лабораторных занятий, прием экзаменов, дифференцированных зачетов, зачетов, кандидатских экзаменов, государственных экзаменов по специальности и т. п.) в одном УВО по времени не должна пересекаться с занятостью в другом УВО. Кроме того, соответствующий наниматель должен контролировать установленный договором режим рабочего времени сотрудника, в том числе внешнего совместителя, вести на него учет явок на работу и ухода с нее.

С другой стороны, в существующей практике дистанционный формат работы по совместительству позволяет отдельным представителям ППС, если они достаточно профессиональны, активны и востребованы в образовательной среде (имеют ученое звание профессора и (или) ученую степень доктора наук, а также опыт руководящей работы на соответствующих должностях ППС), законно справляться и с достаточно большим объемом учебной нагрузки, работая в выходные дни, вечернее и даже ночное время. Вместе с тем при преобладании внеаудиторной нагрузки (проведение консультаций по подготовке, написанию и защите курсовых и дипломных работ, магистерских диссертаций, руководство различными видами практик, работа с аспирантами и докторантами, проверка контрольных работ и др.) и отсутствии в договоре конкретизированного режима рабочего времени такие работники фактически могут выпадать из полноценного учета явок на работу. Такому положению способствует ч. 3 ст. 343 Трудового кодекса, которая не ограничивает количество трудовых договоров о работе по совместительству, а также отсутствие при заполнении табеля использования рабочего времени сведений о начале и окончании работы с указанием только количества отработанных часов. Тем самым возникает ситуация нормативной и организационной неопределенности, при которой формальное соблюдение отдельных трудовых требований не исключает управленческих рисков для учреждения образования.

Иной вывод возможен лишь при наличии документально подтвержденных данных, основанных на изучении договора, индивидуального учебного плана, отчетных материалов и иных документов по внешнему совместительству преподавателя. Однако наниматель по основному месту работы сотрудника ограничен в данном праве, в том числе в рамках соблюдения законодательства о защите персональных данных. В такой ситуации недостаток первичной информации и ограничения, вытекающие из режима персональных данных, сужают возможности внутриорганизационного контроля и затрудняют принятие взвешенных управленческих решений в сфере дополнительной работы ППС.

Не исключено, что именно в интересах недопущения возможных нарушений трудового и антикоррупционного законодательства руководителям из числа ППС (ректору, проректорам по основной деятельности, директору филиала и его заместителям по основной деятельности, декану, заместителям декана, заведующему кафедрой), согласно постановлению Министерства образования Республики Беларусь от 2 сентября 2020 года № 224 «Об особенностях организации и оплаты труда педагогических работников» (далее — постановление № 224), предоставлена возможность заниматься дополнительной оплачиваемой педагогической деятельностью в рабочее время по основному месту работы.

Преподавательская деятельность, согласно постановлению № 224, не является совместительством, так как в данном случае она осуществляется по основному месту работы в рабочее время. Соответственно, ее выполнение не требует заключения отдельного трудового договора, как это предусмотрено при работе по совместительству. Объем педагогической нагрузки, выполняемой руководителями из числа ППС, установлен в количестве 18 часов в неделю. За каждый час по соответствующей должности служащего педагогического работника, которому устанавливается норма часов педагогической нагрузки за ставку, дополнительная оплата производится из расчета часового оклада с учетом надбавки за стаж работы в бюджетных организациях и надбавки за специфику работы в сфере образования, а также стимулирующих (компенсирующих) выплат за работу в сельской местности и надбавок за ученые степени и звания (при их наличии).

Для руководителей из числа ППС постановление № 224 создает специальный режим осуществления дополнительной педагогической деятельности по основному месту работы. Однако на практике большинство представителей ППС предпочитает совместительство, поскольку различие вариантов оплаты и оформления стимулирует смещение управленческой практики в сторону иных форм занятости. В результате нормативно предусмотренный специальный механизм фактически не достигает в полной мере своей регулирующей цели.

В то же время дополнительная работа в форме совместительства должна осуществляться в свободное от основной работы время, и в УВО нет возможности составлять расписание занятий, соблюдая интересы всех преподавателей, оформленных на работу по внутреннему совместительству. В результате возникает управленчески неблагоприятная ситуация, при которой кадровые решения о совместительстве не согласуются с режимом организации учебного процесса и фактическим распределением рабочего времени, и отдельным руководителям из числа ППС приходится проводить аудиторные занятия в свое основное рабочее время (например, с 08:30 до 17:30). Такое положение дел характерно для большинства УВО и указывает на недостаточность административной организации учебного процесса, несогласованность между кадровыми решениями и управлением расписанием, а также на слабую регламентацию внутреннего контроля за распределением нагрузки. Такие обстоятельства свидетельствуют об отдельных недостатках внутренней административной координации и снижают эффективность применения постановления № 224.

В связи с этим спорным является мнение в научной среде, что дополнительная педагогическая деятельность руководителей из числа ППС, согласно постановлению № 224, не осуществляется на практике ввиду отсутствия законодательного закрепления порядка ее оформления [9, с. 99]. Здесь, скорее, нужна правоприменительная определенность в виде соответствующих разъяснений профильных ведомств (Министерства образования, Министерства труда и социальной защиты, Министерства финансов), а не издание дополнительного нормативного правового акта. Такая попытка со стороны образовательного ведомства в рамках письма от 20 января 2021 года № 07-03-13/426/дс «О разъяснении законодательства» уже была, но в нем указывалось только то, что часы, выполненные свыше установленной нормы, оформляются трудовым договором о работе по совместительству. Выявленная проблема носит не столько частноправовой, сколько регулятивно-управленческий характер, связана с недостаточной ведомственной интерпретацией порядка применения уже действующих норм.

Следует также обратить внимание на правовую неоднозначность заключения с ППС ГПД об оказании образовательных услуг. Существуют экспертные мнения, что выполнение учебной нагрузки в таком формате является подменой трудовых отношений. Кроме того, в соответствии с письмом Министерства образования Республики Беларусь от 15 января 2020 года № 07-03-13/348/дс оказание услуг по ГПД должно осуществляться за пределами рабочего времени по трудовому договору, установленного законодательством, что свидетельствует о стремлении образовательного ведомства ограничить практики, способные создавать предпосылки для нормативной неопределенности и обхода установленных требований к организации дополнительной педагогической деятельности. Поэтому использование ГПД в образовательной сфере требует оценки с точки зрения пределов административной дискреции УВО, возможности привлечения лиц к реализации образовательных функций вне устойчивого кадрового контура, прозрачности принятия решений и профилактики коррупционных практик.

В целях оптимизации работы ППС в форме совместительства и по ГПД, повышения определенности административной практики, предупреждения коррупционных рисков и усиления внутреннего контроля в УВО целесообразно:

– закреплять в локальных правовых актах УВО порядок согласования дополнительной педагогической нагрузки с учетом основного режима рабочего времени, расписания учебных занятий и фактической возможности надлежащего исполнения обязанностей по каждой должности;

– не допускать оформления совместительства и заключения ГПД в случаях, когда они объективно ведут к пересечению режимов основной и дополнительной работы либо фактически подменяют устойчивую трудовую функцию преподавателя разовым договорным оформлением;

– шире использовать предусмотренные законодательством специальные механизмы дополнительной педагогической деятельности руководителей из числа ППС, включая условия и возможности, предусмотренные постановлением № 224;

– при дистанционной организации труда закреплять в локальных правовых актах и договорах конкретные формы контроля работника и способы подтверждения им исполнения своих обязанностей.

На государственном уровне также необходимо предусмотреть дополнительные меры по повышению статуса и благосостояния ППС, включая повышение заработной платы за счет расширения перечня надбавок и активного привлечения внебюджетных средств. Не менее значимым является стимулирование молодых преподавателей к получению научно ориентированного образования и защите диссертаций. Для перспективного развития высшей школы важно использовать такие формы стимулирования, которые ориентируют преподавательские коллективы на долгосрочную мотивацию, достижение общих целей и повышение конечных показателей деятельности УВО [10, с. 194].

Заключение. В последние годы в белорусских УВО отмечается нехватка ППС, причем темпы снижения его численности превышают показатели по количеству студентов и магистрантов. Ситуация в этом вопросе не критическая, однако она требует принятия своевременных и целенаправленных мер реагирования на вузовском, ведомственном и государственном уровнях, направленных на совершенствование административно-правовой организации кадрового обеспечения высшей школы, повышение определенности управленческих решений и снижение рисков ненадлежащего применения различных форм дополнительной педагогической деятельности.

В интересах повышения эффективности кадрового обеспечения УВО необходимо совершенствовать административно-правовые средства управления дополнительной педагогической деятельностью ППС, включая нормативную определенность, ведомственные разъяснения, внутренний административный контроль и профилактику конфликта интересов. Реализация указанных мер позволит повысить правовую основу управленческих решений в сфере дополнительной педагогической деятельности ППС и минимизировать предпосылки нарушений трудового и антикоррупционного законодательства.

Список цитируемых источников

1. Федяева, А. Е. Стимулирование профессорско-преподавательского состава вузов / А. Е. Федяева // Научный электронный архив. — URL: <http://econf.rae.ru/article/5695> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Иванов, Е. Д. Развитие кадрового потенциала профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений Российской Федерации / Е. Д. Иванов // Экономика труда. — 2023. — Т. 10, № 8. — С. 1237—1252.
3. Численность обучающихся в учреждениях образования // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. — URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103-000002> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Численность педагогических работников // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. — URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10103000007> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Не более 10 студентов на преподавателя // Электронное издание «Экономическая Газета». — URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/ne-bolee-10-studentov-na-prepodavatelya-8463> (дата обращения: 28.02.2026).
6. Индикаторы образования: 2026 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. — 476 с.
7. Поправки продиктует жизнь // Сетевое издание SB.BY. — URL: <https://sb.by/articles/poppravki-prodiktuet-zhizn.html?amp=1> (дата обращения: 28.02.2026).

8. Лукашенко назвал пять главных проблем в системе высшего образования и ждет их решения // Официальный сайт Республики Беларусь BELARUS.BY. — URL: https://belarus.by/ru/press-center/news/lukashenko-nazval-pjat-glavnyx-problem-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-i-zhdet-ix-reshenija_i_167403.html (дата обращения: 28.02.2026).

9. Грицкевич, Т. Р. Использование договорных отношений в работе профессорско-преподавательского состава / Т. Р. Грицкевич // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2021. — № 2. — С. 95—100.

10. Сеничева, Л. В. Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений: мотивация и стимулирование трудовой деятельности / Л. В. Сеничева // Социальная политика и социология. — 2010. — № 5 (59). — С. 187—194.

Поступила в редакцию 17.05.2026.

Репозиторий БарГУ

УДК 347.15:004.8

А. А. Богустов, кандидат юридических наук, доцентУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
пер. Доватора, 3/1, 230012 Гродно, Республика Беларусь, bogustov_aa@grsu.by

О ВОЗМОЖНЫХ МЕХАНИЗМАХ ОХРАНЫ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ГОЛОС В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуется проблема гражданско-правовой охраны голоса гражданина в контексте развития технологий искусственного интеллекта, позволяющих создавать высококачественные голосовые фабрикации. Автор констатирует, что существующие правовые механизмы, такие как защита персональных данных и смежных прав исполнителей, не обеспечивают комплексной защиты от несанкционированного использования и фабрикаций голоса. На основе сравнительно-правового анализа доказывается, что право на голос по своей юридической природе, субъектному составу, порядку использования и механизму защиты практически идентично праву на изображение. Делается вывод о нецелесообразности закрепления права на голос в качестве самостоятельного нематериального блага. Вместо этого предлагается охранять голос гражданина в рамках расширения содержания права на изображение, что также будет способствовать признанию последнего в белорусском законодательстве. Подчеркивается, что законодательство о персональных данных не может в полной мере решить проблему охраны права гражданина на голос.

Ключевые слова: право на голос; нематериальные блага; искусственный интеллект; гражданско-правовая охрана; право на изображение; цифровая фабрикация.

Библиогр.: 16 назв.

A. A. Bogustov, PhD in Law, Associate ProfessorInstitution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
3/1 Dovatora Lane, 230012 Grodno, the Republic of Belarus, bogustov_aa@grsu.by

ON POSSIBLE MECHANISMS FOR PROTECTING A CITIZEN'S RIGHT TO A VOICE IN THE NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the issue of civil law protection of a citizen's voice in the context of the development of artificial intelligence technologies that enable the creation of high-quality voice fabrications. The author states that existing legal mechanisms, such as the protection of personal data and related rights of performers, do not provide comprehensive protection against unauthorised use and fabrication of voice. Based on comparative legal analysis, it is argued that the right to a voice is virtually identical to the right to an image in its legal nature, subject composition, manner of use and protection mechanism. The conclusion is drawn that it is inappropriate to enshrine the right to a voice as an independent intangible asset. Instead, it is proposed to protect a citizen's voice by expanding the content of the existing right to an image, which will also contribute to the recognition of the latter in Belarusian legislation. It is emphasised that personal data legislation cannot fully solve the problem of protecting a citizen's right to a voice.

Key words: right to voice; intangible assets; artificial intelligence; civil law protection; right to image; digital fabrication.

Ref.: 16 titles.

Введение. В статье, опубликованной ранее [1, с. 103—107], автор исследовал необходимость признания права на изображение в качестве личного неимущественного права, поскольку механизмы охраны персональных данных лишь частично способны обеспечить интересы граждан в этой сфере.

При этом с нерешенностью вопроса о защите права на изображение в белорусском законодательстве связана еще одна проблема, возникшая в последние годы в связи с развитием цифровых технологий и, в частности, искусственного интеллекта (далее — ИИ). Она состоит в неопределенности правового режима голоса гражданина. В этой связи можно согласиться с мнением Д. Е. Богданова, отмечавшего, что «очередная технологическая революция становится триггером в развитии концепции нематериальных благ человека» [2, с. 685].

Необходимость нормативного определения права гражданина на голос признается на международном уровне. Об этом свидетельствует Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [3], который акцентирует внимание на необходимость уяснения природы объектов, созданных в результате использования технологии цифровой фабрикации, представляющей собой «генерирование сфабрикованных образов людей и их отличительных особенностей (включая, например, их голос и внешность)» (п. 14).

В этой связи заслуживает внимания точка зрения П. В. Бахметьева, который указывал: «До недавних пор голос человека было практически невозможно подделать. Возможны были варианты пародирования голоса, подбора похожих голосов, либо монтажа заранее записанного голоса. Но, с появлением “обучаемых” нейронных сетей, появилась возможность создавать модели на основе индивидуального голоса человека, с помощью которых, нейронная сеть может синтезировать голос и интонацию человека» [4, с. 185].

Приведенное теоретическое положение подтверждается рядом практических примеров. Например, Союз дикторов России предлагал урегулировать использование синтезированного ИИ голоса, поскольку «дикторы сталкиваются с проблемой потери прав на собственный голос и кражей голосов» [5]. Согласно опубликованным в 2025 году результатам исследований зарубежных ученых [6], люди уже не могут отличать сгенерированные ИИ голоса от голосов реальных людей. Был сделан вывод об отсутствии статистически значимой разницы в способности различать голос, принадлежащий человеку, от его копии, созданной ИИ.

Это свидетельствует о том, что нормативное закрепление права гражданина на голос является актуальным и для отечественного законодательства. Однако существует проблема определения наиболее эффективного механизма охраны этого права. Этот вопрос осложняется тем, что единый подход к определению характера этого нематериального блага еще не сформирован, а национальные правовые системы, в том числе государств евразийского региона, предпринимают лишь первые шаги по его нормативному закреплению. Сказанное определяет актуальность и практическую значимость проводимого в настоящей работе исследования для определения возможных путей развития гражданского законодательства Республики Беларусь.

Объектом настоящего исследования выступает гражданско-правовой режим охраны нематериальных благ в условиях развития цифровых технологий.

Предмет исследования составляет право гражданина на голос как самостоятельное личное неимущественное право и поиск оптимального механизма его защиты в гражданском законодательстве Республики Беларусь.

Материалы и методы исследования. Среди научных работ, посвященных анализу сущности права гражданина на голос, следует отметить труды А. А. Бабенко [7, с. 183—202], П. В. Бахметьева [2, с. 184—188], А. Р. Будника [8, с. 49—66], А. Г. Матвеева и Е. Ю. Мартыновой [9, с. 118—131]. Они составили теоретическую основу проведенного в настоящей статье исследования.

Автор настоящей работы ранее также обращался к проблематике права гражданина на голос [10, с. 14—18], однако эта публикация, сделанная на основе доклада на конференции, по определению не могла носить комплексного характера и отразить всю совокупность существующих в рассматриваемой области проблем.

При написании статьи автором были использованы сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический), теоретико-правовой и системный методы научного исследования.

В качестве нормативной базы проведенного исследования автор использовал белорусское законодательство о защите персональных данных. Для проведения сравнительно-правового анализа использовались нормативные акты постсоветских стран, содержащие положения, относящиеся к определению права гражданина на голос.

Результаты исследования и их обсуждение. Решение вопроса о выборе наиболее эффективной модели защиты права гражданина на голос осложнено тем, что общепринятого подхода к определению его характера на настоящий момент еще не выработано, а национальное законодательство постсоветских стран делает лишь первые шаги по его закреплению. В качестве примера практической реализации нормативного закрепления права на голос можно упомянуть ст. 45 Гражданского кодекса Республики Молдова [11]. В ней установлено, что изображение гражданина включает в себя как внешний вид, так и голос лица. В этом случае охрана права лица на голос осуществляется путем расширения содержания права на изображение.

Право на голос все чаще начинает рассматриваться как самостоятельное неимущественное право гражданина. Видится, что его охрана по общему правилу не может быть осуществлена средствами права интеллектуальной собственности. Например, несмотря на некоторое внешнее сходство, запрет на фабрикацию голоса не может быть осуществлен в рамках охраны права исполнителя на исполнение. Это смежное право представляет собой «совокупность прав личного характера (личное неимущественное право), а также имущественное право, которым пользуются его обладатели в силу того, что они исполняют литературные, драматические или музыкальные произведения» [12, с. 313]. Следовательно, право на исполнение, как смежное право, существует в отношении представления, которое фактически имело место, а фабрикация ИИ голоса создает исполнение, которого в действительности не было. В этом случае ключевое значение приобретает необходимость охраны голоса как такового.

Для развития национального законодательства Республики Беларусь в этой области представляет интерес анализ проекта Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [13], предусматривающего дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) ст. 152.3 «Охрана голоса гражданина» (далее — Проект ГК). Необходимость его принятия объясняется тем, что технология синтеза речи массово используется «при озвучивании контента (аудиовизуальные произведения, лекции, аудиокниги, подкасты, клипы, музыкальные произведения), автоматизации работы операторов кол-центров, голосовых систем навигации и голосовых помощников».

Потребность в рассмотрении этого документа вызвана высокой степенью гармонизации гражданского законодательства Беларуси и России, а также ходом интеграционных процессов в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

Необходимо обратить внимание на то, что авторы Проекта ГК исходят из сходства права на голос и права на изображение, указывая в пояснительной записке к нему, что охрана голоса как объекта личных неимущественных прав предоставляется «по аналогии с изображением гражданина». Это порождает вопрос: не являются ли эти права идентичными? Не приведет ли вступление Проекта ГК в законную силу к искусственному увеличению числа охраняемых объектов?

Значительное сходство права на изображение и права на голос, приводящее к их практически полному совпадению, подтверждается, на наш взгляд, подобием субъективных прав их обладателей.

Во-первых, в п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК закреплено, что обнародование и дальнейшее использование голоса гражданина (в том числе записи, в которой он содержится, или записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий голос гражданина), допускаются только с согласия этого гражданина. Анализ этого положения показывает, что оно практически идентично правилам об охране изображения гражданина.

На право гражданина на изображение распространяются общие положения о нематериальных благах. Из анализа действующего законодательства (например, п. 1 ст. 150 ГК РФ [14]) следует, что, как и любые нематериальные блага, это право принадлежит гражданину, является неотчуждаемым и непередаваемым иным способом. А ст. 152.1 ГК РФ устанавливает, что использование изображения гражданина возможно лишь с его согласия.

Следовательно, содержания права гражданина на изображение и права на голос совпадают по субъектному составу и порядку использования.

Во-вторых, в п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК закрепляется порядок использования голоса гражданина после его смерти. В частности, предусмотрено, что после смерти гражданина его голос может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей. И этот элемент права на голос полностью совпадает с содержанием права на изображение. Например, из п. 1 ст. 152.1 ГК РФ следует, что после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей.

В-третьих, как было указано выше, из п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК следует, что основанием использования голоса является согласие гражданина. И это правило, на наш взгляд, не содержит каких-либо положений, существенно отличающихся от положений законодательства о праве лица на изображение.

В-четвертых, анализ п. 1 ст. 152.1 ГК РФ и п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК приводит к выводу о том, что случаи допустимого использования изображения и голоса без согласия гражданина полностью совпадают: использование в государственных, общественных или иных публичных интересах, фиксация этих объектов в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, запись этих объектов за плату.

В-пятых, в пп. 2, 3 ч. 2 ст. 152.3 Проекта ГК предусмотрены последствия нарушения права гражданина на голос. Они состоят в том, что изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащие голос гражданина, полученные или используемые с нарушением законодательства, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации.

Кроме того, гражданин вправе требовать удаления записи, а также пресечения или запрещения ее дальнейшего использования и распространения, если голос гражданина, полученный или используемый с нарушением установленных правил, распространен в сети Интернет.

Анализ последствий неправомерного использования голоса приводит к выводу, что они не отличаются от установленного в действующем законодательстве порядка защиты нарушенного права гражданина на изображение (пп. 2, 3 ст. 152.1 ГК РФ).

Следовательно, право гражданина на голос и изображение по характеру охраняемых прав, механизму охраны и неблагоприятным последствиям нарушения полностью совпадают. Основные идеи регламентации права гражданина на изображение и голос аналогичны и состоят в том, что эти объекты охраняются независимо от формы, характера и технических характеристик их фиксации и воспроизведения, а также целей использования. Более того, эти права имеют одинаковую ценность для их обладателя — голос человека столь же оригинален, как и его внешний облик, и в той же степени индивидуализирует его. Необходимо учитывать, что нарушения этих прав могут происходить в результате одного и того же действия: распространения видеозаписи либо генерации цифровой копии личности.

Исходя из сказанного выше, можно сделать важный для развития законодательства Республики Беларусь вывод о том, что предоставление охраны голосу гражданина может осуществляться лишь в комплексе с правом на изображение, что служит еще одним аргументом в пользу признания последнего в качестве самостоятельного права в национальном законодательстве.

При решении вопроса о необходимости закрепления самостоятельного характера права на голос следует учитывать, что отдельные положения, направленные на его охрану, содержатся в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» [15] (далее — Закон). Но это само по себе не дает основания говорить о том, что право гражданина на голос может быть урегулировано исключительно в рамках законодательства о персональных данных. Это связано с тем, что в ряде случаев использование голоса гражданина без его согласия выходит за рамки действия этого Закона. Можно говорить о том, что проанализированные ранее

автором настоящей статьи ограничения возможностей применения положений законодательства о персональных данных к праву гражданина на изображение [1, с. 103—107] в полной мере будут относиться и к праву на голос.

Это можно проиллюстрировать следующим примером. Закон в ст. 1 закрепляет понятие общедоступных персональных данных, которые «распространяются самим субъектом персональных данных либо с его согласия или распространяются в соответствии с требованиями законодательных актов». Существование подобного объекта «обусловлено возможностью фактически любого лица получить доступ к таким данным. В этой связи Законом установлен “облегченный” правовой режим обработки таких данных» [16]. Например, из абзаца 19 ст. 6 Закона следует, что такие данные могут обрабатываться без получения согласия субъекта персональных данных. Это фактически выводит из круга охраняемых Законом объектов голоса певцов, актеров, дикторов и дает возможность обрабатывать их голоса в качестве персональных данных без получения дополнительных разрешений. Очевидно, что использование этих объектов в целях создания голосовых фабрикаций будет нарушать интересы этих лиц.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Развитие технологий ИИ создало реальную угрозу несанкционированного использования и фабрикации голоса человека, что требует закрепления правовых механизмов его защиты. Действующие правовые институты (защита персональных данных, смежные права исполнителей) не способны обеспечить полную и эффективную охрану голоса гражданина от новых рисков, таких как цифровая фабрикация.

Сущностные черты права гражданина на голос и изображение совпадают. Это с доктринальной точки зрения позволяет трактовать право на голос в качестве одного из элементов права гражданина на изображение. Признание права гражданина на голос законодательством Республики Беларусь возможно лишь в случае закрепления права на изображение в качестве самостоятельного личного неимущественного права.

Список цитируемых источников

1. Богустов, А. А. Право гражданина на изображение и защиту персональных данных: вопросы соотношения / А. А. Богустов // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2025. — № 1 (17). — С. 103—107.
2. Богданов, Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ / Д. Е. Богданов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 50. — С. 678—704.
3. Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта : подгот. Секретариатом ВОИС 13 дек. 2019 г. WIPO/IP/AI/2/-GE/20/1. — URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053 (дата обращения: 23.10.2025).
4. Бахметьев, П. В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт / П. В. Бахметьев // Право и практика. — 2023. — № 4. — С. 184—188.
5. Союз дикторов России предложил урегулировать использование синтезированного ИИ голоса // Информационное агентство ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16900829> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Voice clones sound realistic but not (yet) hyperrealistic / N. Lavan, M. Irvine, V. Rosi, C. McGettigan // PLoS One. — 2025. — 20 (9). — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12459763> (дата обращения: 23.10.2025).
7. Бабенко, А. А. Правовая охрана голоса человека в условиях распространения голосовых генеративных нейросетей: опыт США, Китая и России / А. А. Бабенко // Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху : коллектив. моногр. / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. — М., 2025. — Вып. 20. — С. 183—202.
8. Будник, А. Р. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина / А. Р. Будник // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2025. — Т. 53, № 2. — С. 49—66.
9. Матвеев, А. Г. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании / А. Г. Матвеев, Е. Ю. Мартыанова // Ex jure. — 2023. — № 3. — С. 118—131.
10. Богустов, А. А. К вопросу об охране права гражданина на голос в условиях развития искусственного интеллекта / А. А. Богустов // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики — 2024 :

сб. докл. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2024. — С. 14—18.

11. Гражданский кодекс Республики Молдова. Книга первая. Общие положения от 6 июня 2002 г. № 1107-XV : с изм. и доп. по сост. на 22 мая 2025 г. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 23.10.2025)

12. *Липчик, Д.* Авторское право и смежные права / Д. Липчик ; пер. с фр. ; предисл. А. Федотова. — М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002. — 788 с.

13. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект федер. закона. — URL: https://storage.consultant.ru/site20/202409/17/pr_170924_834.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : с изм. и доп. по сост. на 31 июля 2025 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 23.10.2025).

15. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 : с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-3. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099&q_id=2520417 (дата обращения: 23.10.2025).

16. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» : по сост. на 23 февр. 2023 г. / А. А. Гаев, В. И. Диско, С. В. Задиран [и др.]. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02300536&q_id=1986233 (дата обращения: 23.10.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 347.775

С. Ю. Воробьев¹, М. В. Губич², кандидат юридических наук, доцент¹Научно-исследовательское и проектно-изыскательское республиканское унитарное предприятие «Белэнергосетьпроект», 1-й Твердый пер., 5, 220037 Минск, Республика Беларусь²Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», пр-т Машерова, 6А, 220005 Минск, Республика Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕР ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНОЙ

Противоправные действия в отношении информации, представляющей существенную коммерческую ценность для государственных органов и организаций, предприятий (вне зависимости от формы собственности) и иных юридических лиц и охраняемую в соответствии с требованиями белорусского законодательства, регулирующего правоотношения в сфере защиты коммерческой тайны, представляют собой серьезную угрозу для устойчивого социально-экономического развития страны и, соответственно, национальной безопасности. Несмотря на высокий уровень зрелости отечественной правовой системы информационной безопасности, сложившаяся практика привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушения режима коммерческой тайны и коммерческий шпионаж остается крайне низкой. Настоящее исследование анализирует ключевые причины этой ситуации и предлагает комплекс мер, включая расширение полномочий должностных лиц Комитета государственного контроля Республики Беларусь, направленных на повышение эффективности правоприменительной практики и правовой грамотности владельцев коммерческой тайны.

Ключевые слова: коммерческая тайна; конфиденциальная информация; информационная безопасность; конкурентная разведка; юридическая ответственность; профилактика правонарушений.

Библиогр.: 11 назв.

S. Yu. Vorobyov¹, M. V. Gubich², PhD in Law, Associate Professor¹Scientific Research and Design Republican Unitary Enterprise “Belenergosetproject”, 5 1st Tverdy Lane, 220037 Minsk, the Republic of Belarus²Educational Institution “Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus”, 6A Masherov Ave., 220005 Minsk, the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF LEGAL MEASURES TO PROTECT INFORMATION CONSTITUTING A COMMERCIAL SECRET

Illegal actions against information of significant commercial value to government agencies and organizations, enterprises (regardless of the form of ownership), and other legal entities, and protected in accordance with the requirements of Belarusian legislation, regulating legal relations in the field of commercial secret protection, pose a serious threat to the country's sustainable socioeconomic development and, consequently, national security. Despite the high level of maturity of the domestic legal system for information security (hereinafter referred to as IS), the established practice of imposing administrative and criminal liability for commercial secret violations and commercial espionage remains extremely low. This study analyzes the key causes of this situation and proposes a set of measures, including expanding the powers of officials of the State Control Committee of the Republic of Belarus, aimed at improving the effectiveness of law enforcement practice and the legal literacy of commercial secret holders.

Key words: commercial secret; confidential information; information security; competitive intelligence; legal liability; crime prevention.

Ref.: 11 titles.

Введение. С самых истоков цивилизации информация выступала в качестве одного из ключевых ресурсов власти, влияния и конкурентного преимущества в военно-политической сфере, дипломатии или хозяйственной деятельности. В условиях XXI века, характеризующегося стремительной цифровизацией, глобализацией экономических связей и обострением геополитической конкуренции, ценность информации многократно возросла. Особенно

остро эта тенденция проявляется в отношении коммерческой тайны (далее — КТ) — совокупности сведений, обладающих действительной или потенциальной коммерческой ценностью в силу неизвестности их третьим лицам и к которым отсутствует свободный доступ на законном основании.

В Республике Беларусь, где социально ориентированная рыночная экономика сочетается с сильной государственной ролью в стратегических отраслях, защита КТ приобретает не только частноправовое, но и публично-правовое значение. Утечка технологических, производственных или управленческих сведений может нанести ущерб как частным компаниям, так и национальной экономике в целом. При этом белорусские предприятия, особенно в высокотехнологичных и наукоёмких секторах (фармацевтика, машиностроение, энергетика, ИТ), всё чаще становятся объектом интереса со стороны иностранных спецслужб, транснациональных корпораций и криминальных структур, использующих как легальные (например, OSINT-методы), так и нелегальные средства получения конфиденциальной информации.

Научное сообщество активно исследует различные аспекты защиты КТ: от теоретико-правовых основ (И. Е. Илякова, С. Э. Майкова [1], О. С. Макаров [2; 3]) до практических механизмов противодействия экономическому шпионажу (А. И. Доронин [4], Д. А. Бондарь [5]). В то же время в отечественной юридической литературе отсутствует системное исследование, посвящённое анализу реальной правоприменительной практики в сфере привлечения к ответственности за нарушение режима КТ, а также выявлению структурных и институциональных причин её низкой эффективности.

Несмотря на наличие разветвлённой нормативной правовой базы, фактическое применение мер ответственности за разглашение КТ и коммерческий шпионаж остаётся крайне редким явлением. Эта парадоксальная ситуация требует не только эмпирического осмысления, но и выработки практико-ориентированных мер профилактики, направленных на укрепление как внутренней культуры безопасности на предприятиях, так и внешних контрольно-надзорных механизмов.

В настоящее время в белорусской научной литературе отсутствует исследование, посвящённое анализу привлечения к юридической ответственности за противоправные действия в отношении конфиденциальности КТ, выявлению причин и условий, им способствующих, предложению правовых мер профилактики.

Целью работы является анализ видов юридической ответственности за противоправные действия в отношении КТ, эффективности их применения, внесение предложений по совершенствованию законодательства.

Материалы и методы исследования. При написании данной статьи использовались сравнительно-правовой, формально-юридический и методы системного анализа.

Были изучены и проанализированы работы по информационному, уголовному, административному, гражданскому праву, нормативные правовые акты, статистика привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности КТ и коммерческий шпионаж.

Результаты исследования и их обсуждение. К настоящему времени в Республике Беларусь наработан и действует пространный пласт нормативных правовых актов, регулирующих сферу защиты информации и информационную безопасность (ИБ). Авторы разделяют точку зрения отечественных исследователей в области информационного права Г. А. Василевича, М. С. Абламейко, В. А. Шаршуна, утверждающих, что защита конфиденциальной информации рассматривается как один из столпов обеспечения ИБ, а современное белорусское законодательство в области обеспечения ИБ не только не является калькой с зарубежных аналогов, а представляет собой оригинальную, теоретически обоснованную совокупность нормативных правовых актов [6, с. 336].

Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (Закон № 455) КТ отнесена к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 года № 5, в абзаце 34 п. 29 корреспондирует с п. 86 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года № 1, в части рассмотрения угрозы для национальной безопасности утрату или разглашение информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (в том числе КТ). При этом обе концепции в синергии стимулируют необходимость выработки эффективных мер защиты конфиденциальной информации.

В соответствии с национальным законодательством за противоправные действия в отношении КТ виновное лицо возможно привлечь к дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Трудовым кодексом Республики Беларусь предусмотрено в качестве дополнительного основания прекращения трудового договора неподписание работником, которому для исполнения своих трудовых обязанностей необходим доступ к КТ, обязательства о неразглашении КТ либо разглашение КТ работником, имеющим к ней доступ (п. 6 ст. 47). Кодекс обязывает работника не разглашать КТ нанимателя, а также третьих лиц, к которой наниматель получил доступ (п. 10 ст. 53), обязывает нанимателя создавать работнику необходимые условия для соблюдения установленного режима КТ (п. 16-1 ст. 53), а также устанавливает ответственность в соответствии с законодательством представителей сторон коллективных переговоров, разглашающих сведения, являющиеся государственной тайной или КТ (абзац 5 ст. 375). Согласно п. 6.7 Декрета Президента Республики Беларусь от 15.12.2014 № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций», в качестве основания для расторжения нанимателем (как государственной, так и частной формы собственности) трудового договора (контракта) до истечения срока действия последнего, признаваемого дискредитирующим обстоятельством, в том числе может относиться разглашение КТ работником, имеющим к ней доступ.

Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит упоминание о КТ (ст. 680) и о режиме КТ (ч. 2 ст. 998, 1010). Представляется любопытной ст. 140, являющаяся бланкетной, так как в ней говорится об установлении правового режима информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, что отсылает нас к вышеупомянутой ст. 17 Закона № 455.

Несмотря на развитую правовую базу, практика привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности КТ в Республике Беларусь имеет незначительный характер, что говорит скорее не о неукоснительном соблюдении законодательства субъектами правоотношений в сфере защиты КТ, а о недостаточной правовой осведомленности владельцев КТ, отсутствии введения режима КТ в организациях и предприятиях, нежелании владельцев КТ «выносить сор из избы», т. е. обращаться в правоохранительные органы и суд в случае противоправных действий по отношению к сведениям, являющимся КТ, неустоявшейся практике подобных дел и материалов у сотрудников органов дознания и предварительного следствия.

Несмотря на разветвленную нормативно-правовую базу, регулирующую сферу защиты КТ, реальная практика привлечения к ответственности остаётся крайне скудной. Этот диссонанс между теоретической урегулированностью и практической неэффективностью требует эмпирического подтверждения и системного объяснения.

Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, за период с 2021 по 2024 год по ст. 254 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) «Коммерческий шпионаж» было зарегистрировано всего 3 уголовных дела: в 2021, 2023 и 2024 годах. По ст. 255 УК «Разглашение коммерческой тайны» за тот же период не было возбуждено ни одного дела.

Эта статистика свидетельствует о том, что:

– ст. 255 УК фактически не применяется на практике, что может быть связано как с отсутствием надлежащим образом оформленного режима КТ у большинства субъектов хозяйствования, так и с высоким порогом доказывания причинённого ущерба;

– ст. 254 УК хотя и используется, но в единичных случаях, что указывает на редкость ситуаций, в которых действия виновных лиц можно квалифицировать как целенаправленный сбор или передачу информации в интересах третьих лиц (в том числе иностранных субъектов) в целях причинения вреда владельцу КТ.

Примечательным примером может служить дело 2023 года, когда гражданка Республики Беларусь, работавшая на фармацевтическом предприятии, пыталась вывезти за границу конфиденциальные сведения о лекарственных препаратах, разработка которых потребовала инвестиций свыше 1 миллиона белорусских рублей [7]. Несмотря на очевидную коммерческую ценность информации и наличие угрозы экономической безопасности, дело было квалифицировано по ст. 254 УК и стало исключением, а не правилом.

Гораздо более тревожная картина наблюдается в области административной ответственности. В соответствии со ст. 23.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) «Разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны» за указанный период (2021—2024) не было составлено ни одного протокола. Единственный случай был зафиксирован в 2025 году (за 11 месяцев), что указывает не на возможное изменение подходов правоохранительных органов, а на возникновение резонансного инцидента, потребовавшего юридической реакции.

Сравнивая эти цифры с уровнем привлечения к ответственности за аналогичные правонарушения в других странах (например, в Российской Федерации в 2024 году по ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации привлечены к ответственности 50 человек [8]), можно сделать вывод, что белорусская правоприменительная практика в области защиты КТ характеризуется выраженным вакуумом, а статистика в Республике Беларусь не отражает реальный масштаб проблемы, а скорее указывает на структурные пробелы в правоприменении.

Необходимо акцентировать внимание на том, что административная (ст. 23.6 КоАП) и уголовная (ст. 255 УК) ответственность за разглашение КТ наступает по требованию привлечения виновного лица к ответственности.

По мнению правоохранительных органов, указанная ситуация обусловлена не отсутствием прецедентов по данным фактам, а сложностью дачи последним правовой оценки [9, с. 12]. Имеют место случаи, когда руководители предприятий (организаций) не предпринимают надлежащих мер для введения режима КТ, не разрабатывают механизм соблюдения работниками последнего. Это приводит к тому, что разнообразные сведения, связанные с производством, технологией, инновациями и другими вопросами деятельности предприятия, на разработку которых затрачены значительные денежные средства и ресурсы, становятся достоянием конкурентов [10].

Государство в лице соответствующих органов бдительно следит за обеспечением сохранности такого вида тайны, как государственные секреты, принципиально и неумолимо реагируя на противоправные действия в отношении последних [11]. При этом защита КТ и привлечение виновных к ответственности фактически отданы на откуп владельцам последней. Несмотря на то, что основным критерием отнесения сведений к КТ является коммерческая ценность информации, т. е. возможность извлекать прибыль, данный вид информации характерен не только для субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности, так как деятельностью, связанной с непосредственным получением прибыли, занимаются и государственные предприятия, государственные кредитно-финансовые учреждения и т. д. Исходя из определения КТ, под которым Законом Республики Беларусь от 5 января 2013 № 16-З «О коммерческой тайне» понимаются сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в том числе секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям закона,

в отношении которых установлен режим КТ, можно предположить о введении режима обеспечения сохранности КТ в отношении результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в государственном научно-исследовательском институте или, например, рецептуре популярного у населения печенья, изготавливаемого государственной кондитерской фабрикой (при этом в отношении рецептуры конкурирующими коллегами из-за рубежа могут быть предприняты действия, попадающие в состав статьи «Коммерческий шпионаж» УК).

Согласно ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИАП), к лицам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях по ст. 23.6 КоАП, относятся должностные лица:

- органов внутренних дел (ОВД) (п. 1 ч. 1);
- органов, осуществляющих контроль за эмиссией (выдачей), обращением и погашением ценных бумаг, деятельностью профессиональных участников рынка ценных бумаг (п. 33 ч. 1);
- прокурор (при осуществлении им надзорных функций) (п. 4 ч. 2).

В функции должностных лиц Комитета государственного контроля Республики Беларусь (далее — КГК) составление протокола по ст. 23.6 КоАП не входит (п. 3 ч. 1 ст. 3.30 ПКИАП), несмотря на то, что данное контрольное ведомство ежегодно выявляет значительное количество правонарушений в реальном секторе экономики и осуществляет координацию плановых проверок, проводимых контролирующими (надзорными) органами. При этом необходимо помнить, что КГК является одним из государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (п. 4 Перечня терминов их определений, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2023 года № 191 «Об упорядочении приобретения и использования транспортных средств»).

Изложенное позволяет утверждать, что защита КТ на белорусских предприятиях и в организациях (вне зависимости от формы собственности) от угроз нарушения конфиденциальности и коммерческого шпионажа должна стать приоритетом, который, обеспечив устойчивое развитие национальной социально-экономической сферы, является составным компонентом экономической безопасности государства (соответственно, и национальной).

Выявлению нарушений режима КТ на предприятиях и в организациях, следовательно, профилактике разглашения КТ и предупреждению коммерческого шпионажа, без сомнения, будет способствовать мониторинг (контроль) соблюдения режима КТ при осуществлении плановых (внеплановых) проверочных мероприятий.

В соответствии с Положением о Комитете государственного контроля Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2008 года № 647, КГК решает в том числе задачи по:

- защите интересов государства от противоправных посягательств в экономической сфере, обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь;
- проведению комплексных мероприятий по выявлению системных нарушений законодательства и отрицательных тенденций в экономике и социальной сфере;
- контролю за соблюдением государственными органами, иными организациями, проводящими проверки, порядка организации и проведения проверок;
- предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в экономической сфере.

Таким образом, наделение должностных лиц органов КГК правом составления протокола об административном правонарушении по ст. 23.6 КоАП путем внесения дополнения в п. 3 ч. 1 ст. 3.30 ПКИАП представляется логичным и обоснованным.

Так, КГК необходимо сориентировать государственные органы, иные организации, проводящие проверки, на мониторинг законодательства в сфере защиты КТ с направлением соответствующих материалов в ОВД для составления протокола при признаках состава административного правонарушения (ст. 23.6 КоАП) и (или) в органы предварительного расследования при наличии признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 254, 255 УК).

Следует указать, что среди барьеров на пути эффективного привлечения к ответственности за нарушение режима КТ является отсутствие единых подходов к правовой оценке подобных деяний сотрудниками правоохранительных органов. Так, основная сложность заключается в неоднозначности критериев установления коммерческой ценности информации, отсутствии формализованных признаков вреда, а также трудностях доказывания умысла на разглашение (особенно в случаях, когда информация передаётся под видом «общения с контрагентами» или «профессионального обмена опытом»).

В этих условиях представляется целесообразным заинтересованным субъектам разработать методические рекомендации для должностных лиц, осуществляющих дознание, предварительное следствие и прокурорский надзор, по вопросам: установления наличия режима КТ; доказывания факта доступа лица к сведениям, составляющим КТ; оценки коммерческой ценности информации и размера причинённого ущерба (в том числе упущенной выгоды); разграничения административного правонарушения (ст. 23.6 КоАП) и уголовно наказуемых деяний (ст. 254, 255 УК); определения признаков умышленного и виновного характера противоправных действий.

Такие рекомендации должны включать типовые доказательственные схемы, перечень необходимых документов (положения о КТ, перечень сведений, составляющих КТ, журналы ознакомления, соглашения о неразглашении и др.), а также примеры квалификации.

Введение подобного методического инструмента не только повысит квалификацию сотрудников правоохранительных органов, но и снизит риски отказов в возбуждении дел по формальным основаниям, тем самым способствуя формированию устойчивой и предсказуемой правоприменительной практики в сфере защиты КТ.

Заключение. Становление и укрепление государственности, рост производственной сферы и цифровизация национальной экономики, мир и согласие, царящие в белорусском обществе, вызывают интерес зарубежных спецслужб, подразделений экономической разведки транснациональных корпораций и криминальных сообществ. В этой обстановке защита конфиденциальной информации является вызовом времени для белорусских органов государственного управления, организаций и предприятий.

Несмотря на сформированную отечественную правовую основу обеспечения ИБ, характеризующуюся высоким уровнем зрелости, логическую, иерархическую и последовательную взаимосвязь между нормативными актами, входящими в ее состав, незначительная практика привлечения к административной и уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности КТ свидетельствует о необходимости внесения изменений и дополнений в ПИКоАП в части наделения должностных лиц КГК правом составления протокола об административном правонарушении по ст. 23.6 КоАП, что позволит санировать ситуацию в сфере обеспечения надлежащей защищенности конфиденциальной информации.

Таким образом, КГК, как основной контрольный государственный орган, координирующий проверочную контрольную деятельность государственных органов, а также иных организаций, задав последним вектор на мониторинг законодательства в сфере защиты КТ с направлением соответствующих материалов в ОВД для составления протокола при признаках состава административного правонарушения (ст. 23.6 КоАП) и в органы предварительного расследования при наличии признаков уголовно наказуемого деяния (ст. 254, 255 УК), поспособствует формированию правоприменительной практики с выявлением уязвимых мест предприятий и организаций при соблюдении режима КТ и обработке информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Также к мерам, направленным на повышение эффективности противодействия правонарушениям в сфере КТ, относится разработка методических рекомендаций для должностных лиц, осуществляющих дознание, предварительное следствие и прокурорский надзор, по вопросам: установления наличия режима КТ; доказывания факта доступа лица к сведениям, составляющим КТ; оценки коммерческой ценности информации и размера

причинённого ущерба (в том числе упущенной выгоды); разграничения административного правонарушения (ст. 23.6 КоАП) и уголовно наказуемых деяний (ст. 254, 255 УК); определения признаков умышленного и виновного характера противоправных действий.

Список цитируемых источников

1. Илякова, И. Е. Конкурентная разведка : учеб. для вузов / И. Е. Илякова, С. Э. Майкова. — 2-е изд. — М. : Юрайт, 2025.
2. Макаров, О. С. Правовая характеристика феномена тайны / О. С. Макаров // Аграрное и земельное право. — 2013. — № 11 (107). — С. 104—108.
3. Макаров, О. С. Системный взгляд на нормативное обеспечение информационной безопасности в Республике Беларусь / О. С. Макаров // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 8 (188). — С. 124—129.
4. Доронин, А. И. Бизнес-разведка 2.2 + OSINT / А. И. Доронин. — М. : ДМК Пресс, 2023. — 504 с.
5. Бондарь, Д. А. Понятие экономического шпионажа и правовые меры охраны коммерческой тайны / Д. А. Бондарь // Актуальные проблемы гражданского права. — 2024. — № 2 (24). — С. 217—228.
6. Информационное право : учеб. пособие / М. С. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича, М. С. Абламейко. — Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2021. — 424 с.
7. Коммерческую тайну фармпредприятия на сумму более Br1 млн едва не вывезла за границу борисовчанка // Белорусское телеграфное агентство. — URL: <https://belta.by/regions/view/kommercheskuju-tajnu-farmpredpriyatija-na-summu-bolee-br1-mln-edva-ne-vyvezla-za-granitsu-borisovchanka-601981-2023/> (дата обращения: 17.12.2025).
8. Судебная статистика Российской Федерации // Агентство правовой информации. — URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 17.12.2025).
9. Александров, В. Промышленный шпионаж. Впервые за 10 лет дело дошло до суда / В. Александров // Аргументы и факты в Беларуси. — 2017. — 5 дек. — С. 12.
10. Коммерческий шпионаж и преступления против информационной безопасности: прокуратура Партизанского района Минска поддержала обвинение по уголовному делу // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. — URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/kommercheskiy-shpionazh-i-prestupleniya-protiv-informatsionnoy-bezopasnosti-prokuratura-partizanskog/> (дата обращения: 17.12.2025).
11. Денис Урад осужден на 18 лет за измену государству // Белорусское телеграфное агентство. — URL: <https://belta.by/incident/view/denis-urad-osuzhden-na-18-let-za-izmenu-gosudarstvu-441266-2021/> (дата обращения: 17.12.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 347.77

Е. А. Кишкевич

Частное учреждение высшего образования «Международный институт управления и предпринимательства»,
ул. Славинского, 1, корп. 3, 220086 Минск, Республика Беларусь, kishkevick_katya@mail.ru

РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье представлен анализ правового закрепления отдельных понятий, регламентирующих разработки в области биотехнологий в системе интеллектуальной собственности Республики Беларусь. Новизна работы определяется анализом белорусского, евразийского и европейского законодательств в области биотехнологий, выявлением существующих в них противоречий, поиском подходов к совершенствованию законодательства Республики Беларусь, учитывая специфику биотехнологий как объекта прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; биотехнологии; биотехнологический продукт; биологический материал; биотехнологические изобретения.

Библиогр.: 19 назв.

Е. А. Kishkevich

Private Institution of Higher Education "International Institute of Management and Entrepreneurship",
1 Slavinsky Str., bldg. 3, 220086 Minsk, the Republic of Belarus, kishkevick_katya@mail.ru

DEVELOPMENTS IN THE FIELD OF BIOTECHNOLOGY IN INTELLECTUAL PROPERTY LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

This article presents an analysis of the legal consolidation of certain concepts regulating developments in the field of biotechnology in the intellectual property system of the Republic of Belarus. The novelty of the work is determined by the analysis of Belarusian, Eurasian and European legislation in the field of biotechnology, the identification of existing contradictions in them, and the search for approaches to improving the legislation of the Republic of Belarus, taking into account the specifics of biotechnology as an object of intellectual property rights.

Key words: intellectual property; biotechnology; biotechnological product; biological material; biotechnological inventions.

Ref.: 19 titles.

Введение. Актуальность данного исследования определяется возрастающей ролью биотехнологий в решении важнейших задач медицины, сельского хозяйства, промышленности и охраны окружающей среды, а также необходимостью создания эффективной правовой базы, обеспечивающей баланс интересов разработчиков, общества и государства. Появление новых объектов, таких как продукты синтетической биологии, биоинформационные базы данных, геномно редактированные организмы, создает вызовы для традиционной системы интеллектуальной собственности. Научная новизна исследования определяется терминологическим анализом понятий и определений, составляющих основу правовых норм, регулирующих разработки в области биотехнологий и патентоспособность биотехнологических продуктов.

Методология и методы исследования. При написании статьи использованы методы: сравнительно-правовой, формально-логический, формально-юридический и др. Теоретическую основу публикации составили труды отечественных и зарубежных авторов: А. Д. Иванкович, С. С. Лосев, В. А. Орешкин, А. А. Чикилева и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Как справедливо отмечает цивилист С. С. Лосев, «правовая система Беларуси в сфере интеллектуальной собственности построена по двухуровневой схеме. Фундаментальные, системообразующие положения закреплены в Гражданском кодексе Республики Беларусь, а их детализация осуществляется в специальных законах» [1, с. 51].

К объектам интеллектуальной собственности, согласно ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), относятся результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и (или) услуг [2]. Для биотехнологий наибольшее значение имеют такие объекты, как изобретения (включая биотехнологические процессы и продукты), полезные модели, секреты производства (ноу-хау), сорта растений и породы животных.

Важной новацией обновлённого ГК является уточнение оснований «возникновения правовой охраны:

1. В силу факта создания (например, для ноу-хау).
2. Вследствие государственной регистрации в патентном органе (для изобретений).
3. По иным основаниям, предусмотренным ГК и иными законодательными актами»

[1, с. 52].

Этот подход учитывает специфику различных биотехнологических разработок, некоторые из которых могут охраняться в режиме коммерческой тайны, а другие требуют обязательной государственной регистрации.

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее процесс создания и оборота разработок в области биотехнологий, находится на стадии формирования. В отличие от законодательства отдельных европейских государств, Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» не содержит понятий биотехнологических продуктов, разработок и т. д.

В отдельных нормативных правовых актах представлена следующая терминология в сфере правового регулирования биотехнологий.

В п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 года № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026—2030 годы» «к биотехнологиям отнесены: геномные, постгеномные, микробные, медицинские биотехнологии» [3]. При этом само понятие «биотехнологии» не приводится.

В постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2011 года № 119 «Об утверждении Положения о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы» в п. 82 указан термин «биотехнологический продукт как объект изобретения — продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными способами». Идентичное определение закреплено в Правилах составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения [4, п. 1.1].

Биотехнологический продукт определяется через открытый перечень материальных объектов, включая «живые объекты (растения, животные, штаммы микроорганизмов, культуры клеток растений и животных) и неживые объекты (гормоны, цитокины, ферменты, антигены, антитела, последовательности нуклеиновых кислот, плазмиды, векторы и другие, выделенные из растений, животных или микроорганизмов или полученные иными способами)» [5, п. 82].

Такое определение отличается чрезмерной широтой и неоднородностью, поскольку объединяет:

- объекты, созданные методами генетической инженерии;
- объекты, выделенные из природной среды;
- объекты, полученные иными биотехнологическими методами.

Это приводит к смешению правовых режимов и усложнению оценки патентоспособности биотехнологического изобретения.

К числу основных классов биотехнологических продуктов, имеющих значение для права интеллектуальной собственности, можно отнести:

- 1) фармацевтические и диагностические продукты: рекомбинантные белки (инсулин, интерфероны), моноклональные антитела, вакцины, диагностические тест-системы;
- 2) генные и клеточные терапии: продукты для редактирования генома (CRISPR-Cas9), технологии CAR-T;
- 3) биологически активные соединения: ферменты, антибиотики нового поколения, био-разлагаемые полимеры;
- 4) селекционные достижения: новые сорта растений и породы животных, созданные с применением биотехнологических методов (маркер-вспомогательная селекция, генная инженерия);
- 5) микроорганизмы и штаммы: промышленные штаммы для производства биотоплива, очистки сточных вод, пищевой промышленности.

Исходя из перечисленных классов, можно констатировать, что правовая природа биотехнологических продуктов является сложной и многогранной категорией.

В соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций о биологическом разнообразии «биотехнология означает любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования» [6, ст. 2].

Европейская патентная конвенция 1973 года (в редакции 2000 года) (ЕПК) в главе V «Биотехнологические изобретения» содержит правила 26—34, в которых приведены основные определения, касающиеся биотехнологических изобретений, упомянуты виды таких изобретений и указаны исключения из патентоспособности.

Согласно правилу 26 (2) Инструкции к ЕПК, «биотехнологические изобретения — это те изобретения, которые относятся к продукту, состоящему из биологического материала или содержащему такой материал, или к процессу, с помощью которого биологический материал производится, обрабатывается или используется» [7]. Правило 26 (3) гласит: «Биологический материал означает любой материал, содержащий генетическую информацию и способный к самовоспроизводству или к воспроизводству в биологической системе» [7].

Директива 98/44/ЕС «О правовой охране биотехнологических изобретений» (1998) оперирует терминами «биологический материал» и «биотехнологическое изобретение». «Биологический материал означает любой материал, содержащий генетическую информацию и способный к самовоспроизводству или воспроизводимый в биологической системе» [8, ст. 2]. Однако документ не приводит ни понятие, ни перечень биотехнологических изобретений. Статья 1 главы I гласит, что государства — члены ЕС должны охранять биотехнологические изобретения в рамках национального патентного законодательства и при необходимости приводить его в соответствие с положениями Директивы 98/44/ЕС. Такое положение позволяет государствам — членам ЕС самостоятельно определять природу биотехнологических продуктов и критерии их охраны. Охрана предоставляется не продукту как таковому, а изобретению, выраженному в биологическом материале. Это сужает круг охраняемых объектов по сравнению с белорусским подходом.

Согласно исследованию А. Д. Иванковича, «биотехнология обладает всеми признаками объекта гражданского права: пространственной и качественной дискретностью, юридической привязкой и системностью» [9, с. 62]. Исходя из системности объектов гражданских прав, биотехнология квалифицируется как объект права интеллектуальной собственности. Автор утверждает, что «биотехнология представляет собой изобретение, поскольку является техническим решением, отвечающим критериям новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости» [9, с. 62]. Надо полагать, за основу данного определения были взяты положения вышеназванной Директивы 98/44/ЕС.

На наш взгляд, это определение узкое и сводится к объектам, которые могут быть запатентованы. Проведя анализ материалов диссертаций по исследуемой проблематике, можно выделить ряд определений, предложенных авторами.

В. А. Орешкин под биотехнологией понимает «широкий комплекс специфических, вполне самостоятельных научно-технических отраслей, характеризующихся использованием в качестве предмета или средства производства, либо исследования, биологического или ассоциированного с биологическим материала» [10, л. 18]. Также В. А. Орешкин определяет «биологический материал как синоним биотехнологического продукта, который может представлять собой продукт молекулярного или клеточного уровня (также их фрагмент) как выделенный в очищенном виде из своего природного окружения, так и синтезированный или модифицированный техническими методами, либо модифицированное техническими методами растение или животное» [10, л. 12].

А. А. Чикилева в защищенной в 2007 году диссертации «Результаты генетической инженерии как объекты права интеллектуальной собственности» считает точку зрения В. А. Орешкина недостаточно обоснованной, придерживаясь мнения, что «биотехнологический продукт — это всегда результат человеческой деятельности, в то время как любой объект, содержащий генетическую информацию и способный к самовоспроизводству либо воспроизводимый в биологической системе, считается биологическим материалом» [11, л. 28].

Заслуживает внимания точка зрения Т. Д. Богдановой, согласно которой «к биотехнологиям относятся: продукты (штаммы микроорганизмов, генетические конструкции и др.); способы (извлечения биологического материала из биологического объекта, а также преобразование биологического материала в биотехнологию посредством улучшения или изменения его качества). Продукты биотехнологии можно получить из соответствующих биологических объектов или с применением указанных объектов» [12, с. 24].

Для авторского определения «биотехнологии» предлагается руководствоваться тем, что интеллектуальная собственность в области биотехнологий может быть признана как сфера многочисленных правовых инноваций и формирующегося особого правового режима, который включает следующие виды прав на объекты интеллектуальной собственности: авторское право, патентное право, право на защиту секрета производства (ноу-хау), правовую охрану товарных знаков [13, с. 110]. Основываясь на вышесказанном, под «биотехнологиями следует понимать биологические объекты, созданные для производства полезной продукции или являющиеся сами по себе такой продукцией, а также методы и методики создания этих биологических объектов и полезной продукции» [14, с. 152].

Исходя из определения, рассмотренного выше (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2011 года № 119), использование термина «биотехнологический продукт» вызывает следующие проблемы:

- смешение понятий — в одну категорию включены объекты разной правовой природы (например, живые организмы и химические соединения);
- отсутствие внутреннего единства — объекты, относящиеся к биотехнологическим продуктам, не связаны общими признаками, кроме биологического происхождения;
- некорректное использование категории «продукт» — в патентном праве продукт противопоставляется способу, однако биотехнологический продукт, по сути, является результатом способа.

Использование законодателем понятия «биотехнологический продукт» представляется терминологически некорректным в рамках установленной дихотомии «продукт—способ». Согласно ст. 2 закона «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы», изобретение может относиться либо к продукту, либо к способу. Однако в подзаконном акте «Положение о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы» возникает логическое противоречие. С одной стороны, продукт определяется через классические категории «устройство» и «вещество», с другой — п. 3 указанного положения вводит понятие

«биотехнологический продукт» тавтологическим образом, просто перечисляя его в ряду объектов, что методологически недопустимо. Подобный подход, при котором содержание изобретения-продукта раскрывается через саму категорию продукта, лишается правовой определенности и логической строгости [5, п. 3].

Для сравнительного анализа обратимся к Правилам составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения, где данный вопрос решен иным образом. В евразийском регулировании (хотя биотехнологический продукт также признается объектом изобретения) его определение встроено в более широкий контекст: изобретением считаются «созданные или преобразованные человеком материальные объекты или процессы» [4, п. 1.1]. Такой подход, предполагающий альтернативу «объект или процесс», позволяет избежать жесткой привязки биотехнологического продукта исключительно к категории продукта, снимая тем самым остроту вышеобозначенной проблемы, присущей национальному законодательству.

Согласно Положению о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы, объектом изобретения может являться продукт или способ, причем «биотехнологический продукт» выделен в отдельную категорию. «Для всех биотехнологических продуктов указываются осуществляемая ими функция или вид активности, происхождение, раскрывается способ, которым эти продукты получены, и подтверждается возможность их использования по заявленному назначению» [5, п. 121]. Однако указание на раскрытие способа получения приводит к правовой неопределенности: патентоспособным может быть признан либо сам продукт, либо способ его создания. Для таких традиционных объектов, как устройства или вещества, подобная двойственность отсутствует. Следовательно, необходима унификация подхода к продуктам биотехнологий, которая должна заключаться в их признании самостоятельным объектом охраны, так как уникальность биотехнологического продукта как объекта изобретения заключается в том, что его определение имплицитно содержит отсылку к способу получения.

Вышесказанное подтверждается тем, что распространенной практикой в Республике Беларусь и Российской Федерации для биотехнологических патентов является описание и продукта, и способа. Это позволяет истребовать более широкую защиту. Даже если формула заявки на выдачу патента на изобретение фокусируется на продукте, она должна содержать «описание изобретения, раскрывающее его сущность с полнотой, достаточной для осуществления изобретения специалистом в данной области техники» [15, ч. 2, ст. 1375]. Таким образом, продукт и способ неразрывно связаны.

Например, рассмотрим патент BY11916 «Штамм бактерий *Escherichia Coli*, продуцирующий нуклеозидфосфотрансферазу *Erwinia Herbicola*» (Беларусь). И штамм, и белок нуклеозидфосфотрансфераза являются продуктами, и формула изобретения сфокусирована на продукте, но в патенте содержится детальная информация по созданию генетических конструкций и клеточных линий, а также дальнейшая очистка и применение продукта [16].

В Республике Беларусь и Российской Федерации в названиях патентов используют оба термина: способ и продукт. В соответствии с ЕПК название должно содержать суть изобретения — или процесс (способ), или продукт.

Например, ЕПК и Договор о патентной кооперации (РСТ) в названии патентов указывают способ получения неживого продукта, что является сутью изобретения, но в патентах присутствует детальное описание генетических конструкций и клеточных линий, используемых для производства интерферона человека, их получение, что может считаться тоже продуктами (EP1310559A1 «Способ получения альфа-интерферона терапевтического действия» [17]; WO2009073975A1 «Получение рекомбинантных белков интерферона» [18]). Эти патенты представляют собой комбинацию «процесс (способ) + продукт».

В патенте, зарегистрированном в Российской Федерации, суть продукта и способа те же: получение интерферона с помощью специальных генетических конструкций и клеточных линий и дальнейшая очистка этого интерферона, заглавие отражает это (RU2294372C1 «Способ получения рекомбинантного интерферона Альфа-2b и интерферонсодержащий препарат (варианты)» [19]).

Заключение. Правовое регулирование разработок в области биотехнологии в системе интеллектуальной собственности Республики Беларусь представляет собой динамично развивающуюся систему, адаптирующуюся к вызовам современного технологического развития. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Разработки в области биотехнологий в Республике Беларусь рассматриваются как объекты интеллектуальной собственности главным образом в форме изобретений, что соответствует мировой практике.

2. Категория «биотехнологический продукт», используемая в белорусском законодательстве, не соответствует современным требованиям патентного права, так как биотехнологический продукт, по сути, является результатом способа, что подтверждается тем, что распространенной практикой в Республике Беларусь и Российской Федерации для биотехнологических патентов является описание и продукта, и способа. Это позволяет истребовать более широкую защиту.

3. По нашему мнению, продукты биотехнологий могут быть признаны самостоятельным объектом охраны, так как уникальность биотехнологического продукта как объекта изобретения заключается в том, что его определение имплицитно содержит отсылку к способу получения. Предлагается дополнить п. 1 ст. 2 «Условия предоставления правовой охраны изобретению» Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 года № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» ч. 3 следующего содержания:

«Для целей настоящего Закона биотехнологические изобретения означают изобретения, которые относятся к продукту, выделенному из природного окружения или полученному иными способами (биотехнологический продукт), или к процессу (способу), с помощью которого биотехнологический продукт производится, обрабатывается или используется».

Список цитируемых источников

1. Лосев, С. С. Основные новеллы раздела V Гражданского кодекса «Интеллектуальная собственность» / С. С. Лосев // Судовы веснік. — 2024. — № 1 (129). — С. 51—57.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.05.2026).
3. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026—2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.05.2026).
4. Правила составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения : утв. приказом Евраз. патент. ведомства от 15 фев. 2008 г. № 4 : с изм. и доп. от 29 дек. 2025 г. № 60. — URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobretenij/pravila-sostavleniya-podachi-i-rassmotreniya-zayavok-na-vydachu-evrazijskih-patentov-na-izobreteniya> (дата обращения: 02.05.2026).
5. Положение о порядке составления заявки на выдачу патента на изобретение, проведения по ней экспертизы и принятия решения по результатам экспертизы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февр. 2011 г. № 119 : с изм. и доп. от 28 июля 2023 г. № 493 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.05.2026).
6. Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 г. : с доп. протоколами 2000 г. и 2010 г. — URL: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/biodiv.shtml> (дата обращения: 02.05.2026).
7. Европейская Патентная Конвенция 1973 г. : с изм. и доп. от 29 нояб. 2000 г. — URL: <https://www.epo.org/en/legal/epc/2020/index.html> (дата обращения: 02.05.2026).
8. О правовой охране биотехнологических изобретений : Директива Европ. парламента и Совета Европ. Союза 98/44/ЕС от 6 июля 1998 г. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1440> (дата обращения: 02.05.2026).

9. *Иванкович, А. Д.* Правовая природа биотехнологии: отечественный и зарубежный опыт / А. Д. Иванкович // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. — Новополоцк, 2021. — С. 57—64.
10. *Орешкин, В. А.* Патентная охрана биологического (генетического и трансгенного) материала : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Орешкин Виктор Александрович ; Рос. гос. ин-т интеллект. собственности (РГИИС). — М., 2004. — 142 л.
11. *Чикилева, А. А.* Результаты генетической инженерии как объекты права интеллектуальной собственности материала : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Чикилева Анна Александровна ; Бел. гос. ун-т. — Мн., 2007. — 122 л.
12. *Богданова, Т. Д.* Объекты патентных прав и их правовой режим по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Богданова Тамара Дмитриевна ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. — Волгоград, 2015. — 27 с.
13. *Кишкевич, Е. А.* Отдельные аспекты охраны объектов интеллектуальной собственности в области биотехнологий / Е. А. Кишкевич // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 мая 2024 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. — Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. — С. 110—115.
14. *Кишкевич, Е. А.* К вопросу о дефиниции термина «биотехнологии» в контексте правовой охраны объектов интеллектуальной собственности / Е. А. Кишкевич // Экономика, право и проблемы управления : сб. науч. тр. ЧУВО МИУП. — Мн. : РИВШ, 2024. — № 12. — С. 145—154.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : с изм. от 23 июля 2025 г. № 235-ФЗ. — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/grazhdanskiy-kodeks-rossiyskoy-federacii-chast-chetvertaya> (дата обращения: 02.05.2026).
16. Патент BY 11916, МПК C12N 1/21 (2009.06), C12N 9/12 (2009.06). Штамм бактерий *Escherichia Coli*, продуцирующий нуклеозидфосфотрансферазу *Erwinia Herbicola* : № a20071196 : заявлено 01.10.2007 : опубл. 30.06.2009 / Ерошевская Л. А., Зинченко А. И., Квач С. В. ; заявитель Ин-т микробиологии НАН Беларуси. — URL: <https://by.patents.su/6-11916-shtamm-bakterijj-escherichia-coli-produciruyushhijj-nukleozidfosfo-transferazu-erwinia-herbicola.html> (дата обращения: 02.05.2026).
17. Patent EP 1310559 A1, EPO C12N 15/21 (2003.05), C07K 14/56 (2003.05). Process for the production of alpha interferon of therapeutical degree : № : 02024919.9 : filing date 06.11.2002 : publ. date 14.05.2003 / Tisminetzky S. G., Baralle F. E. ; applicant Int. Centre for Genetic Engineering and Biotechnology, Trieste (IT). — URL: <https://patents.google.com/patent/EP1310559A1/en> (date of access: 02.05.2026).
18. Patent WO 2009/073975 A1, PCT C12N 5/10 (2006.01), C07K 1/18 (2006.01), C07K 14/56 (2006.01), C12N 15/85 (2006.01), C07K 14/555 (2006.01), C12P 21/02 (2006.01). Production of recombinant interferon proteins : № 2008/002167 : filing date 10.12.2008 : publ. date 18.06.2009 / Yves DUROCHER ; applicant National Research Council of Canada. — URL: <https://patents.google.com/patent/WO2009073975A1/en> (date of access: 02.05.2026).
19. Патент RU 2294372 C1, МПК C12P 21/02 (2006.01), C12N 15/21 (2006.01), C07K 14/56 (2006.01). Способ получения рекомбинантного интерферона альфа-2b и интерферонсодержащий препарат (варианты) : № 2005118531/13 : заявлено 16.06.2005 : опубл. 27.02.2007 / Ищенко А. М., Митрофанов Е. В., Симбирцев А. С., Соловьева Л. Я. и др.; заявитель ООО «ЦИТОКИН». — URL: <https://patents.google.com/patent/RU2294372C1/ru> (дата обращения: 02.05.2026).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 347.73/336.025

С. Т. Малишевский

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»»,
ул. Казинца, 21, корп. 3, 220099 Минск, Республика Беларусь, 6828897@mail.ru

ВЛИЯНИЕ НЕУСТОЙКИ НА СТОИМОСТЬ ЗАЕМНЫХ СРЕДСТВ (ЭФФЕКТ НЕУСТОЙКИ)

Предметами исследования в настоящей статье стали реализуемая процентная политика Республики Беларусь, договорная неустойка, их обособленное влияние на стоимость заемных средств и соотношение друг с другом. Работа содержит новые подходы, позволяющие отличать правовую природу заемных и иных экономических отношений в их нормальном, ненарушенном состоянии от правоотношений с тем же предметом и сторонами в состоянии деликта. Изменение сущности исследуемых правоотношений по указанному признаку неизбежно приводит к трансформации неустойки как инструмента гражданско-правового обеспечения в инструмент гражданско-правовой ответственности, что требует применения иных правовых средств регулирования. На примере соотношения годовой стоимости заемных денежных средств по процентной ставке и их стоимости в результате применения договорной неустойки автором предложена к использованию математическая формула (индекс зависимости) определения порогового значения сравниваемых категорий, при достижении которого размер неустойки необходимо регулировать законодательством.

Ключевые слова: бесспорное взыскание; заемные средства; неустойка; пеня; процентная ставка; ставка рефинансирования; эффект неустойки; эффект процентной ставки.

Табл. 1. Библиогр.: 11 назв.

S. T. Malisheuski

Institution of Education of the Federation of Trade Unions of Belarus «International University «MITSO»»,
21 Kazintsa Str., bldg. 3, 220099 Minsk, the Republic of Belarus, 6828897@mail.ru

THE IMPACT OF PENALTIES ON THE COST OF BORROWED FUNDS (PENALTY EFFECT)

The subject of this study is the implemented interest rate policy of the Republic of Belarus, contractual penalties, their independent impact on the cost of borrowed funds, and their correlation with each other. The paper presents new approaches that make it possible to distinguish the legal nature of loan and other economic relations in their normal, non-breaching state from legal relations with the same subject matter and parties in a state of delict. A change in the essence of the analyzed legal relations based on this criterion inevitably leads to the transformation of penalties from an instrument of civil-law enforcement into an instrument of civil-law liability, which requires the application of other legal regulatory mechanisms.

Using the example of the relationship between the annual cost of borrowed funds at the interest rate and their cost resulting from the application of contractual penalties, the author proposes a mathematical formula (dependence index) for determining the threshold value of the compared categories, at which the amount of the penalty should be regulated by law.

Key words: indisputable recovery; borrowed funds; penalty; late-payment penalty; interest rate; refinancing rate; penalty effect; interest rate effect.

Table 1. Ref.: 11 titles.

Введение. Высокие процентные ставки изымают деньги из реального сектора экономики и препятствуют инвестиционной активности [1, с. 66]. Повышение процентных ставок делает кредиты дороже, а снижение — увеличивает спрос на товары и услуги, однако ведет к росту объема денежной массы и уровня цен. Таким образом, изменение стоимости заемных средств оказывает существенное влияние на инвестиционные решения, уровень потребления и общий экономический рост (эффект процентной ставки) [2].

Эффект процентной ставки является одним из ключевых механизмов денежно-кредитной политики государства, которая должна быть направлена на поддержание экономической стабильности и снижение инфляционных рисков. Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь определяются Национальным банком Республики Беларусь во взаимодействии с Правительством Республики Беларусь и утверждаются постановлением Правления Национального банка. Процентная политика реализуется государством посредством установления ставки рефинансирования. Решения об уровне ставки рефинансирования принимаются Правлением Национального банка [3].

По мнению автора, усилий только Национального банка, направленных на сбалансированное развитие экономики путем регулирования стоимости заемных средств исключительно для потребителей финансовых услуг, недостаточно по причине ограниченности имеющегося у регулятора правового инструментария и узкого спектра регулируемых им правоотношений, а зависимость иных видов заемных правоотношений от ставки рефинансирования носит частный и несистемный характер.

Последнее вытекает из того, что кредит является всего лишь одним из видов заемных отношений, имеющим ряд особенностей, определенных ст. 771 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК).

Цель работы — исследовать соотношение годовой стоимости заемных денежных средств по процентной ставке и их стоимости в результате применения договорной неустойки, по результатам выработать практические рекомендации по законодательному регулированию размера неустойки во всем массиве экономических правоотношений в случаях, когда ее договорной размер влияет на стоимость заемных либо заимствованных денежных средств не менее, чем результат реализации государством процентной политики.

Материалы и методы исследования. Материалами для исследования послужили нормы гражданского законодательства Республики Беларусь, научные публикации современных российских и белорусских ученых, статистические данные и информация сайтов Национального статистического комитета Республики Беларусь, Национального банка Республики Беларусь. В ходе исследования автором были использованы общелогические методы познания: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, что позволило выявить признаки закономерностей негативных результатов влияния договорной неустойки на стоимость заемных денежных средств и выработать предложения, направленные на устранение негативных последствий выявленных проблем.

Результаты исследования и их обсуждение. Применяемый Национальным банком инструмент регулирования стоимости заемных средств посредством установления ставки рефинансирования является наиболее эффективным лишь в нормальном, т. е. ненарушенном, состоянии договорных отношений, возникающих между заимодавцем и займополучателем. В состоянии гражданско-правового деликта процентная политика государства также оказывает влияние на стоимость денежных средств, полученных вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица (ст. 366 ГК).

В отличие от кредита, по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества (п. 1 ст. 760 ГК). При отсутствии в договоре условия о размере процентов их размер определяется ставкой рефинансирования Национального банка на день уплаты заемщиком суммы долга или его соответствующей части (п. 1 ст. 762 ГК).

Одним из видов займа является коммерческий заем. Размер процентов за пользование коммерческим займом может быть определен договором в размере, не превышающем трех-

кратной ставки рефинансирования Национального банка на день уплаты суммы долга или его соответствующей части (ст. 770 ГК).

Между тем стоимость заемных средств включает:

- процентные платежи (основная часть стоимости, заемных средств);
- комиссии и сборы (плата за обслуживание, пролонгацию кредитов);
- дополнительные расходы (оценка, страхование залога, предмета лизинга и пр.);
- штрафы и пени (санкции за нарушение условий договора).

Поскольку комиссии, сборы и дополнительные расходы составляют небольшую часть стоимости заемных средств, исключим их из числа объектов настоящих исследований, способных существенно влиять на уровень долговой нагрузки займополучателя. Очевидно, что в случае просрочки исполнения основного обязательства стоимость заемных средств будет также существенно зависеть и от установленной законодательством либо договором неустойки.

Право сторон на применение договорной неустойки вытекает из положений ст. 310, 311 и 391 ГК. Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законодательством или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, если иное не предусмотрено законодательными актами, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков (п. 1 ст. 311 ГК).

Необходимо отметить, что государство, как регулятор экономических отношений, не только реализует процентную политику, но и предпринимает иные действия, направленные на снижение стоимости заемных денежных средств, законодательно ограничивая размер неустойки при исполнении договоров строительного подряда [4], финансовой аренды (лизинга) [5] и др. Так, Законом Республики Беларусь от 17 октября 2025 года № 100-З «Об изменении законов по вопросам предоставления займов» [6] предусмотрены существенные изменения в правовое регулирование выдачи займов, где в качестве заемщика выступают физические лица. В данном случае законодательством вводятся лимиты на проценты и неустойку. Предусмотрено ограничение суммы штрафных санкций по договорам займа между физическими лицами. Указанные ограничения не применяются к правоотношениям, в которых в качестве заемщика выступают юридические лица либо индивидуальные предприниматели, т. е. субъекты экономических отношений, принимающие инвестиционные решения и представляющие реальный сектор экономики.

Оказываемое законодательное влияние, направленное на снижение стоимости заемных средств для конечных потребителей товаров и услуг, в совокупности с необходимостью проведения процентной политики подтверждают необходимость установления обоснованных лимитов на размер неустойки во всем массиве экономических отношений.

По оперативным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь «Состояние расчетов организаций Республики Беларусь на 1 декабря 2025 г.» [7], просроченная дебиторская задолженность составила 11 403,8 млн рублей, что составляет 116,4 % к 1 февраля 2025 года. При этом доля просроченной дебиторской задолженности по отношению к сумме общей дебиторской задолженности составляет 11,31 % (11 403,8 млн рублей / 100 772,6 млн рублей), т. е. «заимствованными», удерживаемыми, вовремя не возвращенными становятся каждые 11 рублей 31 копейка. Следовательно, доля неустойки в структуре стоимости заемных средств может быть значительной.

Между тем неустойка не должна быть способом обогащения и триггером роста стоимости заемных либо заимствованных денег, а должна быть мерой, направленной на стимулирование исполнения обязательства.

Так, важно определить пороговые математические значения ключевых параметров, влияющих на размер неустойки, при достижении которых неустойка будет влиять на годовую стоимость заемных денег не менее, чем процентная ставка по договорам займа либо ставка рефинансирования по иным видам договорных отношений с денежными обязательствами. Вполне оправданно утверждать, что необходимость проведения процентной поли-

тики доказывает необходимость государственного регулирования размера неустойки при ее достижении удельного уровня в общей структуре годовой стоимости заемных денег 50 % и более. Выбор в качестве базового параметра для сравнения со стоимостью неустойки годовой стоимости заемных денег по ставке рефинансирования обусловлен тем, что одной из задач процентной политики является необходимость обеспечения финансовой стабильности и устойчивое развитие экономики, а решается указанная задача путем использования Национальным банком базового инструмента — ставки рефинансирования.

Переменными, влияющими на размер неустойки в ее денежном выражении и достижение им определенного уровня в общей структуре стоимости заемных денег в валюте договора, будут являться:

- сумма заемных либо заимствованных денег, поскольку данный параметр влияет на цену процентного пункта;
- процентная ставка либо ставка рефинансирования;
- процент договорной либо законной пени и сумма штрафных санкций;
- период просрочки денежного обязательства.

Наиболее показательной с точки зрения необходимости принятия решения о государственном регулировании размера неустойки во всем массиве договорных отношений, обязательства сторон по которым являются денежными либо имеют денежный эквивалент, является не известная изначально переменная, определяющая период просрочки в днях, за который общая сумма пени и штрафных санкций (неустойки) по договору достигнет годовой стоимости заемного капитала по процентной ставке либо ставке рефинансирования.

Стоимость заемного капитала (Cost of Debt, CoD) в Республике Беларусь рассчитывается как отношение суммы годовых процентных платежей к общей величине займа [8] (метод эффективной процентной ставки).

Базовая формула расчета годовой стоимости заемного капитала по процентной ставке выглядит следующим образом:

$$Rd = \frac{100I}{C},$$

где Rd — стоимость заемного капитала в форме кредита;

I — общая сумма процентов к уплате за кредит за один год;

C — средняя сумма привлеченного капитала в год.

Формула расчета договорной неустойки выглядит следующим образом:

$$P = OST + F,$$

где P — сумма неустойки;

O — сумма просроченных обязательств;

S — процентная ставка пени по договору;

T — период просрочки в днях;

F — общая сумма штрафов по договору, обязанность по уплате которых наступила.

Следовательно, базовая формула соотношения стоимости заемных средств по процентной ставке либо ставке рефинансирования до достижения порогового значения будет выглядеть следующим образом:

$$\frac{100PdC}{OST + F} \geq 1. \quad (1)$$

В случае полной просрочки обязательств формула соотношения общей суммы процентов к уплате за один год к сумме пени будет выглядеть так:

$$\frac{Pd}{ST} \geq 1.$$

Следовательно, определить предельный период просрочки в днях до достижения суммы пени порогового значения можно по формуле

$$\frac{Pd}{S} = T.$$

Для наглядности разберем на примере установленной Национальным банком Республики Беларусь ставки рефинансирования 9,75 % годовых, сколько дней понадобится договорной неустойке, чтобы достигнуть суммы процентов к уплате за заем за один год в случае полной просрочки исполнения денежного обязательства (таблица 1).

Оберегая интересы должника при принятии решений об ограничении неустойки, необходимо соблюдать и интересы кредитора, для которого неустойка является способом обеспечения договорных обязательств.

По мнению автора, при законодательном ограничении размера неустойки с применением формулы (1) неустойка не утратит обеспечительную функцию, ослабевающую, как это не парадоксально, с возрастанием периода просрочки.

Так, О. А. Бакиновская и С. И. Марчук, ссылаясь на мнение Б. М. Гонгало [9, с. 54], считают, что «с момента нарушения основного обязательства изменяется правовая природа неустойки. Из способа обеспечения она превращается в форму ответственности...» [10].

Т а б л и ц а 1. — Соотношение ставки рефинансирования и договорной неустойки

Ставка рефинансирования <i>Rd</i> , %	Ставка пени по договору <i>S</i> , %	Период просрочки <i>T</i> , полных дней
9,75	0,025	390
9,75	0,1	98
9,75	0,2	49
9,75	0,3	33
9,75	0,4	24
9,75	0,5	20
9,75	0,6	17
9,75	0,7	14
9,75	0,8	13
9,75	0,9	11
9,75	1,0	10
9,75	2,0	5

С этим выводом нельзя согласиться без возражений. Неустойка, безусловно, утратит обеспечительную функцию и одновременно трансформируется в форму гражданско-правовой ответственности в момент исполнения основного обязательства. С момента же нарушения обязательства и увеличением периода просрочки его исполнения обеспечительная функция неустойки полностью не утрачивается, а ослабевает, поскольку угасает ее влияние на поведение должника, его готовность исполнить просроченное обязательство за счет собственных ресурсов либо предпринять действия, направленные на привлечение сторонних. С увеличением периода просрочки у должника усиливается иммунитет к неустойке, обусловленный ростом долговых обязательств в том числе и за счет самой неустойки, что может повлечь принятие им решения о прекращении деятельности посредством процедуры банкротства. В силу подп. 1.7 п. 1 ст. 103 закона от 13.12.2022 № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности» со дня открытия конкурсного производства начисление неустойки приостанавливается, она полностью утрачивает обеспечительную функцию. Из последнего вытекает, что последующее применение неустойки в качестве инструмента гражданско-правовой ответственности — событие, вероятность наступления которого ничтожно мала.

С угасанием обеспечительной функции неустойки по мере роста периода просрочки возрастает роль неустойки как формы гражданско-правовой ответственности (обратная пропорциональность) в виде ее уплаты кредитору. Для кредитора при высоких показателях процентной ставки пени по договору несвоевременное исполнение должником основного обязательства может быть выгоднее, чем исполнение. Данный вывод является очередным аргументом в пользу решения о необходимости государственного регулирования размера неустойки во всем массиве экономических правоотношений.

Заключение. По мнению автора, сумма платежей в результате применения договорной неустойки не должна превышать сумму годовых платежей по процентной ставке либо ставки рефинансирования, установленной Национальным банком, а с момента такого превышения неустойка должна переходить из разряда договорной в разряд законной, ее оптимальный размер в последующий период — двукратная ставка рефинансирования. Предложенное ограничение неустойки целесообразно закрепить в п. 3 ст. 311 ГК, дополнив его абзацем соответствующего содержания. В качестве альтернативы законодательному ограничению неустойки предложенный индекс зависимости сумм платежей по процентной ставке и по договорной неустойке может служить ориентиром для судов в случаях применения ими положений ст. 314 ГК.

Предлагаемый порядок ограничения размера неустойки будет логическим продолжением законодательного ограничения максимального договорного размера процентов за пользование коммерческим займом. Последний же не должен принимать на себя функцию дополнительной либо скрытой неустойки, соответственно, положения ст. 770 ГК должны распространять свое действие исключительно на заемные правоотношения в их ненарушенном состоянии. В случае просрочки оплаты положения договора о коммерческом займе необходимо квалифицировать как соглашение о неустойке (дополнительной неустойке), распространив на него изложенные выше ограничения. Данное предложение предлагаем закрепить в п. 2 ст. 770 ГК, дополнив его абзацем вторым соответствующего содержания.

Реализация предлагаемых новаций в купе с запретом бесспорного взыскания договорной неустойки посредством исполнительной надписи нотариуса [11, с. 115—116] позволит минимизировать негативные последствия влияния неустойки на стоимость заемных и заимствованных денежных средств, соответственно, окажет положительное влияние на инвестиционную активность, повышение уровня потребления товаров и услуг, общий экономический рост, т. е. нивелирует негативные последствия эффекта неустойки.

Список цитируемых источников

1. *Giblova, N.* Monetary policy in Russia: recent challenges and changes in unstable economic conditions / N. Giblova // Review of Business and Economics Studies. — 2015. — No. 1. — P. 57—66.
2. *Миннебаева, С.* Что такое эффект процентной ставки / С. Миннебаева // InvestFuture. — URL: <https://investfuture.ru/articles/effekt-protcentnoy-stavki-chto-oznachaet-sut-primery> (дата обращения: 04.02.2026).
3. О банке // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: <https://www.nbrb.by/today/about/general> (дата обращения: 04.02.2026).
4. О совершенствовании архитектурной, градостроительной и строительной деятельности : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 мая 2025 г. № 266 : в ред. от 2 дек. 2025 г. № 698 // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения: 04.02.2026).
5. О вопросах регулирования лизинговой деятельности : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 февр. 2014 г. № 99 : в ред. от 6 июня 2025 г. № 227 // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения: 04.02.2026).
6. Об изменении законов по вопросам предоставления займов : Закон Респ. Беларусь от 17 окт. 2025 г. № 100-3 // *іlex* : информ. правовая система (дата обращения: 04.02.2026).
7. Оперативные данные // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/finansy-organizatsiy/operativnye-dannye/> (дата обращения: 04.02.2026).
8. *Корсунский, Д.* Методика расчета и мониторинга стоимости предприятия для целей управления / Д. Корсунский // Банкаўскі веснік. — 2022. — № 7. — С. 47—61. — URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/-10995.pdf> (дата обращения: 04.02.2026).
9. *Гонгало, Б. М.* Учение об обеспечении обязательств / Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2002. — 220 с.
10. *Бакиновская, О. А.* Неустойка: действие во времени законодательства либо условий договора / О. А. Бакиновская, С. И. Марчук // Промышленно-торговое право. — 2018. — № 1. — С. 68—71.
11. *Малишевский, С. Т.* Роль процессуальных отношений при бесспорном взыскании денежных средств / С. Т. Малишевский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2025. — 2 (18). — С. 111—116.

Поступила в редакцию 18.05.2026.

И. П. Манкевич, кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 26, 220070 Минск, Республика Беларусь, unibel@mail.ru

ПРАВОВОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИЯ» И «ДАННЫЕ» В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ

В статье исследуется правовое соотношение понятий «информация» и «данные» в законодательстве Республики Беларусь в условиях цифровой трансформации и формирования экономики данных. Актуальность темы обусловлена активным использованием данных в государственных информационных системах, цифровых платформах, межведомственном обмене, аналитических сервисах и технологиях искусственного интеллекта при отсутствии единой общепромышленной дефиниции данных. Обосновывается, что информация сохраняет значение базовой категории информационного права, поскольку через нее раскрываются основные институты законодательства об информации, информатизации, информационных ресурсах, информационных системах и защите информации. Вместе с тем данные рассматриваются как специальная форма представления информации, обладающая юридически значимыми признаками: формализованностью, структурированностью, пригодностью для автоматизированной обработки, передачи, хранения, анализа, агрегирования и повторного использования. Показано, что в условиях экономики данных они приобретают самостоятельное значение как объект правового регулирования, управления, защиты, обмена и экономического использования. На основе анализа законодательства Республики Беларусь, документов цифровой политики, технических нормативных актов и научной доктрины выявлена терминологическая фрагментарность использования категории данных. Сформулирован вывод о необходимости нормативного уточнения общего понятия данных, предложен рамочный подход к его закреплению в целях разграничения правовых режимов различных видов данных.

Ключевые слова: информация; данные; экономика данных; информационное право; цифровая трансформация; цифровая экономика; персональные данные; правовой режим данных.

Библиогр.: 17 назв.

I. P. Mankevich, PhD in Law, Associate Professor

Institution of Education "Belarus State Economic University",
26 Partizanski Ave., 220070 Minsk, the Republic of Belarus, unibel@mail.ru

THE LEGAL RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS "INFORMATION" AND "DATA" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DATA ECONOMY

The article examines the legal relationship between the concepts "information" and "data" in the legislation of the Republic of Belarus in the context of digital transformation and the development of the data economy. The relevance of the topic is determined by the active use of data in state information systems, digital platforms, interagency exchange, analytical services and artificial intelligence technologies, while a unified general legal definition of data is absent. It is substantiated that information retains the status of the basic category of information law, since the main institutions of legislation on information, informatization, information resources, information systems and information protection are defined through this concept. At the same time, data are considered as a special form of representing information, characterized by legally significant features: formalization, structuring, suitability for automated processing, transmission, storage, analysis, aggregation and reuse. The article shows that, in the data economy, data acquire independent significance as an object of legal regulation, management, protection, exchange and economic use. Based on an analysis of the legislation of the Republic of Belarus, digital policy documents, technical normative acts and legal doctrine, the article identifies the terminological fragmentation in the use of the category of data. The conclusion is made that it is necessary to clarify the general concept of data at the normative level and to adopt a framework approach to its legal consolidation in order to distinguish between the legal regimes of different types of data.

Key words: information; data; data economy; information law; digital transformation; digital economy; personal data; legal regime of data.

Ref.: 17 titles.

Введение. Для современного права проблема разграничения понятий «информация» и «данные» уже не является исключительно теоретической. В условиях цифровой трансформации данные используются при создании цифровых платформ, государственных информационных систем, сервисов межведомственного обмена, аналитических инструментов и систем искусственного интеллекта. От точности их правового понимания зависит не только терминологическая согласованность законодательства, но и эффективность регулирования цифровой экономики.

В Республике Беларусь указанная тенденция получила отражение в Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026—2030 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 года № 793 (далее — Государственная программа «Цифровая Беларусь»), предусматривающей развитие системы и инфраструктуры управления данными, а также подпрограмму «Экономика данных» [1]. Вместе с тем действующее законодательство по-прежнему исходит преимущественно из категории информации. Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 года № 455-З (далее — Закон № 455-З) определяет информацию как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [2]. Единой общеправовой дефиниции данных при этом не закреплено.

В результате термин «данные» используется фрагментарно: в законодательстве о персональных данных, авторском праве, техническом регулировании, документах цифровой политики, банковской сфере, образовании и иных областях. Это осложняет разграничение правовых режимов персональных, обезличенных, открытых, государственных, больших и иных видов данных, а также определение условий их доступа, обработки, защиты, передачи и повторного использования.

Целью статьи является определение правового соотношения понятий «информация» и «данные» в законодательстве Республики Беларусь и обоснование необходимости нормативного уточнения общей категории данных. Для достижения цели определено место информации в системе информационно-правовых категорий, выявлены особенности использования термина «данные» в специальных правовых режимах, сопоставлены доктринальные подходы, предложена рамочная дефиниция данных.

Научная новизна исследования состоит в обосновании двойственной правовой природы данных как специальной формы представления информации и одновременно самостоятельного объекта правового регулирования, а также в предложении рамочной дефиниции данных для возможного нормативного закрепления.

Материалы и методы исследования. Материалы исследования составили нормы законодательства Республики Беларусь, документы государственной цифровой политики, технические нормативные акты, а также научные труды, посвященные правовому регулированию информации и данных в условиях цифровой трансформации и формирования экономики данных.

В процессе исследования использованы формально-юридический, системный и сравнительно-доктринальный методы. Формально-юридический метод применялся для анализа легальных дефиниций информации, персональных данных, данных смежных категорий. Системный метод позволил рассмотреть указанные понятия в структуре законодательства об информации, цифровом развитии, персональных данных, интеллектуальной собственности и техническом регулировании. Сравнительно-доктринальный метод использовался для сопоставления научных подходов к пониманию информации и данных как объектов правового регулирования. Метод правового моделирования применен при формулировании предложения о нормативном уточнении общей категории данных.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе проведен анализ соотношения правовых понятий «информация» и «данные» в законодательстве Республики Беларусь,

выявлены подходы к их разграничению, обоснована необходимость нормативного уточнения категории данных в контексте цифровизации и формирования экономики данных.

В национальном законодательстве информация выступает универсальным объектом правового регулирования. Закон № 455-З не только закрепляет ее общее определение, но и формирует систему производных категорий: информационный ресурс, информационная система, информатизация, защита информации, база данных, банк данных [2]. Тем самым информация выполняет системообразующую функцию для всей сферы информационных отношений.

Такой подход согласуется с классической доктриной информационного права. В. А. Копылов рассматривал информацию как основной объект информационной сферы [3], Д. В. Вершок обращал внимание на ее социально-правовую природу как совокупности знаков, сигналов и иных отображений, посредством которых возникают юридически значимые коммуникационные связи [4]. В научной литературе информация также характеризуется как ресурс социального развития и объект межотраслевого правового регулирования [5, с. 10].

Однако для цифровой экономики ключевое значение имеет не только содержание сведений, но и форма их представления, пригодность к автоматизированной обработке, совместимость, машиночитаемость, возможность обезличивания, обмена и повторного использования. Эти признаки не всегда раскрываются через широкую категорию информации. Именно поэтому в специальных правовых режимах законодатель все чаще использует термин «данные».

Наиболее показателен Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 года № 99-З, согласно которому персональные данные — это «любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или лицу, которое может быть идентифицировано» [6]. Данная формула демонстрирует, что данные раскрываются через информацию, но не сводятся к ней полностью, поскольку специальный режим персональных данных охватывает сбор, обработку, хранение, распространение, предоставление, обезличивание и защиту таких сведений.

Сходная логика прослеживается в законодательстве об авторском праве. Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 года № 262-З определяет базу данных как совокупность данных или другой информации, выраженную в любой объективной форме, представляющую собой по подбору или расположению этих данных или другой информации результат творческого труда [7]. Правовое значение здесь имеет не абстрактное содержание, а форма отбора, расположения, систематизации и объективного выражения сведений. Это подтверждает, что данные могут обладать самостоятельной юридической и экономической ценностью как структурированный результат организации информации.

Документы цифровой политики закрепляют более общий подход к данным. Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 года № 1074, определяет данные как «интерпретируемое представление информации в формализованном виде, удобном для передачи, хранения, обработки и анализа» [8]. Государственная программа «Цифровая Беларусь» связывает развитие экономики данных с ростом объемов обрабатываемой информации и формированием инфраструктуры управления данными [1]. Следовательно, происходит переход от модели, ориентированной преимущественно на информацию как объект доступа и защиты, к модели, в которой данные рассматриваются как ресурс, объект управления и элемент цифровой инфраструктуры.

Технические нормативные акты также исходят из понимания данных как формализованного представления информации. СТБ ISO 8000-2-2020 «Качество данных. Словарь», утвержденный постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 8 января 2025 года № 7, определяет данные как «интерпретируемое представление информации в формализованном виде, удобном для передачи, интерпретации или обработки» [9]. Сходные подходы используются в стандартах финансовых услуг и технологий [10] и образовательных стандартах [11]. Для права это имеет значение, поскольку технические свойства данных

постепенно приобретают юридическое содержание: формализованность позволяет предъявлять требования к форме их представления, структурированность — к совместимости и систематизации, пригодность к автоматизированной обработке — к информационным системам, алгоритмическим процедурам и мерам защиты.

В юридической литературе можно выделить три подхода к соотношению информации и данных. Первый рассматривает информацию как базовую категорию, а данные — как специальную форму ее существования или представления. Такой подход характерен для классической школы информационного права и согласуется с конструкцией персональных данных, определяемых через информацию [3; 6; 12]. Второй подход разграничивает информацию как осмысленное содержание и данные как формализованную внешнюю форму ее существования. Так, В. П. Иванский подчеркивает, что правовая природа информации связана не только со способом фиксации, но и со способностью быть воспринятой субъектом права [13, с. 229]. Третий подход исходит из самостоятельного значения данных как объекта специального правового регулирования. В работах Э. В. Талапиной, В. Н. Южакова, Д. Ю. Двинских и их соавторов обосновывается необходимость комплексного регулирования оборота данных в государственном управлении [14], а А. В. Минбалеев указывает на комплексный характер регулирования больших данных [15]. Таким образом, доктрина постепенно переходит от понимания данных как технической формы информации к их восприятию как самостоятельного объекта правового регулирования.

Отдельного внимания заслуживает позиция Н. А. Назарова о взаимной трансформации данных и информации: данные могут приобретать контекст и становиться информацией, а информация — представляться в виде данных [16]. Для правового регулирования это означает, что определяющим является не вопрос первичности информации или данных, а наличие юридически значимых признаков, позволяющих выделить данные в самостоятельную регулятивную категорию.

К таким признакам относятся: формализованность; структурированность или возможность структурирования; пригодность для автоматизированной обработки, включая сбор, хранение, передачу, анализ, сопоставление, агрегирование и преобразование; возможность многократного и повторного использования; экономическая и управленческая ценность; необходимость специального режима доступа, защиты, обезличивания, совместимости, передачи, контроля и ответственности.

Следовательно, данные не следует полностью отождествлять с информацией. Не всякая информация приобретает качество данных для целей цифрового регулирования, а только та, которая выражена в форме, позволяющей ее собирать, хранить, передавать, обрабатывать, анализировать, повторно использовать в информационных системах или иной организационно-технической среде. При этом данные сохраняют родовую связь с информацией, поскольку несут сведения и могут быть интерпретированы субъектом права или информационной системой.

С учетом изложенного целесообразно нормативно уточнить общее понятие данных и рассматривать их как информацию, представленную в формализованной цифровой или иной объективированной форме, пригодной для сбора, хранения, передачи, автоматизированной обработки, анализа, агрегирования и повторного использования. Такая дефиниция может быть закреплена либо в Законе № 455-З, либо в специальном нормативном правовом акте, регулирующем основы цифрового развития, управления данными и экономики данных. Предлагаемая дефиниция должна иметь рамочный характер. Ее назначение состоит не в унификации всех видов данных, а в создании базовой терминологической основы для дальнейшей дифференциации специальных правовых режимов. При этом необходимо учитывать нематериальный характер данных, их экономическую и управленческую ценность, возможность многократного использования, копирования, агрегирования и передачи без утраты исходного массива [17, с. 136].

Закрепление общего понятия данных позволит точнее определять режимы доступа, обработки, передачи, обезличивания и повторного использования данных, а также разграничивать обязанности субъектов, осуществляющих их сбор, хранение и обработку.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что понятия «информация» и «данные» находятся не в отношениях тождества, а в отношениях родовой и специальной правовых категорий. Информация сохраняет значение базового понятия информационного права, поскольку через нее раскрываются основные институты законодательства об информации, информатизации, информационных ресурсах, информационных системах и защите информации.

Основным результатом исследования является обоснование двойственной правовой природы данных. С одной стороны, данные представляют собой специальную форму существования и представления информации, обладающую юридически значимыми признаками: формализованностью, структурированностью, пригодностью для сбора, хранения, передачи, автоматизированной обработки, анализа, агрегирования и повторного использования. С другой стороны, в условиях экономики данных они приобретают самостоятельное значение как объект правового регулирования, управления, регулируемого обмена, защиты и экономического использования.

Отсутствие единой общепотраслевой дефиниции данных при активном использовании данного термина в специальных правовых режимах, технических нормативных актах и документах цифровой политики свидетельствует о необходимости нормативного уточнения общей категории данных. Закрепление рамочного определения позволит устранить терминологическую фрагментарность, обеспечить более последовательное разграничение правовых режимов различных видов данных и определить условия их доступа, использования, защиты, обезличивания, передачи и распределения ответственности между субъектами обработки.

Список цитируемых источников

1. О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026—2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2025 г., № 793 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
2. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 10 окт. 2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
3. Копылов, В. А. Информационное право / В. А. Копылов. — М. : Юристъ, 2002. — 242 с.
4. Вершок, Д. В. Правовой режим радиоэлектронной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Вершок. — URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=124340> (дата обращения: 07.05.2026).
5. Информационное право : учеб. пособие / М. С. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича, М. С. Абламейко. — Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2021. — 424 с.
6. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
7. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-З : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 9 января 2023 г. № 243-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
8. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2024 г., № 1074 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
9. Качество данных. Словарь : СТБ ISO 8000-2-2020 : постановление Гос. ком. по стандартизации Респ. Беларусь, 3 сент. 2020 г., № 48 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
10. Банковская деятельность. Обеспечение информационной безопасности. Общие положения : стандарт финансовых услуг и технологий СФУТ 9.01-2024 : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 20 июня 2024 г., № 185 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).
11. Образовательный стандарт. Среднее специальное образование. Специальность 5-04-0611-04 Программно-техническое обеспечение цифровых устройств. Квалификация Схемотехник-программист : постановление

М-ва образования Респ. Беларусь, 8 янв. 2025 г., № 7 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.05.2026).

12. *Бачило, И. Л.* Информационное право : учебник / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов ; под ред. Б. Н. Топорина. — СПб. : Юрист, 2005. — С. 24—72.

13. *Иванский, В. П.* Правовая сущность информации в условиях использования цифровых технологий / В. П. Иванский // RUDN Journal of Law. — 2025. — Т. 29, № 1. — С. 221—234. — DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1-221-234 (дата обращения: 07.05.2026).

14. Оборот данных в государственном управлении: перспективы правового регулирования / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, Д. Ю. Двинских [и др.] ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М. : Дело, 2020. — 244 с.

15. *Минбалеев, А. В.* Правовая природа больших данных / А. В. Минбалеев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2024. — Т. 24, № 3. — С. 88—93.

16. *Назаров, Н. А.* Соотношение и разграничение информации и данных / Н. А. Назаров // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19, № 11. — С. 21—30.

17. *Манкевич, И. П.* Экономика данных как объект правового регулирования / И. П. Манкевич // Модернизация правовой системы Республики Беларусь в период формирования информационного общества : монография / О. В. Бодакова [и др.] ; Бел. гос. экон. ун-т ; редкол.: О. В. Бодакова, О. М. Ленцевич. — Мн. : ИВЦ Минфина, 2025. — С. 122—138.

Поступила в редакцию 17.05.2026.

А. В. Сокол, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17,
220007 Минск, Республика Беларусь, nassstasssi@mail.ru

АВТОМАТИЧЕСКИ ГЕНЕРИРУЕМЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И АВТОРСКОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена анализу правового режима произведений, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, в контексте авторского права Республики Беларусь. Исследуются ключевые проблемы применения традиционных принципов авторского права к автоматически генерируемым произведениям. Рассматриваются различные типы произведений искусственного интеллекта и критерии их классификации в зависимости от степени человеческого участия. Проводится сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию данного вопроса в различных юрисдикциях, включая США, Китай, Великобританию и рекомендации Всемирной организации интеллектуальной собственности. Выявляются существенные пробелы в действующем законодательстве Беларуси, которое не содержит специальных норм для регулирования произведений, созданных искусственным интеллектом. Анализируются теоретические подходы к решению проблемы авторства произведений искусственного интеллекта. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию закона «Об авторском праве и смежных правах», включая введение критериев творческого участия человека, требований к маркировке и создание специального реестра. Исследование направлено на создание сбалансированной правовой основы, способствующей развитию инноваций при обеспечении защиты авторских прав.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторское право; автоматически генерируемые произведения; правовое регулирование; интеллектуальная собственность; творческое участие человека; оригинальность произведения; законодательство об авторском праве; цифровое право.

Библиогр.: 10 назв.

A. V. Sokol, PhD in Law, Associate Professor
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 17 Moskovskaya Str.,
220007 Minsk, the Republic of Belarus, nassstasssi@mail.ru

AUTOMATICALLY GENERATED WORKS AND COPYRIGHT: FEATURES OF THE LEGAL REGIME IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the analysis of the legal regime of works created using artificial intelligence technologies in the context of copyright of the Republic of Belarus. The key problems of applying traditional copyright principles to automatically generated works are investigated. Various types of AI works and criteria for their classification are considered, depending on the degree of human involvement. A comparative legal analysis of approaches to regulating this issue in various jurisdictions, including the USA, China, Great Britain and the recommendations of WIPO, is being conducted. Significant gaps are identified in the current legislation of Belarus, which does not contain special rules for regulating works created by AI. Theoretical approaches to solving the problem of authorship of AI works are analyzed. Specific proposals are being formulated to improve the Law on Copyright and Related Rights, including the introduction of criteria for creative human participation, labeling requirements, and the creation of a special registry. The research aims to create a balanced legal framework that promotes innovation while ensuring copyright protection.

Key words: artificial intelligence; copyright; automatically generated works; legal regulation; intellectual property; creative human participation; originality of the work; copyright law; digital law.

Ref.: 10 titles.

Введение. Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) и их способность генерировать оригинальные произведения, такие как тексты, изображения, музыка и видео, ставят под сомнение устоявшиеся принципы авторского права. Традиционная доктрина авторского права, разработанная в эпоху, когда творчество было исключительно прерогативой человека, сталкивается с беспрецедентными вызовами в контексте ИИ. Настоящая

статья посвящена анализу ключевых проблем применения авторского права к произведениям, созданным ИИ, и обзору существующих теоретических подходов, а также международного опыта в данной сфере.

Стремительное развитие технологий ИИ и появление генеративных моделей, создающих высококачественные и уникальные произведения в различных сферах (текст, изображения, музыка, видео), порождают юридическую неопределенность. Эта неопределенность связана с отсутствием четких критериев охраноспособности, определения субъекта авторского права и объема исключительных прав для произведений, созданных ИИ. Возникает насущная необходимость адаптации действующего законодательства об авторском праве к новым реалиям ИИ-творчества.

Динамичное развитие ИТ-сектора и растущий интерес к применению ИИ в различных отраслях экономики и культуры требуют формирования соответствующей правовой базы. Однако практические результаты в виде конкретных законодательных инициатив пока отсутствуют, что свидетельствует о разрыве между теоретическими дискуссиями на различных площадках и реальными правовыми решениями.

Объектом исследования являются *автоматически генерируемые произведения* — уникальные результаты творческой деятельности, созданные без прямого участия человека с использованием систем ИИ. Это могут быть тексты, музыкальные композиции, изобразительное искусство, программный код и другие объекты, созданные полностью или частично автономными алгоритмами.

Предметом исследования выступает *правовой режим и порядок регулирования автоматически генерируемых произведений в рамках авторского права* Республики Беларусь, включая авторство таких произведений, их охрану, правомочия по распоряжению ими, а также механизмы защиты прав в случае их нарушения.

Целью исследования является проведение всестороннего *анализа* действующего законодательства Республики Беларусь в сфере авторского права применительно к автоматически генерируемым произведениям. Это позволит выявить существующие пробелы, коллизии и проблемные зоны в правовом регулировании, а также сформулировать научно обоснованные предложения по его совершенствованию с учетом вызовов и возможностей, создаваемых развитием ИИ.

Методология и методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе будут применены следующие методы исследования: системный анализ, позволяющий рассматривать правовой режим произведений ИИ как целостную систему взаимосвязанных норм; сравнительно-правовой метод для изучения зарубежного опыта регулирования аналогичных вопросов; формально-юридический метод для толкования норм права; а также методы синтеза и обобщения для формулирования выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Искусственный интеллект — это область информатики, посвященная созданию систем, способная выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта. В научном сообществе существуют различные подходы к его определению: от узкого ИИ, ориентированного на специализированные задачи, до сильного ИИ, способного к общему пониманию и обучению на уровне человека. Однако когда дело доходит до законодательства, возникает сложность с четким определением ИИ, особенно в контексте его творческих способностей и правового статуса созданных им произведений. Для решения этой проблемы был разработан специальный глоссарий.

Сергей Кругликов отметил: «Мы подготовили глоссарий для того, чтобы развивать национальное законодательство. В данной предметной области, как и в любой другой, очень важно говорить на одном понятийном языке» [1]. Разработка терминологического аппарата является

важным, но недостаточным шагом. Унификация понятий должна сопровождаться созданием соответствующих правовых механизмов, чего пока не наблюдается в белорусской практике. Глоссарий включает порядка 180 терминов, призванных унифицировать терминологию.

В свете этих разработок крайне важно проводить четкое различие между ИИ как инструментом и ИИ как потенциальным «автором» или источником творчества.

Типы произведений, создаваемых ИИ:

1. Произведения, созданные ИИ под руководством и с существенным участием человека (например, генерация текста с последующим редактированием). К этой категории относятся произведения, где ИИ выступает как мощный инструмент или ассистент, значительно ускоряющий или облегчающий творческий процесс, но при этом решающая роль в концепции, структуре и финальном виде произведения принадлежит человеку. Примеры включают использование ИИ для генерации черновиков текстов, создания базовых музыкальных композиций, дизайна графических элементов или архитектурных проектов, которые затем дорабатываются, модифицируются и получают творческий вклад от человека-автора. Человеческое вмешательство здесь несет основной творческий характер [2, с. 242]. Например, архитектор может использовать ИИ для создания сотен вариантов планировки здания, но окончательный выбор, адаптация и внесение уникальных дизайнерских решений остаются за человеком.

2. Произведения, созданные ИИ с минимальным участием человека (например, выбор параметров, запуск процесса). В данном случае человек устанавливает общие параметры, правила или алгоритмы для работы ИИ, но сам процесс генерации и финальное формирование произведения происходят с крайне ограниченным или отсутствующим прямым творческим вмешательством. Примеры включают создание алгоритмической музыки на основе заданных жанровых характеристик, автоматическую генерацию новостных сводок из структурированных данных или создание изображений с помощью нейронных сетей, где человек лишь выбирает начальное изображение или текстовый запрос, но не контролирует детально каждый этап творческого процесса [2, с. 243]. Например, пользователь вводит текстовый запрос «пейзаж в стиле Ван Гога» в нейросеть, и система генерирует изображение, которое не может быть существенно изменено человеком без повторной генерации. Здесь правовая оценка усложняется, поскольку вклад человека минимален, но все же присутствует.

3. Произведения, созданные ИИ в автономном режиме. Это наиболее сложная для правового регулирования категория, где ИИ действует полностью самостоятельно, без какого-либо прямого человеческого участия в процессе создания произведения после его запуска. Такие системы могут самостоятельно обучаться, развиваться и генерировать новые работы, проявляя при этом элементы «творчества», которые могут быть неотличимы от человеческого [2, с. 243]. Вопрос об авторстве таких произведений остается предметом активных дискуссий. Классическим примером может служить система, которая непрерывно генерирует музыкальные произведения или живописные полотна, обучаясь на обширных массивах данных и развивая «собственный» стиль без прямого указания человека на создание конкретного произведения.

Представленная классификация хотя и является теоретически обоснованной, на практике сталкивается с проблемой четкого разграничения категорий. Определение «существенного участия» человека остается субъективным и требует выработки объективных критериев оценки.

Критерии «автоматического генерирования». Роль человеческого участия: определение степени творческого вклада человека. Один из ключевых критериев для определения «автоматически генерируемого» произведения — степень, в которой человек-оператор или разработчик ИИ внес творческий вклад. В контексте авторского права традиционно требуется «искорка творчества» человека. Необходимо анализировать, был ли человек лишь «пользователем инструмента» или же он принимал активное участие в формировании идеи,

выборе эстетических параметров, структурировании и окончательной доработке произведения, превращая его в свое интеллектуальное творение. Разграничение между «помощью» ИИ и «автономным творчеством» ИИ является центральным для правовой оценки.

Признаки «оригинальности» произведения, созданного ИИ. Оригинальность в авторском праве обычно означает, что произведение является «собственным интеллектуальным творением автора» и не было скопировано. Для произведений, созданных ИИ, возникает вопрос, может ли машина проявить «оригинальность» в человеческом понимании. Если ИИ лишь компилирует существующие данные или имитирует известные стили без привнесения новых, уникальных элементов, то его «творение» может быть лишено оригинальности. Однако если ИИ способен генерировать по-настоящему новые, неожиданные и уникальные формы, возникает необходимость переосмысления понятия оригинальности применительно к нечеловеческим субъектам.

Отличие от механического копирования или компиляции. Автоматически генерируемое произведение должно быть четко отличимо от простого механического копирования или компиляции существующих данных. Если ИИ просто собирает и переупорядочивает информацию из доступных источников без какой-либо трансформации или создания нового контента, это не будет считаться «произведением» в авторско-правовом смысле. Подлинное автоматическое генерирование подразумевает, что ИИ создает что-то новое, что ранее не существовало в таком виде, даже если его работа основана на анализе огромных массивов данных.

Категории произведений, созданных ИИ: музыка, тексты, изображения, программный код, дизайн и др. Развитие ИИ привело к появлению автоматически генерируемых произведений во множестве творческих областей. Это включает музыкальные композиции, созданные нейронными сетями, способными имитировать стили различных композиторов или создавать совершенно новые мелодии. В текстовой сфере ИИ генерирует новости, статьи, рекламные слоганы, сценарии и даже художественные произведения. Изображения, созданные ИИ, варьируются от реалистичных фотографий несуществующих лиц до абстрактных картин и уникальных дизайнерских решений. ИИ также активно используется для генерации программного кода, оптимизации дизайна промышленных изделий и создания новых архитектурных форм. С каждым годом список этих категорий расширяется, охватывая все новые и новые виды творчества.

Правовое регулирование произведений, созданных ИИ, в Беларуси и странах Евразийского экономического союза. В Беларуси и других странах ЕАЭС, таких как Россия, Казахстан, Армения и Кыргызстан, вопросы правового регулирования произведений, созданных с использованием ИИ, находятся в стадии активного обсуждения и формирования. Законодательства этих стран, базирующиеся на традиционных концепциях авторского права, где автором признается физическое лицо, сталкиваются с вызовами, связанными с определением субъекта авторства и оригинальности в контексте ИИ. Отсутствие прямого законодательного закрепления правового статуса ИИ-генерируемых произведений порождает необходимость разработки новых подходов или адаптации существующих норм.

В большинстве случаев акцент делается на степени человеческого участия в создании произведения. Ведутся дискуссии о возможности введения расширения понятия «автор или соавтор» для учета специфики роли ИИ в творческом процессе [3, с. 108].

В России (ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации) автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Аналогичное определение содержится в международных документах, в частности, в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений. Согласно текущему определению, ИИ не может быть признан субъектом авторского права. Несмотря на значительную степень автономности, ИИ не обладает правосубъектностью. Таким образом, результат интеллектуальной деятельности, полностью созданный ИИ без участия человека, не может быть юридически признан объектом авторского права в традиционном его понимании, поскольку отсутствует лицо, способное обладать правом на авторство. Как

следствие, действующее национальное законодательство фактически не учитывает творческие результаты, полученные без человеческого вмешательства, и не обеспечивает им достаточной правовой защиты.

Эта позиция подтверждается мнениями белорусских экспертов. Специалист Национального центра интеллектуальной собственности Дарья Костюченко в статье «Права на творчество с ИИ: кто получит авторство и при каких условиях» отметила, что, согласно действующему законодательству, ИИ не может быть субъектом авторского права [4]. Основным автором произведения, созданного при взаимодействии с ИИ, признается пользователь, поскольку именно он формирует концептуальную идею. Разработчики ИИ могут претендовать на долю авторства лишь при значительном вкладе, что обычно регламентируется лицензионными соглашениями. Вопрос распределения прав остается открытым, многоаспектным и требует индивидуального рассмотрения. Позиция эксперта Национального центра интеллектуальной собственности отражает консервативный подход белорусского права, который, с одной стороны, обеспечивает правовую определенность, но с другой — может препятствовать развитию инновационных технологий и созданию конкурентоспособной цифровой экономики.

Критический анализ существующих подходов в Беларуси и ЕАЭС выявляет их фундаментальную ограниченность, заключающуюся в жесткой привязке авторства исключительно к физическому лицу. Это создает значительные пробелы в правовом регулировании произведений, где ИИ является если не автором, то ключевым генератором контента. Отсутствие законодательных механизмов для признания и защиты произведений, созданных с минимальным или нулевым человеческим участием, не только тормозит развитие цифровой экономики, но и оставляет эти произведения в «серой зоне», где их свободное использование может подрывать стимулы к инвестициям в ИИ-технологии. Более того, существующие рамки не учитывают этическую и социальную ответственность за контент, генерируемый ИИ, что требует переосмысления всей системы регулирования.

Теоретические подходы к решению проблемы «авторства» ИИ. В академических и правовых кругах активно обсуждаются различные теоретические подходы к решению вопроса об «авторстве» произведений, созданных ИИ:

1. Признание ИИ автором. Этот подход является наиболее радикальным и предполагает наделение ИИ правосубъектностью в вопросах авторства. Однако он сталкивается с серьезными юридическими и философскими препятствиями, такими как отсутствие у ИИ юридической личности, способности к волеизъявлению и ответственности, что делает его маловероятным для действующего законодательства [5, с. 110]. Подобное решение хоть и кажется привлекательным для полного устранения «авторского вакуума», наталкивается на непреодолимые барьеры правосубъектности, неспособности ИИ нести ответственность и отсутствия у него «воли», что делает его реализацию в современном правовом порядке крайне затруднительной.

2. Признание автором человека, который создал или обучил ИИ. Согласно этому подходу, авторские права должны принадлежать разработчику ИИ — программисту или команде, которая создала алгоритм или обучила его на определенных данных [5, с. 110]. Аргументом является то, что именно их интеллектуальный вклад лежит в основе способности ИИ создавать произведения.

3. Признание автором лица, которое инициировало создание произведения ИИ. Данный подход фокусируется на роли пользователя, который формулирует запрос (промпт) или дает инструкции ИИ для генерации конкретного произведения [5, с. 110]. Здесь акцент делается на творческом вкладе пользователя в процесс создания, даже если непосредственное выполнение осуществлено машиной.

4. Признание произведения общественным достоянием. В случае невозможности однозначно определить человеческого автора либо если признается, что вклад человека недостаточен для возникновения авторских прав, произведение, созданное ИИ, может быть

признано частью общественного достояния [5, с. 110]. Это означает, что любое лицо может свободно использовать такое произведение без ограничений.

На сегодня в мире отсутствует единый подход к регулированию авторских прав на произведения, созданные ИИ. Различные юрисдикции находятся на разных стадиях осмысления и внедрения соответствующих норм.

Отсутствие единого подхода в мире. Расхождение в национальных законодательствах и правоприменительной практике подчеркивает сложность и многогранность проблемы, требующей тщательного междисциплинарного анализа и международного сотрудничества для выработки сбалансированных решений, способствующих развитию инноваций и защите интересов авторов.

Анализ зарубежного опыта показывает, что наиболее прогрессивные юрисдикции (США, Великобритания, Китай) уже формируют правовые рамки для регулирования ИИ-творчества, в то время как Беларусь остается в стороне от этих процессов. Такое отставание может негативно сказаться на привлекательности страны для ИТ-инвестиций и развитии высокотехнологичных отраслей.

В своей публикации Кирилл Митягин, патентный поверенный и кандидат юридических наук, проводит краткий анализ такого соавторства, как человек и ИИ. Так, он говорит, что по законодательству США *авторство* требует обязательного вклада человека, подчеркивая требование к креативности. Нормативно-правовые нормы Китая говорят, что *авторство* — за лицом, управляющим ИИ. Человек получает исключительные права, поскольку именно он определяет содержание, стиль и структуру материала. В Великобритании *автором* считается лицо, организовавшее создание контента, независимо от того, кто или что (в случае ИИ) произвело конечный результат. Это создает поле для правовой дискуссии. Всемирная организация интеллектуальной собственности предложила четко разделять контент с творческим вкладом человека и полностью автоматическую генерацию. Признание авторством только творческого вклада человека, вероятно, и ляжет в основу международных стандартов [6].

Подход Всемирной организации интеллектуальной собственности представляется наиболее сбалансированным, поскольку сохраняет традиционные принципы авторского права, одновременно признавая новые технологические реалии. Однако его имплементация требует значительных изменений в национальном законодательстве.

Законодательство Республики Беларусь. Глава 61 «Авторское право и смежные права» [7] Гражданского кодекса Республики Беларусь и Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» [8] являются фундаментальными документами, регулирующими отношения в сфере интеллектуальной собственности. Положения этих законов формируют основу для определения объектов авторского права, круга лиц, признаваемых авторами, и условий возникновения и защиты авторских прав.

Определение автора (физическое лицо). Автором произведения (ст. 4 закона «Об авторском праве и смежных правах») признается только физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Это создает принципиальное противоречие в контексте произведений, генерируемых ИИ, поскольку ИИ не является физическим лицом, не обладает сознанием, волей или правосубъектностью, которые необходимы для признания его субъектом права. Таким образом, прямое присвоение авторства алгоритму или программе ИИ в Беларуси невозможно. Жесткая привязка авторства к физическому лицу в белорусском праве хотя и соответствует классическим принципам авторского права [9, с. 20], создает правовой вакуум в отношении произведений ИИ. Это требует либо расширительного толкования существующих норм, либо принятия специального законодательства.

Требование оригинальности произведения. В соответствии со ст. 6 закона «Об авторском праве и смежных правах» для признания произведения объектом авторского права оно должно быть оригинальным, т. е. созданным в результате творческой деятельности автора и не являться простым воспроизведением или переработкой уже существующего материала. Вопрос оригинальности произведений ИИ затруднителен, поскольку они могут быть резуль-

татом сложного алгоритма, имитирующего творческие процессы, но не напрямую выражением уникального творческого замысла человека [10, с. 103]. Возникает дилемма: насколько «творческим» может быть результат работы машины, где проходит грань между механическим воспроизведением и оригинальным произведением в отсутствие человеческого участия. Неимение четких критериев для оценки оригинальности «машинного творчества» ставит под вопрос возможность защиты таких произведений традиционными методами.

Виды объектов авторского права. Закон «Об авторском праве и смежных правах» (ст. 6) перечисляет различные виды объектов авторского права (литературные, научные, художественные произведения, программы для ЭВМ, базы данных и т. д.). Современные генеративные модели ИИ способны создавать контент, который по форме и качеству мало чем отличается от произведений, созданных человеком. Это требует переосмысления существующих определений и, возможно, расширения или уточнения перечня объектов авторского права с учетом новых технологических реалий.

Отсутствие специфических норм, регулирующих произведения, созданные ИИ. Действующее законодательство Республики Беларусь не содержит специальных положений, напрямую регулирующих правовой статус произведений, созданных ИИ, и вопросы их авторства. Это создает существенный правовой пробел, требующий дальнейшего изучения и возможной законодательной инициативы. Отсутствие таких норм затрудняет правоприменение, защиту интересов сторон и сдерживает развитие инноваций в этой сфере. В то время как многие страны мира активно работают над адаптацией своего законодательства к реалиям ИИ, Беларусь пока отстает в этом вопросе, что может негативно сказаться на конкурентоспособности ее цифровой экономики и правовой определенности для разработчиков и пользователей ИИ.

На сегодня в Республике Беларусь незначительная судебная практика или официальные разъяснения государственных органов относительно авторства произведений, созданных ИИ. В отсутствие прецедентов правоприменительные органы вынуждены самостоятельно интерпретировать существующие нормы, что может привести к неоднозначным или противоречивым решениям.

Результаты исследования и их обсуждение. Системный анализ выявил, что правовой режим произведений ИИ в Беларуси представляет собой фрагментированную систему с существенными пробелами. Отсутствует целостная концепция регулирования, что создает правовую неопределенность. Сравнительно-правовой анализ показал, что Беларусь значительно отстает от мировых тенденций. В то время как США, Китай и Великобритания активно адаптируют законодательство, белорусское право остается в рамках традиционных подходов. Формально-юридический анализ действующего законодательства выявил принципиальные противоречия между требованиями авторского права (физическое лицо как автор) и реалиями ИИ-творчества.

Заключение. Действующее законодательство Республики Беларусь не адаптировано к регулированию произведений, созданных ИИ.

1. Отсутствие специальных норм создает правовую неопределенность и препятствует развитию инноваций.

2. Необходима разработка комплексного подхода, учитывающего степень человеческого участия в творческом процессе.

3. Требуется гармонизация с международными стандартами и лучшими практиками.

Представим предложения по внесению изменений в Закон «Об авторском праве и смежных правах».

1. **Дополнить ст. 4 новой частью:** «Произведения, созданные с использованием систем искусственного интеллекта при существенном творческом участии человека, при-

знаются объектами авторского права. Автором такого произведения признается физическое лицо, осуществившее творческий вклад в его создание».

2. Ввести новую ст. 4¹ «Критерии определения творческого участия человека»: формулирование концептуальной идеи произведения; определение структуры и композиции; осуществление творческого отбора и редактирования; внесение оригинальных элементов в процесс создания.

3. Дополнить ст. 6 пунктом: «Произведения, созданные системами искусственного интеллекта без творческого участия человека, не признаются объектами авторского права и переходят в общественное достояние».

4. Ввести обязательную маркировку: предложить внесение требования об обязательном указании использования ИИ при создании произведения.

5. Создать специальный реестр: учредить государственный реестр произведений, созданных с использованием ИИ, для обеспечения прозрачности и защиты прав.

Данные предложения позволят создать сбалансированную правовую основу, стимулирующую инновации и обеспечивающую защиту авторских прав в эпоху ИИ.

Список цитируемых источников

1. Глоссарий в сфере искусственного интеллекта разработан в Беларуси // Белорусское телеграфное агентство. — URL: <https://belta.by/society/view/glossarij-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-razrabotan-v-belarusi-741330-2025/> (дата обращения: 16.11.2025).

2. Галлямова, А. А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта / А. А. Галлямова // Образование и право. — 2023. — № 4. — С. 240—248.

3. Максимов, А. Г. Искусственный интеллект как автор и соавтор литературного произведения / А. Г. Максимов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». — 2021. — № 1. — С. 108—110.

4. Права на творчество с ИИ: кто получит авторство и при каких условиях // МЛЫН.БЮ. Минская правда. — URL: <https://mlyn.by/23042025/prava-na-tvorchestvo-s-ii-kto-poluchit-avtorstvo-i-pri-kakih-usloviyah/> (дата обращения: 16.11.2025).

5. Васильева, А. С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта / А. С. Васильева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 4 (38). — С. 107—116.

6. Митягин, К. Авторские права на ИИ-контент: новая реальность или правовая ловушка? / К. Митягин // Nevsky IP Law. — URL: <https://nevskylaw.ru/knowledge/avtorskie-prava-na-kontent-sozdannyj-s-pomoshchyu-ii> (дата обращения: 16.11.2025).

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 62-З : с изм. и доп., вступ. в силу с 22 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.11.2025).

8. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З : в ред. от 9 янв. 2023 г. № 243-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.11.2025).

9. Гринь, Е. С. Ты — автор! Что такое авторские и смежные права : науч.-метод. пособие / Е. С. Гринь ; под ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Проспект, 2019. — 95 с.

10. Карташева, А. А. Философские основания авторского права / А. А. Карташева. — Екатеринбург : Деловая кн., 2023. — 148 с.

Поступила в редакцию 18.05.2026.

УДК 323.2

А. В. ЧерникАкадемия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17,
220089 Минск, Республика Беларусь, tchernik884154@yandex.by

РОЛЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В РАЗВИТИИ ПАРАДИГМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается понятие парадигм государственного управления, выявляются причины и факторы их трансформации. Раскрывается роль аналитических центров в формировании и развитии парадигм государственного управления. Отдельное внимание уделено влиянию концепции Regulatory Impact Assessment на формирование модели рациональной управленческой деятельности, выступающей в качестве современной парадигмы государственного управления, направленной на устранение административных барьеров в целях улучшения делового климата в стране и создания благоприятной регуляторной среды путем сокращения избыточных регуляций и оптимизации правового массива. В работе приводятся примеры успешных регуляторных реформ, реализованных в Республике Беларусь и в ряде зарубежных стран при непосредственном участии различного рода экспертно-аналитических центров, что способствовало повышению эффективности государственного управления.

Ключевые слова: парадигма; государственное управление; аналитические центры; экспертно-аналитическая работа; регуляторная реформа; эволюция парадигм.

Библиогр.: 17 назв.

A. V. ChernikAcademy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str., 220089 Minsk, the Republic of Belarus, tchernik884154@yandex.by

THE ROLE OF ANALYTICAL CENTERS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION PARADIGMS

This article examines the concept of public administration paradigms, identifies the causes and factors of their transformation. It also explores the role of analytical centers in the formation and development of public administration paradigms. Particular attention is paid to the influence of the Regulatory Impact Assessment concept on the formation of a rational management model, serving as a modern public administration paradigm aimed at eliminating administrative barriers to improve the country's business climate and create a favorable regulatory environment by reducing redundant regulations and optimizing the regulatory framework. The paper provides examples of successful regulatory reforms implemented in the Republic of Belarus and in a number of foreign countries with the direct participation of various types of expert and analytical centers, which contributed to increasing public administration efficiency.

Key words: paradigm; public administration; analytical centers; expert analytical work; regulatory reform; paradigm evolution.

Ref.: 17 titles.

Введение. В условиях глобализационных и интеграционных процессов, мировых и внутри-государственных вызовов и угроз, санкционного давления, новой технологической реальности, различного рода кризисных ситуаций качественное государственное управление становится ключевым фактором для достижения устойчивого политического, социально-экономического и культурного развития страны, выступает эффективным инструментом обеспечения суверенитета и национальной безопасности. В свою очередь, выстраивание надежной концепции сопротивления, поддержание устойчивого иммунитета против угрозо-образующих факторов, защита национальных интересов, определение стратегических целей, ключевых направлений и приоритетов управленческой деятельности невозможны без понимания современных парадигм государственного управления, представляющих собой систему

принципов и моделей, определяющих основные подходы и методы, формирующие фундамент стабильности белорусского общества, позволяя нашей стране оставаться сильным и независимым государством. Эти парадигмы служат стержневым ядром для разработки эффективных механизмов государственного управления, обеспечивая не только положительную динамику и устойчивость политических институтов, но и скоординированность их действий, а также адаптивность к тем или иным ситуациям [1]. Важно отметить, что парадигмам государственного управления свойственна преемственность. Новые парадигмы формируются на основе уже существующих и четко соответствуют вызовам времени. Знание эволюции парадигм государственного управления позволяет более детально раскрывать их сущность и понимать эволюцию. И в этой работе роль аналитических центров сложно переоценить. Обозначенные экспертные организации играют важнейшую роль в исследовании, разработке и внедрении парадигм государственного управления, предоставляя данные, анализ и рекомендации для принятия обоснованных решений на всех уровнях власти. Опираясь на результаты научного поиска, аналитические центры осуществляют интеллектуальное обеспечение политики, помогают органам власти глубоко понимать современную государственную повестку и мировые тренды развития.

Материалы и методы исследования. Основу настоящего исследования составляют системно-структурный, комплексный, прогностический и формально-юридический методы научного познания. В ходе решения поставленных в работе задач использован общенаучный диалектический метод, а также такие частно-научные методы, как социологический, статистический, логико-грамматический, исторический и сравнительно-правовой.

Изучению вопросов влияния аналитических центров на формирование и реализацию парадигм государственного управления в целях его улучшения и оптимизации посвящены работы целого ряда белорусских и зарубежных ученых, среди которых С. М. Алейникова, М. В. Вилисов, В. Ф. Гигин, А. С. Емельянов, Д. В. Ефременко, Д. Г. Зайцев, Д. Ю. Иванов, А. С. Лаптёнок, Я. Г. Ломоносова, О. С. Макаров, Ж. А. Мингалева, Джеймс Дж. МакГанн, Л. С. Мальцев, О. Ю. Малинова, В. А. Мельник, Е. А. Рафальская, А. Ю. Сунгуров, В. А. Филиппов и др.

Раскрытие темы предполагает решение следующих исследовательских задач: анализ понятия парадигм государственного управления и причин их трансформации; выявление роли аналитических центров в развитии парадигм государственного управления (на примере парадигмы, ориентированной на создание благоприятной регуляторной среды, в ходе реализации концепции Regulatory Impact Assessment (далее — RIA), в Республике Беларусь и отдельных зарубежных странах).

Результаты исследования и их обсуждение. Государственное управление является сложным и многогранным процессом, охватывающим широкий спектр различных видов деятельности, способствующих реализации функций государства в различных сферах жизни общества [2]. Данный процесс требует глубокого понимания существующих парадигм государственного управления, а также причин их трансформации в ответ на вызовы времени и изменения социально-экономической и политической ситуации. Парадигма государственного управления, по сути, служит своего рода каркасом, внутри которого формируются и развиваются различные практики, обеспечивающие эффективное функционирование государства [3, с. 211]. Это комплексная концепция, которая выстраивает основу для понимания и решения тех или иных проблем. Однако междисциплинарный характер изучения государства — объекта исследования философии, истории, права, политологии, социологии и других наук — обуславливает специфику (или многогранность) раскрытия его сущностной парадигмальной составляющей.

Основоположителем исследований в этой области является Т. Кун, который хотя и не исследовал напрямую парадигмы в контексте государственного управления, но его теория относится к науке эволюции парадигм, что позволяет полученные им выводы адаптировать

и применять к государственному управлению. Т. Кун определял парадигму как систему идей, теорий и практик, которые разделяются научным сообществом в определенный исторический период. Под парадигмой государственного управления ученый понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [4, с. 11]. Согласно такому подходу, парадигмы могут меняться через «научные революции». В дальнейшем концепция парадигмы была существенно развита и обогащена в трудах таких философов, как К. Поппер, И. Лакатос, С. Тулмин, В. С. Стёпин, М. А. Розов, которые внесли неоценимый вклад в ее осмысление.

П. А. Холл рассматривает парадигмы как совокупность идей и стандартов, которые определяют не только цели политического курса и типы инструментов по их достижению, но и саму природу проблем, на которые они должны быть обращены [5].

А. С. Емельянов характеризует парадигмы государственного управления как ключевые модели и подходы, которые определяют функционирование государственных структур и их взаимодействие с обществом. Он подчеркивает, что парадигмы — это не просто набор теоретических концепций, а динамичная, эволюционирующая система принципов и методов, которые влияют на реальные процессы управления, принимая во внимание изменения в социально-политической и экономической сферах [6]. С точки зрения А. С. Емельянова, парадигма государственного управления — «принятая государственным аппаратом система принципов, определяющих модель рациональной управленческой деятельности, реализации исполнительно-распорядительных функций» [6, с. 60].

Соглашаясь с представленной формулировкой, также поясним, что система принципов в более широком значении представляет собой тщательно продуманные, передовые правила, имеющие универсальный характер, четкое следование которым позволяет странам пересмотреть свое регулирование и сделать его более эффективным. В свою очередь, если существующая парадигма не справляется с вызовами времени, начинается кризис, возникает потребность в поиске новых принципов и решений — новой парадигмы управления.

К примеру, в 1970—2000 годах модернизация парадигмы государственного управления была обусловлена рядом концепций, возникших в обозначенный период. Ключевыми из них являются: RIA (система анализа, используемая для оценки воздействия регулирования на общественные отношения), возникшая как ответ на экономический кризис; концепция транспарентности, Smart Power как концепт «умной власти» и «мягкой силы», цифровизация и развитие электронного правительства, электронного управления [6].

В частности, реализация концепции RIA, основанной на теории эффективности (оптимальности) Парето и теореме Коуза, способствовала созданию благоприятной регуляторной среды во многих странах путем разработки эффективных механизмов системного пересмотра действующего правового массива, использования различных регуляторных технологий и инструментов дерегулирования, направленных на устранение бюрократической нагрузки, максимальное сокращение избыточных, обременительных требований и процедур, создающих определенные препятствия для социально-экономического развития.

Исходя из научно обоснованной позиции А. С. Емельянова, «реализация концепции Regulatory Impact Assessment предполагает переход от вопросов, какое регулирование должно быть отменено, к вопросам о том, каким образом можно улучшить нормативную и институциональную основы регулирования с точки зрения их построения и функционирования» [6, с. 62]. К принципам надлежащей регуляторной политики, на которых базируется концепция RIA и формируемая на ее основе модель рациональной управленческой деятельности, следует отнести: рациональность, обоснованность, равенство регулирования, оптимальность, исполнимость, прозрачность и подотчетность, последовательность и предсказуемость, непрерывность. Однако набор принципов, которым следуют страны в ходе реализации своей регуляторной политики в целях совершенствования инструментов и институтов регулирования, не является закрытым, их перечень постоянно расширяется. Например, большинство стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), руко-

водствуются разработанными ею принципами, содержащимися в Рекомендациях по регуляторной политике и управлению [7]. Следует обратить внимание, что в структуру ОЭСР входит ряд директоратов, которые, по сути, играют роль международных информационно-аналитических центров, осуществляющих разработку и реализацию большого количества практических рекомендаций на основе проведенного межстранового анализа, мониторинга, сбора статистических данных для изучения и прогнозирования текущих проблем, в том числе в сфере экономики, образования, социально-экономического развития, науки и инноваций. Предложения по реализации и результаты аналитических проектов составляют основу для выработки решений, включающих политические рекомендации. Среди последних рекомендаций, принятых ОЭСР с учетом научно обоснованных выводов, международных практик и аналитических данных, можно назвать: Рекомендацию по гибкому регулятивному управлению для использования инноваций (2021), направленную на оказание помощи правительствам по разработке и внедрению гибких и устойчивых подходов к регулированию и адаптации регуляторной политики к условиям распространения полезных инноваций, включая цифровые технологии; Рекомендацию по международному сотрудничеству в области регулирования для решения глобальных проблем (2022), направленную на оказание помощи правительствам по совершенствованию механизмов и инструментов международного сотрудничества в области регулирования в целях укрепления доверия к глобальному сотрудничеству, достижения общего понимания в области регулирования, изучения передовых практик по совершенствованию регулирования и др.

Важно отметить, что деятельность ОЭСР сыграла огромную роль в реализации концепции RIA, которая нашла свое широкое применение во многих зарубежных и постсоветских странах.

Всестороннее изучение передовых практик по внедрению новейших регуляторных технологий, институтов регулирования и инструментов инвентаризации и систематизации законодательства позволило отметить успешный опыт ряда стран в реализации стратегии «регуляторной гильотины», направленной на быстрый масштабный пересмотр и отмену нормативных правовых актов, негативно влияющих на экономическую активность и на регуляторную среду в целом.

Начальные попытки дерегуляции в Европе были предприняты в 1980-х годах, что способствовало разработке центральной микроэкономической стратегии для стран, сталкивающихся с экономическим кризисом и ищущих быстрых реформ. В 1984 году программа «регуляторная гильотина» впервые была инициирована в Швеции. Затем данный механизм дерегулирования позаимствовала Венгрия, и в начале 90-х годов страна таким образом избавилась от всех норм, не отвечающих требованиям рыночной экономики.

Наиболее широкий спектр научных исследований, направленных на улучшение эффективности государственного регулирования и создание благоприятной регуляторной среды для бизнеса, основанных на экспертных оценках, результатах мониторинга и прогнозирования макроэкономических процессов в контексте реализации стратегических целей развития конкретных стран, были проведены американской консалтинговой компанией Jacobs, Cordova & Associates (JC&A), специализирующейся на регуляторной реформе. Благодаря сотрудничеству JC&A с ОЭСР и иными международными организациями, компания «растиражировала» методологию «регуляторной гильотины» более чем на 100 стран, спроектировав успешные инновационные глобальные проекты в сфере регуляторных реформ, нацеленные на изменение рыночных стимулов, предопределяющие предпринимательское поведение в высокорегулируемых средах. Являясь новатором в вопросах, связанных с оценкой источников проблем в области регулирования, начиная с 2004 года JC&A приняла активное участие в разработке и внедрении программ регуляторных реформ по улучшению бизнес-климата и экономическому развитию в таких странах, как Хорватия, Вьетнам, Кения, Египет, Молдова, Босния, Сербия и др., оказав им в том числе огромную методологическую и экспертно-аналитическую поддержку в процессах инвентаризации и систематизации законодательства [8].

Современная «регуляторная гильотина» в контексте реализации концепции RIA также охватила большое количество постсоветских стран.

Так, в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», что позволило значительно снизить регуляторную нагрузку на бизнес, сократить контрольные функции государственных органов. Данный закон выступил стартовой площадкой для устранения зарегулированности общественных отношений, запустив механизм «регуляторной гильотины», который одномоментно прекратил действие большого количества нецелесообразных, «спящих», формальных регуляций и отменил все требования, которые не прошли фильтрацию, т. е. были признаны устаревшими, избыточными, тормозящими развитие экономических отношений, неработающими, не отвечающими требованиям времени.

В Республике Беларусь благодаря развитию отмеченной выше концепции в начале 2000-х годов был намечен путь на либерализацию регулирующего воздействия со стороны государства [9]. Это политико-экономическое решение нашло свое отражение в Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 года № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», где, в частности, установлено, что одной из существенных предпосылок для развития предпринимательства является либерализация условий хозяйственной деятельности, предполагающая минимальное вмешательство государства в вопросы бизнеса [10]. Говоря об ожидаемых улучшениях в регулировании, Президент Республики Беларусь на одном из своих совещаний обозначил: «Основным результатом нашей общей работы должна стать не просто корректировка правовых актов. Нам необходимо добиться реального улучшения условий для деловой активности в Беларуси, которое будет подтверждаться положительной оценкой со стороны субъектов хозяйствования» [11]. В целях выполнения поставленной задачи был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 года № 7 «О развитии предпринимательства», а в 2019 году Совет Министров Республики Беларусь издал ряд важных в обозначенном ключе постановлений: «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» (от 28 января 2019 года № 56), «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов» (от 25 января 2019 года № 54), «О порядке проведения правового мониторинга» (от 30 января 2019 года № 65). Кроме того, в 2024 году по поручению Президента Республики Беларусь была осуществлена масштабная ревизия законодательства. Цель проведенной реформы — найти здоровый баланс между стабильностью регулирования и динамизмом жизни, выработать четкие маркеры, позволяющие работать на опережение и своевременно сигнализировать о возможной неэффективности и потенциальных негативных последствиях действия тех или иных регуляций. Непосредственное участие в становлении и развитии новой парадигмы государственного управления принял Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь (НЦЗПИ), который выступает в качестве ведущего аналитического центра Беларуси, играющего ключевую роль в формировании правовой системы страны. В соответствии с распоряжением Главы Администрации Президента Республики Беларусь № 83ра (от 17 июля 2024 года «О мерах по систематизации правовых актов») в НЦЗПИ было создано 9 рабочих групп, в состав которых вошли сотрудники Администрации Президента Республики Беларусь, НЦЗПИ, ученые и представители республиканских органов госуправления. За каждой рабочей группой была закреплена своя «зона ответственности» — конкретные отрасли законодательства, в рамках которых осуществлялся анализ нормативных правовых актов [12], рассматривались возможности внедрения наиболее успешных инновационных правовых инструментов и практик для улучшения национальной системы регулирования. Нужно сказать, что НЦЗПИ, имеющий статус государственного научно-практического учреждения, обладает огромным потенциалом для проведения научных исследований в области права, разработки рекомендаций по использованию результатов научных исследований и их практического внедрения.

Республика Армения в ноябре 2011 года запустила проект «Регулирующая гильотина», направленный на продвижение надлежащего экономического управления с помощью механизма ускоренного упрощения регуляций, способствующего стимулированию иностранных инвестиций. Предметное поле охвата регуляторной реформой было определено широко и охватывало 17 сфер [13]. Огромная роль в реализации проекта принадлежит экспертно-аналитической работе Национального центра по урегулированию законодательства (НЦУЗ), который был утвержден Правительством Республики Армения в 2011 году. Центр рассматривал нормативно-правовую базу конкретных секторов экономики, сравнивал действующие процедуры с лучшей международной практикой и подготавливал предложения для рассмотрения Правительством Республики Армения. Важно отметить, что 90 % предложений, представленных НЦУЗ, были одобрены правительством или парламентом [13].

В Республике Казахстан использовался подход регулирования «с чистого листа», изменивший базовые принципы регуляторной политики, что помогло улучшить деловой климат в стране. Всеобщая инвентаризация законодательства стартовала с 1 января 2024 года. Серьезную экспертно-аналитическую поддержку органам власти Казахстана в вопросах проведения регуляторной реформы оказал Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Институт экономических исследований. Согласно данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, экономика Казахстана в 2024 году продемонстрировала стабильный рост [14].

Правительство Кыргызской Республики совместно с Центром ОБСЕ в Бишкеке в 2021 году реализовало проект «Системный анализ регулирования» («регуляторная гильотина»), направленный на устранение барьеров, затрудняющих ведение бизнеса, минимизацию коррупции и улучшение условий для инвесторов [15].

Заслуживает внимания и опыт таких стран, как Германия, Нидерланды, Австралия, Израиль, где концепция RIA нашла свое воплощение в рамках использования различных регуляторных технологий, среди которых можно выделить такой инструмент дерегулирования, как «закатное законодательство», или законодательство с samozавершающимся регуляторным действием (*sunset legislation*), обеспечивающий гибкость и адаптивность регулирования к новым условиям. В период пандемии COVID-19 положения «о закате» также активно применялись в Великобритании, Ирландии, Сербии, Черногории, Марокко и др. [16].

Уникальным примером проведения регуляторной реформы с элементами децентрализации является Япония, применившая территориальный подход к регулированию в рамках программы создания специальных зон. В результате на отдельных территориях (экспериментальных площадках) были смягчены или отменены некоторые правила.

Очевидно, что влияние аналитических структур на проводимые в рассмотренных странах регуляторные реформы огромно, а весь путь от конкретных предложений и рекомендаций аналитических центров к определенным решениям по вопросам государственной политики, ведущих к трансформации парадигмы управления, достаточно сложный.

Однако парадигма государственного управления не существует в вакууме и неизбежно должна быть изменчива и адаптивна к меняющимся социальным, политическим и экономическим условиям. Благодаря комплексным научным исследованиям и экспертно-прогнозной работе аналитических центров, осуществляется непрерывный поиск более эффективных моделей управления (парадигм). Именно аналитические центры становятся своего рода каталогизаторами изменений, предоставляя обоснованные выводы и прогнозы, которые позволяют государственным органам принимать стратегически верные решения и корректировать регулирование в соответствии с новыми вызовами времени, что способствует разработке более эффективных и адаптированных к текущим вызовам управленческих моделей [17].

Заключение. Парадигма государственного управления — это комплексная система принципов и подходов, принятая государством, которая определяет основы и методы эффективного осуществления управленческой деятельности, направленной на реализацию исполнительно-

распорядительных функций. Она служит ориентиром для формирования государственных стратегий и политики, адаптированных к социально-экономическим, политическим и культурным условиям, обеспечивая устойчивое развитие страны.

Парадигмы государственного управления не являются статичными и изменяются в ответ на изменения в политической, экономической и социальной сферах. Источниками модернизации парадигмы государственного управления в Республике Беларусь стали концепции, сформировавшиеся в рамках международных административных практик и социально-экономического дискурса, адаптированные с учетом специфики национальных условий и приоритетов.

Реализация концепции RIA и сформированная на ее основе модель рациональной управленческой деятельности, выступающая в качестве современной парадигмы государственного управления, позволила снизить избыточное регулирование и оптимизировать взаимодействие между государством и бизнесом. Позитивный опыт Республики Беларусь и ряда иных стран продемонстрировал успешное применение различных регуляторных технологий и инструментов дерегулирования в рамках концепции RIA, что способствовало улучшению бизнес-климата и повышению эффективности государственного управления.

Для формирования эффективных моделей государственного управления (парадигм) ключевым является использование результатов научных исследований, прогнозных расчетов и качественной экспертно-аналитической оценки проблемных ситуаций, предоставляемых аналитическими центрами, что помогает предсказывать последствия тех или иных управленческих решений и своевременно корректировать их в соответствии с изменяющимися условиями.

Список цитируемых источников

1. Мингалева, Ж. А. Трансформация парадигмы государственного управления / Ж. А. Мингалева, Я. Г. Ломоносова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2023. — № 3. — С. 241—253.
2. Эволюция систем государственного управления: Республика Беларусь / Н. В. Волох, А. П. Гасанов, Л. С. Мальцев, В. А. Мельник [и др.] // Государственная служба. — 2020. — Т. 22, № 3 (125). — С. 86—118.
3. Вилисов, М. В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики / М. В. Вилисов // Политическая наука. — 2023. — № 2. — С. 203—233.
4. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микилинского и Л. А. Марковой. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 1977. — 300 с.
5. Hall, P. A. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain / P. A. Hall // Comparative Politics. — 1993. — Vol. 25. — P. 275—296.
6. Емельянов, А. С. Современная парадигма государственного управления: генезис и критика / А. С. Емельянов // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Н. Новгород, 1 июля 2021 г. — Н. Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. — С. 60—63.
7. Recommendations and Guidelines on Regulatory Policy. — URL: https://www.oecd.org/en/publications/recommendation-of-the-council-on-regulatory-policy-and-governance_9789264209022-en.html (дата обращения: 10.11.2025).
8. Дегтярев, М. В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / М. В. Дегтярев ; под ред. д. ю. н., проф. И. В. Понкина ; МГЮА. — М. : Буки Веди, 2022. — 424 с.
9. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 окт. 2018 г. № 743 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).
10. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь : Директива Президента Респ. Беларусь от 31 дек. 2010 г. № 4 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).
11. Совещание по вопросам совершенствования контрольной деятельности и исключения излишних требований к бизнесу. — URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshanie-po-voprosam-sovershenstvovaniya-kontrolnoj-deyatelnosti-i-iskljucheniya-izlishnix-trebovanij-k-15593> (дата обращения: 01.11.2025).

12. В Центре в расширенном формате обсудили результаты проведения ревизии нормативных правовых актов. — URL: https://center.gov.by/news/v-tsentre-v-rasshirennom-formate-obsudili-rezultaty-provedeniya-revizii-normativ/?sphrase_id=408588 (дата обращения: 10.11.2025).
13. Сорокин, А. Предложенные «Гильотиной» рекомендации привели к снижению затрат более чем на 60% / А. Сорокин. — URL: <https://banks.am/ru/news/interviews/9437> (дата обращения: 10.11.2025).
14. Ежеквартальный обзор ERI. — URL: https://eri.kz/documents/news/news_inst/2025/apr25/macro2025-march.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
15. Березнёв, Р. Ю. Регуляторная гильотина: опыт применения в государствах членах ЕАЭСИ перспективы использования в сфере деятельности органов внутренних дел / Р. Ю. Березнёв // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2022. — № 2 (44). — С. 5—9.
16. Young, Mark D. A Test of Federal Sunset: Congressional Reauthorization of the Commodity Futures Trading Commission / Mark D. Young // Emory Law Journal. — 1978. — Vol. 27, iss. 4. — P. 853—908.
17. Филиппов, В. А. Аналитические центры — стратегический интеллектуальный ресурс / В. А. Филиппов. — М. : ЛЕНАНД, 2020. — С. 18—31.

Поступила в редакцию 18.05.2026.

Репозиторий БарГУ

Е. Н. Ярмоц, кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
б-р Космонавтов, 21, 224016 Брест, Республика Беларусь, yarmots84@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обозначается проблематика исследования и научный задел, имеющийся по теме исследования. Обозначается важность феномена «легитимность» как в деятельности правоохранительных органов государства в целом, так и в судебной деятельности как ее части. Целью исследования является изучение теоретико-правовых основ легитимности судебной деятельности. Научная новизна работы заключается в детализации феномена «легитимность» применительно к судебной деятельности.

Описывается статус судебной власти в историко-правовой ретроспективе; обозначаются детерминанты, делигитимирующие судебную власть в советский период развития белорусской государственности; описывается процесс легитимации судебной власти в суверенной Беларуси; обозначается значимость легитимности судебной деятельности для обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития государства; обозначается принципиальная разница между двумя типами легитимности — институциональной и рациональной.

Делается вывод о том, что судебная власть, как одна из ветвей власти, и суд, как публичный орган государственной власти, должны обладать атрибутивным признаком легитимности.

Ключевые слова: ветвь власти; судебная власть; судебная деятельность; легитимность; институциональная легитимность; рациональная легитимность; доверие; правосудие; гражданское общество.

Библиогр.: 25 назв.

E. N. Yarmats, PhD in Law, Associate Professor

Educational Establishment “Brest State A. S. Pushkin University”,
21 Kosmonavtov blvd., 224016 Brest, the Republic of Belarus, yarmots84@bk.ru

THEORETICAL BASIS OF THE LEGITIMACY OF JUDICIAL ACTIVITY

The introduction outlines the research problem and the scientific background available on the research topic. The importance of the phenomenon of “legitimacy” is outlined both in the activities of law enforcement agencies of the state as a whole and in judicial activity as a part of it. The purpose of the research is to study the theoretical and legal foundations of the legitimacy of judicial activity. The scientific novelty of the work lies in the detailing of the phenomenon of legitimacy in relation to judicial activity.

The main part describes the status of the judiciary in historical and legal retrospect; identifies the determinants that delegitimize the judiciary in the Soviet period of the development of Belarusian statehood; describes the process of legitimization of the judiciary in sovereign Belarus; the significance of the legitimacy of judicial activity for ensuring sustainable socio-economic and political development of the state is indicated; the fundamental difference between the two types of legitimacy — institutional and rational legitimacy — is outlined.

It is concluded that the judiciary, as one of the branches of government, and the court as a public body of state power, must have the attributive feature of legitimacy.

Key words: branch of government; judicial power; judicial activity; legitimacy; institutional legitimacy; rational legitimacy; trust; justice; civil society.

Ref.: 25 titles.

Введение. Ввиду того, что судебная форма защиты в большинстве правовых систем мира признается высшей, наиболее эффективной и зачастую окончательной формой правовой защиты прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений, особого внимания заслуживает вопрос о легитимности правоохранительной системы государства в целом и судебной деятельности в частности. По мнению В. Н. Бибило, «судебная власть как высшая форма защиты прав и законных интересов граждан призвана обеспечивать установившийся в обществе легитимный порядок» [1, с. 39].

Еще в начале XX века Н. Н. Полянский отмечал необходимость обеспечения не только принципа законности в деятельности органов правосудия, но и важность их легитимации: «Граждане въ высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы деятельность органовъ уголовного правосудія была поставлена въ такія условія, которыми предупреждалась бы возможность злоупотребленій съ ихъ стороны ввѣренною им властью. Въ самомъ дѣлѣ, власть судебныхъ учреждений огромна; они распоряжаются свободою, честью, жизнью и имущественнымъ достояніемъ гражданъ... <...> Чрезвычайно важно, чтобы эта страшная власть была ввѣрена учреждениямъ, пользующимся довѣріемъ населенія, безпристрастнымъ и дѣйствующимъ въ строгомъ согласіи съ закономъ и съ требованіями справедливости» [2, с. 7].

Легитимность правоохранительных органов государства, в том числе суда, являлась самостоятельным предметом исследования таких ученых, как И. Е. Марочкин [3], А. В. Тищенко [4], Е. Г. Шурыгина [5] и др.

Материалы и методы исследования. Легитимность власти во многом обусловливается легитимностью ее политических институтов. По мнению П. Штомпки, доверие к государству и его институтам находится в публичном пространстве, а потому образует вертикальные связи, которые в отличие от горизонтальных, существуют между партнерами, находящимися на разных ступенях власти. Он выделяет следующие уровни формирования доверия к органам государственной власти: познавательный, основой которого выступает официальная информация о суде как об органе правосудия; психологический, в котором доверие опосредовано личным опытом; культурно-исторический, в котором доверие имеет генеалогическую основу, а коллективный исторический опыт аккумулируется в правилах поведения, поощряющих доверие к окружающим либо провоцирующих недоверчивое отношение к ним [6, с. 245]. На обусловленность доверия прошлым опытом взаимодействия, репутацией объекта и его социальным статусом указывает и Ю. Н. Копылова [7, с. 15].

Эффективно функционирующая судебная система представляет собой один из важнейших компонентов институциональной структуры государства, от которой зависит его эффективное социально-экономическое и политико-правовое развитие. Судебная система является частью системы национальной безопасности государства. В этой связи вопрос легитимности судебной деятельности представляет значительный исследовательский интерес. Суды защищают право собственности и обеспечивают исполнение обязательств. Неэффективно функционирующая судебная система может привести и к более серьезным и глобальным последствиям, таким как утрата легитимности политической системы и доверия граждан к правовой системе [8, с. 81]. И. Л. Ильин отмечает, что в случае, если «право не может развиваться далее по праву, а выросшее правосознание не может вернуться вспять», субъекты правоотношений имеют «моральное право» воспротивиться такой несправедливости [9, с. 68].

В случае несогласованности между действиями и решениями суда и ожиданиями населения относительно функционирования судебной власти создаются предпосылки для различного рода делегитимационных процессов, которые вызывают отчуждение людей от институтов судебной власти, непонимание ее значимости. Именно такая ситуация приводит к институционализации так называемой «теневого юстиции», т. е. нелегального, но достаточно эффективного способа разрешения социальных конфликтов. Примером такого «правосудия» является так называемый «Суд Линча» (англ. lynching, the Lynch law линчевание) — убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно толпой [10]. Это явление на протяжении достаточно длительного времени существовало в США и, хотя и осуждалось властями, осуществлялось без видимых препятствий с их стороны.

Однако такого рода явления с участием населения следует отделять от официальных институтов «народного правосудия», которые возникли и существовали в некоторых национально-правовых системах (СССР и союзные республики): народные суды СССР и БССР [11, с. 37]. Они стали закономерным результатом развития гражданского общества, повышения уровня

правовой культуры граждан, пытавшихся через созданные ими структуры осуществлять функции правосудия как на определенной территории, так и в масштабах всего государства. Сначала эти структуры возникли как инновационный институциональный элемент. В настоящее время в определенных государствах их уже можно рассматривать как одну из традиционных форм разрешения различных (в том числе правовых) конфликтов [12].

Результаты исследования и их обсуждение. В советский период развития белорусской государственности судебная власть не признавалась в качестве самостоятельной ветви государственной власти [11, с. 36]. Такое положение дел привело к отсутствию в текстах конституций СССР упоминаний о судебной власти. Согласно ст. 1 Конституции БССР 1919 года, «Белоруссия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [13]. Согласно ст. 2 Конституции БССР 1927 года, «вся власть в пределах Белорусской Социалистической Советской Республики принадлежит советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [14]. Лишь в последующих конституциях БССР 1937 и 1978 годов появились разделы, касающиеся организации суда (гл. VII «Суд и прокуратура» и раздел VIII «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» соответственно). В структурном отношении данные главы следовали после разделов, регламентирующих деятельность органов законодательной, исполнительной власти, местных органов государственной власти и разделов о государственном бюджете БССР. Лишь в Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 1996 и 2004 годов) впервые содержалось указание на то, что судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам. Кроме того, нормы об организации и деятельности судебной системы были выделены в отдельную главу 6 «Суд».

Важным этапом легитимации судебной власти в начале 90-х годов XX века стало принятие Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь, в разделе I которой были отражены индикаторы, делигитимирующие судебную власть в советский период развития белорусской государственности: отсутствие реального разделения властей, зависимость органов юстиции от командно-административного аппарата власти, слияние уголовно-процессуальных функций в процессе осуществления судопроизводства, отток кадров из судебной системы, нехватка народных заседателей и т. п. В качестве вывода отмечалась необходимость реформирования судебной системы и правоохранительной системы государства в целом: «сложившаяся система органов юстиции не отвечает современным требованиям и нуждается в реформировании» [15].

Таким образом, вопрос о легитимности судебной власти в суверенной Республике Беларусь не утратил своей значимости, что подтверждается словами П. П. Миклашевича: «...только легитимная и авторитетная государственная власть способна обеспечить конституционный баланс социально-политических интересов, конструктивное взаимодействие государства и общества, реальное действие политических и правовых механизмов, в конечном итоге, — претворять в жизнь конституционную модель организации отношений личности и государства» [16].

В ходе заседания Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (27 марта 2025 года) были проанализованы и оценены результаты выполнения судами постановления Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 января 2024 года № 1 «О повышении качества работы системы судов общей юрисдикции». В. Л. Калинкович подчеркнул необходимость укрепления доверия к правосудию посредством оптимизации управленческих процессов и дебюрократизации судебной деятельности [17, с. 3]. К слову, принятие мер по дебюрократизации государственного аппарата неоднократно отмечалось в качестве приоритетного направления при осуществлении государственного управления на всех уровнях. Особое внимание при этом должно уделяться обеспечению эффективного взаимодействия государственных

органов с гражданами и гражданским обществом в целом: «В работе государственных органов и государственных организаций превалирует такой принцип взаимодействия с населением, как принцип приоритета учета законных интересов граждан и юридических лиц» [18].

Высшей институциональной гарантией легитимности судебной деятельности в Республике Беларусь является конституционная норма, запрещающая образование и деятельность на территории Республики Беларусь чрезвычайных судов (ч. 4 ст. 109 Конституции Республики Беларусь). К слову сказать, в конституциях большинства европейских государств установлен запрет на образование и деятельность чрезвычайных судов: Конституция Германии (ст. 101 (1)) — чрезвычайные суды не допускаются; Конституция Бельгии (ст. 146) — ни под каким названием не могут создаваться чрезвычайные комиссии или суды; Конституция Ирландии (ст. 30) — чрезвычайные суды не допускаются; Конституция Финляндии (§ 98) — чрезвычайные суды не могут образовываться; Конституция Эстонии (ст. 48) — создание чрезвычайных судов запрещено; Конституция Испании (п. 6 ст. 117) — запрещается деятельность чрезвычайных трибуналов; Конституция Италии (ст. 102) — не могут учреждаться должности чрезвычайных или специальных судей; Конституция Болгарии (п. 3 ст. 119) — чрезвычайные суды не допускаются. Конституция Польши (ст. 175) содержит формулировку следующего содержания: исключительный суд или ускоренная процедура могут устанавливаться только на время войны.

Вследствие особого статуса судебной власти в системе разделения властей, а также исключительного положения суда в системе правоохранительных органов государства [1, с. 8] можно выделить некоторые особенности легитимности судебной деятельности.

Для судебной власти категория «легитимность» имеет определяющее ее статус значение, поскольку судебная власть, в отличие, например, от исполнительной власти, не имеет собственного аппарата и средств принуждения: «Судам необходима “диффузная” или институциональная поддержка, которая приравнивается к институциональной легитимности судов, а также называется “резервуаром доброй воли” от имени их избирателей или “символической легитимностью”» [19, с. 804]. Судебная власть действует «под эгидой своей легитимности, продукта сущности и восприятия, который проявляется в признании народом судебной власти... <...> Когда общественное восприятие ухудшается, под угрозой оказывается само верховенство закона, подрываются основы государственной и частной власти» [20, с. 1813].

Легитимность судебной власти, таким образом, во многом основана на авторитете суда как органа государственной власти. Источники легитимности могут иметь различную социально-правовую природу. Л. Фуентес-Рохвер, к примеру, выделил так называемую судебную легитимность — «диффузную поддержку» (*diffuse supporte*) [21, с. 509]. В данном случае судебная легитимность воспринимается как институциональная лояльность, при которой общественность принимает и поддерживает суд в качестве арбитра (посредника) вне зависимости от конкретных результатов его деятельности. Основу данного подхода образует мифическое восприятие суда как символа справедливости и свободы или то, что У. Мерфи назвал «культом мантии» (*the cult of the robe*) — «концепция судьи как верховного жреца правосудия, обладающего особыми талантами в разъяснении закона, этого священного и таинственного текста, недоступного пониманию обычных граждан» [22].

Такое представление о статусе судьи формирует своего рода институциональную харизму, которая дается судьям с момента принесения ими присяги. Данный тип легитимности представляет собой своеобразное сочетание традиционного и харизматического типа легитимности (по М. Веберу). Стоит отметить, что общественность остается лояльной к суду и его решениям до тех пор, пока символы судебной власти охраняются, суд воспринимается как уникальный социокультурный артефакт. Судебная легитимность оказывается под угрозой, если общество начинает воспринимать суд как просто еще один политический институт [21, с. 509].

По мнению И. Е. Марочкина, легитимность судебной власти, помимо соответствия законодательству, включает в себя «процессуально не определенное отношение общества к судебной власти и ее решениям» [3, с. 571]. Автор апеллирует в данном случае к нерациональным типам легитимности. Увеличение количества обращений граждан в суды, по его мнению, может свидетельствовать о возрастании доверия населения к судебной власти.

Рациональный тип легитимности можно представить, согласно Л. Фуентесу-Рохверу, как «легитимность содержания» (*content legitimacy*), в которой источником авторитета суда выступает реальная, осознанная общественная поддержка. По словам П. Бурдые, власть в современном обществе «не может не опираться на символические формы легитимации своего господства» [23, с. 95]. В современном гражданском обществе и правовом государстве законодатель должен соотносить правовые нормы и институты с общественным мнением и общественными ожиданиями. Право существует не ради самого себя, а для нормального функционирования общества и государства. Норма права будет распространенным, многократно используемым и положительно оцениваемым образцом поведения только в том случае, если она будет легитимна — признана как актуальными, так и потенциальными акторами [24, с. 37]. Примером рациональной судебной легитимности в советское время можно называть институт выборности народных судей. Судья, набравший большинство голосов в ходе избирательной кампании, избирался на соответствующую должность.

Таким образом, можно допустить, что легитимность судебной деятельности в условиях развития современного общества не является безусловной категорией: она обладает преимущественно «накопительным» эффектом. Ввиду того, что судебная деятельность по осуществлению правосудия является разновидностью правоприменительной деятельности, ее легитимность формируется не гипотетическим путем либо в силу сложившейся традиции, а представляет собой постепенный процесс, отражающийся в общественном сознании. Легитимность судебной деятельности связана с доверием каждого конкретного индивида в процессе взаимодействия как с судебной системой государства в целом, так и с деятельностью конкретного судебного учреждения и его персоналом. По словам В. Л. Калинковича, «кадры определяют способность обеспечить эффективную судебную защиту прав и законных интересов граждан, а также кредит доверия населения страны к институтам судебной власти, а значит и государственной власти в целом» [25].

Заключение. Современный уровень развития правового сознания, правового государства и гражданского общества характеризуется закономерным движением в направлении легитимации как существующих, так и потенциально формирующихся, новых политико-правовых институтов государственной власти в современных условиях развития белорусской государственности. Судебная власть, являясь одной из ветвей государственной власти, равно как осуществляемая ею деятельность, должна обладать признаком легитимности. Более того, легитимность необходимо позиционировать в качестве атрибутивного признака судебной власти и осуществляемой ею деятельности. Легитимность судебной деятельности взаимосвязана с институциональной легитимностью государственных органов и обусловлена множеством факторов как политико-правового, так и социально-экономического характера, что позволяет ей претендовать на роль обязательного элемента в процессе построения и обеспечения системы национальной безопасности Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Бибило, В. Н. Белорусское судоустройство / В. Н. Бибило. — Мн. : Право и экономика, 2018. — 452 с.
2. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции / Н. Н. Полянский. — М. : Т-во И. Д. Сытина, 1911. — 203 с.
3. Марочкин, И. Е. Легитимность судебной власти / И. Е. Марочкин // Ежегодник украинского права. — 2013. — № 5. — С. 571—578.

4. Тищенко, А. В. Доверие к полиции: значение, факторы, перспективы формирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Тищенко Александр Викторович ; ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». — Ставрополь, 2022. — 28 с.
5. Шурыгина, Е. Г. Изменение социокультурного статуса института суда в современном российском обществе: коммуникативные компоненты легитимации : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Шурыгина Елена Геннадьевна ; Юж. федер. ун-т. — Ростов н/Д., 2009. — 27 с.
6. Штомпка, П. Доверие — основа общества / П. Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. — М. : Логос, 2012. — 440 с.
7. Копылова, Ю. Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 19.00.05 / Копылова Юлия Николаевна ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2003. — 25 с.
8. Banasik, P. Determinants of Judges' Career Choices and Productivity: a Polish Case Study / P. Banasik, K. Metelska-Szaniawska // European Journal of Law and Economics. — 2022. — Vol. 53, no. 11. — P. 81—107.
9. Ильин, И. Л. О сущности правосознания / подгот. текста и вступит. ст. И. Н. Смирнова. — М. : Парогъ, 1993. — 235 с.
10. Суд Линча // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Суд_Линча (дата обращения: 14.07.2025).
11. Бибило, В. Н. Основные этапы формирования и развития советской судебной системы в Беларуси / В. Н. Бибило // Судовы веснік. — 2023. — № 2. — С. 36—42.
12. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн ; под ред. М. Калантарова ; пер. Г. Седун. — М. : Прогресс-Универс, 1993. — С. 22—24.
13. Конституция 1919 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/> (дата обращения: 09.06.2025).
14. Конституция 1927 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/index.php#1927> (дата обращения: 09.06.2025).
15. О концепции судебно-правовой реформы : постановление Верх. Совета Респ. Беларусь от 23 апр. 1992 г. № 1611-XII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.06.2025).
16. Миклашевич, П. П. Государственная власть: конституционно-правовое регулирование / П. П. Миклашевич // Роль конституционных судов в преодолении конституционных конфликтов : XXII Ерев. междунар. конф., 19—21 окт. 2017 г., Ереван. — URL: <http://www.kc.gov.by/document-47603> (дата обращения: 09.12.2024).
17. Пленум Верховного Суда рассмотрел актуальные вопросы // Судовы веснік. — 2025. — № 2. — С. 3.
18. Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 13 июня 2023 г. № 172 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).
19. Adamany, D. Legitimacy, Realigning Elections, and the Supreme Court / D. Adamany // Wisconsin Law Review. — 1973. — Vol. 3. — P. 790—846.
20. Nunn, G. Alexander. Introduction: Perceived Legitimacy and the State Judiciary / G. Alexander, Nunn // Vanderbilt Law Review. — 2017. — Vol. 70, no. 11. — P. 1813—1817.
21. Fuentes-Rohwer, L. Taking Judicial Legitimacy Seriously / L. Fuentes-Rohwer. — URL: https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/2748?utm_source=www.repository.law.indiana.edu%2Ffacpub%2F2748&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (date of access: 22.05.2025).
22. Murphy, W. Elements of Judicial Strategy / W. Murphy. — Chicago : The University of Chicago Press, 1964. — 262 p.
23. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые ; пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. — 288 с.
24. Честнов, И. Л. Легитимность как признак права / И. Л. Честнов // Московский юридический журнал. — 2018. — № 3. — С. 32—38.
25. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь рассмотрел ряд вопросов, касающихся организации деятельности судов / Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/2814aa0eb86a4e37.html (дата обращения: 11.07.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, цифровых данных, личных имён и другой информации несут авторы опубликованных материалов.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Научная концепция журнала предполагает публикацию современных достижений в области исторических наук и археологии, экономических и юридических наук; представление результатов фундаментальных и прикладных исследований, а также результатов, полученных в производственных условиях областей, включая результаты национальных и международных исследований. Статьи аспирантов и докторантов последнего года обучения публикуются вне очереди при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным изданиям Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований.

Публикация статей в журнале бесплатная.

Подробные правила для авторов представлены на официальном сайте БарГУ (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The scientific strategy of the journal suggests publishing modern achievements in the field of history of science and archaeology, economic science and law; presentation of the results of fundamental and applied research, as well as the results obtained under production conditions, both at the domestic and international level. Articles by postgraduate and doctoral students in their final year of traineeship are published out of turn if they are written in strict conformity with the specified requirements of the scientific publications of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation research.

Publication of articles is free.

More detailed instructions for authors can be found on the official website of BarSU (<http://www.barsu.by/publishing/vestnik.php>).